

671
Александръ Цитронъ.

**103 дня
Второй Думы.**

Цѣна 75 коп.

Книгоиздательство „Думская Трибуна“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій просп. д. № 5.
1907.

Slav 1645.383
✓

Hooper

5453
33

Сто три дня Второй Думы.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Политическая исторія Россіи обогатилась еще одной исторической датой: 3 Іюня 1907 года.

Въ этотъ день противъ воли громаднаго большинства представителей народа была распущена вторая Государственная Дума и нарушены основные законы.

То, чего народъ добился путемъ долголѣтнихъ кровавыхъ жертвъ, — права создавать самому новый государственный строй, грубо нарушены тѣми, кто все еще хочетъ держать народъ въ цѣпяхъ.

Кто разогналъ представителей народа? Ихъ разогнало крѣпостническое дворянство, соединившееся съ черными заговорщиками изъ союза русскаго народа.

Думу только терпѣли во всѣ эти сто три дня, и это дѣлаліи потому, что надѣялись дискредитировать въ сознаниіи населенія идею народнаго представительства.

Вторая Дума разогнана потому, что въ значительной своей части она была народной думой, что въ ней истинные защитники народа повторили необходимость дать народу всю волю и всю землю. А старые насильники, ненавидящіе народъ, рвущійся къ свободѣ и къ землѣ, рѣшили убить эту Думу. Стоило только собраться въ Таврическомъ дворцѣ многочисленнымъ группамъ депутатовъ отъ народныхъ массъ — крестьянъ, рабочихъ и трудовой интеллигенціи, — какъ старый порядокъ, опираясь на штыки, рѣшилъ покончить съ Думою быстрымъ ударомъ.

Онъ не остановился передъ тѣмъ, что народные избранники принесли съ собою вѣру народную въ торжество своего дѣла, его надежды, что прекратятся насиліе и безправіе.

Старый порядокъ нарушилъ даже свои собственные законы, видя только въ продолженіи насилія и безправія свое спасеніе.

Для всякаго, кто слѣдилъ за ходомъ жизни парламента втеченіе этихъ сто трехъ дней, ясно, что намѣреніе разгона Думы сопутствовало ей постоянно, это намѣреніе составилось еще раньше—сейчасъ же послѣ выяснившихся результатовъ выборовъ.

Исторія повторилась...

Когда 30 сентября 1791 г. Конституанта сама себя распустила, то незадолго передъ роспускомъ она, по предложенію Робеспьера, постановила, что члены ея не могутъ быть выбраны вторично въ Законодательное Собраніе. Робеспьеръ оказался дальновиднымъ. Легислатива была значительно лѣвѣе Конституанты. У насъ о томъ же позаботилось правительство Столыпина. Наиболѣе видные члены первой Думы не могли быть избраны во вторую.

Конечно, Робеспьеръ и Столыпинъ преслѣдовали разныя цѣли, но результаты оказываются тождественными.

Исторія часто смѣется и зло смѣется!

Правительство и его сторонники пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы исказить выраженіе народной воли. Выборы во вторую Думу происходили при неслыханно-тяжелыхъ условіяхъ. Правительство высылало и арестовывало кандидатовъ оппозиціи. Оно кассировало выборы тамъ, гдѣ избраны были лѣвые. Оно не останавливалось передъ арестами выборщиковъ.

Выборы, происходившіе въ такой обстановкѣ, не могутъ, конечно, даже приблизительно правильно выразить дѣйствительную волю народа.

И все же результаты выборовъ, когда они выяснились, не оправдали чаяній и дѣяній правительства.

Это послужило первымъ поводомъ къ признанію Думы „неработоспособной“.

Значеніе этихъ ста трехъ дней командующій классъ въ лицѣ части дворянъ, бюрократіи и придворныхъ—которому подчинялось правительство, вели подкопъ подъ Думу. Они говорили, что Дума занимается кипучей пропагандой возстанія, что она засыпаетъ всю страну прокламаціями, что, опираясь на Думу, развиваются сотни бунтовскихъ

организаций. Они грозили, что вновь поднимется судорога забастовокъ и стачекъ, выступятъ бунтующія войсковыя части и что думскія агитаторы поднимутъ противъ власти весь обезумѣвшій народъ.

И въ тотъ моментъ, когда положительная работа была уже начата, когда Дума въ теченіе послѣдняго мѣсяца стала на тотъ путь, который открывалъ въ перспективѣ широкую реформаторскую дѣятельность; когда были начаты обсужденіемъ такія важныя для народной жизни реформы, какъ реформа мѣстнаго суда, когда были уже закончены подготовительныя работы по реформѣ избирательной системы въ мѣстномъ самоуправленіи, по неприкосновенности личности, когда даже земельная реформа въ аграрной комисіи стала быстро подвигаться впередъ и уже начала принимать реальныя формы, тогда Дума была распушена.

Сколько тяжкихъ испытаній пришлось пережить Думѣ, чтобы избѣжать всякаго рода поводовъ къ осложненіямъ между нею и правительствомъ; сколько осторожности, предусмотрительности, чрезвычайной, порой даже излишней, уступчивости проявлялось со стороны лѣвой части Думы на томъ тернистомъ пути, который долженъ былъ вывести ее на путь законодательной работы.

И тѣмъ не менѣе страна снова увидѣла роковой исходъ.

Исходъ этотъ въ сущности уже предрѣшенъ былъ давно.

Тогда Дума перестала жить... Конечно, для этого понадобилось пустить въ ходъ испытанное средство реакціи, но вѣдь исторически извѣстно, что при подобнаго рода операціяхъ дѣло ведется не совсѣмъ чисто...

Вторая Дума и вся эпоха, съ нею связанная, найдутъ конечно, своего историка. Но мы, современники и зрители этого акта великой всероссійской драмы, можемъ составить свое сужденіе о ней.

Партія народной свободы, игравшая въ Думѣ первенствующую роль, съ первыхъ же дней думской жизни заявила о полномъ разрывѣ съ лозунгами русской революціи. Какой поразительный контрастъ между дѣлами партіи во второй Думѣ и словами ея вождя Милюкова въ октябрѣ 1905 года, о томъ, что, добиваясь своей цѣли, конституціонно-демократическая партія не должна идти ни

на какія компромиссы и высоко держать то знамя, которое уже выкинуто освободительнымъ движеніемъ—стремиться къ созыву Учредительнаго Собранія! Мы невольно останавливаемся на этомъ моментѣ потому, что вся исторія этой партіи, какъ конституціонной и демократической, заключается между этими двумя датами и теперь разрывъ этой партіи съ народнымъ движеніемъ ясенъ.

Во всѣ моменты борьбы Думы съ реакціей, партія Народной Свободы проводила рѣзкую грань между собою и тѣми народными партіями, которыя настаивали на широкой организациі массъ, на полномъ разрывѣ съ безответственнымъ министерствомъ, на отклоненіи законовъ о бюджетѣ и контингентѣ арміи, на компетенціи Думы въ рѣшеніи вопроса объ амнистіи, и на достойномъ отвѣтѣ Думы по поводу аграрной программы правительства.

Во всемъ и всегда партія Народной свободы отмежевывалась отъ народныхъ партій, рѣшившись путемъ уступокъ спасти то, что заранѣе уже было обречено на гибель, и поступившись только честью и достоинствомъ молодой Россіи, уплатившей кровавый налогъ за народное представительство.

Правда, партія народной свободы добивалась власти, но она добивалась своей власти. Въ то время когда лѣвая оппозиція открыто провозглашала необходимость борьбы за власть, она требовала власти для себя, говоря: „дайте ее намъ, иначе они будутъ за нее бороться“.

Въ послѣдній мѣсяцъ жизни Думы случилось то, что рано или поздно должно было случиться: партія народной свободы отступила по всей линіи

24 Мая она устами Вл. Гессена со всей похвальною откровенностью заявила, что Думу можно спасти постепенными скромными поправками огромнаго государственнаго механизма. Это была откровенная либеральная проповѣдь „малыхъ дѣлъ“... Трагическое безсиліе Думы, которое они демонстрировали болѣе другихъ похоронило остатки оппозиціонности, а боязнь реставраціи самодержавія толкнула партію на путь компромисса.

Ни революціи ни реакціи, поспѣшно заявила она.

Увы! Она не знала, какъ она безсильна и въ томъ и въ другомъ. На ней уже оправдались слова Сень Жюста:

VII.

„кто дѣлаеть революцію на половину, тотъ заранѣе роетъ себѣ могилу“.

А вѣдь ихъ позиція была между революціей и противодѣйствиемъ ей! Такъ завершилась эпоха двухъ Думъ, изъ которыхъ первая началась выраженіемъ недовѣрія кадетами правительству, а вторая закончилась выраженіемъ недовѣрія правительствомъ кадетамъ.

Печатаая свои впечатлѣнія и наблюденія изъ жизни второй Думы, авторъ, несмотря на свое опредѣленное партійное міросозерцаніе, старался дать объективную картину Думской жизни и борьбы партій въ ней. Это обстоятельство является тѣмъ болѣе не труднымъ, что для всякаго наблюдателя жизни Думы вставало непреложной истиной два положенія: отступленіе партіи народной свободы отъ началъ русскаго освободительнаго движенія и послѣдовательная, прямолинейная тактика социаль-демократовъ. Если первые исходили изъ начала недовѣрія къ народному движенію и мѣрили событія масштабомъ собственнаго безсилія, то вторые добивались связи Думы съ народомъ, организациі его, и, выражаясь словами Шиллера, всегда помнили, что идеи уживаются одна съ другою, но факты крѣпко сталкиваются въ пространствѣ: гдѣ одинъ занимаетъ мѣсто, тамъ другой долженъ уступить.

Кто не гонить, тотъ самъ будетъ прогнанъ.

Народническія партіи постепенно одна за другой освобождались отъ гипноза кадетской истины, что политика есть наука возможнаго—и начали приходить къ заключенію, что лучшая политика—это прямая политика, и что надо вернуться туда, откуда онѣ пришли: къ народу.

Послѣдній день Думы засталъ въ ней партію—каждую на своемъ мѣстѣ.

Ал. Цитронъ.

Іюнь 1907 г.

Куокалла.

I.

Солнце вступило въ союзъ съ народомъ и показалось во всемъ своемъ блескѣ на его праздникѣ.

Оно буквально заливаеъ улицу, широкій Невскій, по которому текутъ живые человѣческіе ручьи. Возбужденныя лица, рѣдко кто безъ газетнаго листа въ рукахъ, и всѣ точно стали близкими и родными другъ другу: всѣхъ объединяеъ сегодня одна любовь, съ такою же страстностью, какъ вчера объединяла ненависть.

Чувствуеъся, что толпа состоитъ изъ дѣтей одного народа, знающаго, кто его другъ, и кто врагъ.

Мнѣ передавали, что уже нѣсколько дней толпа ходитъ къ Таврическому дворцу и смотреть на него.

— Чего вы стоите?— говоритъ имъ охрана — сегодня здѣсь ничего нѣтъ.

Толпа смотритъ, точно загнипнотизированная, на Бѣлый Домъ.

Чтобы ни говорили про разъѣдающій скептицизмъ русскаго народа, сегодня это не оправдалось. Масса, которую я наблюдалъ въ теченіе шести часовъ, вѣрила такую чистою вѣрою, была преисполнена такого искренняго энтузіазма, что можно смѣло сказать: народъ умѣеъ вѣрить...

Онъ вѣритъ теперь въ себя, въ своихъ людей, въ своихъ избранниковъ. Я гляжу на толпу и думаю: „что вчера еще принадлежало имъ сегодня принадлежить уже намъ.“

Вчера они еще готовились встрѣтить представителей народа, словно враговъ.

О, они приготовились къ этой встрѣчѣ! Они являются во всеоружіи передъ народными представителями... Они приготовились, какъ будто не представители народа пришли въ свою столицу, а пришель непріатель.

Сердце сжимается отъ боли, когда видишь, что старая ложь и старое насиліе протягиваютъ еще свои когти...

Они сегодня уже чувтъ, что скоро наступитъ часъ отвѣта, часъ, когда всѣ слезы и кровь, пролитыя ими въ слѣпой жестокости, выступятъ на землѣ русской.

Они омрачили нашу жизнь, они наполнили нашу страну тѣнями мучениковъ, они убивали нашъ покой, глумились над нашимъ горемъ.

Вчера еще они въ своемъ ослѣпленіи думали, что все позволено, что можно весь народъ объявить внѣ закона.

Поймутъ ли они великій смыслъ сегодняшняго дня?

Поймутъ ли, что дѣло не въ нѣсколькихъ сотняхъ избранниковъ народа, а въ той надеждѣ, которую народъ на этихъ избранниковъ возлагаетъ.

Имъ ничего не стоитъ бросить угрожающій вызовъ народу; они достаточно презираютъ народъ, чтобы не глумиться надъ нимъ. Ихъ патриотизмъ, которымъ они прикрываются, ихъ покаянная любовь къ порядку, все это уже обнаружено — и они стоятъ во всей отвратительной наготѣ.

Они снова занесли руку надъ несчастной страной, они снова встрѣтятъ холодомъ горячія стремленія народныхъ избранниковъ, они равнодушно забудутъ голодныхъ, разоренныхъ и обкраденныхъ ими людей.

Отвѣтитъ ли страна на призывъ лучшихъ избранныхъ представителей народа мощнымъ, дружнымъ выступленіемъ?

Мы услышимъ это сегодня.

Сегодня принадлежитъ намъ.

Въ толпѣ, которая шла одна на смѣну другой, я вижу и интеллигента неизмѣннаго питерскаго типа, завятаго и безотнositельнаго скептика и бойкаго приказчика изъ Гостиного, и рабочаго съ глубокою мыслью въ глазахъ, и студента, и мелкаго чиновника, и частнаго служащаго. Всѣ они, не смотря на веселое настроеніе, были какъ-то особенно торжественны. Не было уличнаго смѣха, того смѣха, который заражаетъ всѣхъ и cadaго, и безпричинно господствуетъ въ людской толпѣ: я не слышалъ ни прибаутокъ, ни шутокъ, ни пѣсни, ни шума. Всѣ чего-то ждали.

Депутатовъ еще нѣтъ: какъ ихъ узнать? Вѣдь они одѣты такъ-же, какъ и толпа, въ общемъ даже съ большей простотой.

Толпы текли къ Таврическому саду мимо казармъ гвардіи, мимо тюрьмы, мимо соборовъ. Ручейки вливались одинъ въ другой и образовывали сплошной людской потокъ.

Толпа обмѣнивалась мыслями.

— Наши пошли, тверцкіе — говорить чуйка, которая оказалась извозчикомъ. — Въ соборъ раньше помолиться-де... Никто какъ Богъ... Дѣло божье, благословенье надобно...

— Наши постоятъ! — увѣренно баситъ какой-то лавочникъ съ корзиною въ рукахъ.

— Приходиль сегодня околodочный: флаги приглашалъ выставить. Радоваться, значить, будемъ.

— Охъ, Господи, добромъ бы все кончилось. Потихоньку да полегоньку! — вздыхаетъ женщина.

Въ толпѣ движеніе. Масса татаръ вдругъ появилась и оживленно идетъ посреди самой улицы. Во главѣ ихъ двое въ національныхъ костюмахъ.

— Здравствуйте! — окликаетъ меня одинъ изъ толпы.

Гляжу: редакторъ маленькаго татарскаго журнала, участникъ нашихъ журнальныхъ собраний.

— Въ чемъ дѣло, коллега? Что за шестивіе?

— Въ думу провожаемъ своихъ... — жестикулируетъ онъ. — Плохо тамъ у насъ по рассказамъ депутатовъ... Говорятъ, что сильно возбуждены наши татары въ губерніяхъ. Голодные, умираютъ буквально безъ хлѣба.

Идти становится затруднительно и я, не смотря на желаніе потолкаться въ толпѣ, беру извозчика и ѣду въ Таврической.

Поворачиваю на Шпалерную — и первымъ вижу В. И. Немировича-Данченко. Плохой знакъ!

Василій Ивановичъ — военный корреспондентъ. Неужели онъ явился на театръ военныхъ дѣйствій?

Впереди цѣпь... Толпа валить на конную стражу... Съ обѣихъ сторонъ что-то накапаетъ...

Василій Ивановичъ глубже надѣваетъ пенснэ на носъ и спокойно заявляетъ:

— Сейчасъ атака!

И, дѣйствительно: черезъ минуту на толпу насканиваетъ взводъ конной гвардіи и тѣснить ее. Посрединѣ какой-то старикъ увѣщаетъ толпу.

— Господа, прошу васъ, избѣгайте столкновений... Погодите, дайте намъ спокойно поработать. Я депутатъ.

— Да здравствуютъ депутаты!— кричатъ пронзительные голоса. Со всѣхъ сторонъ валитъ толпа; вотъ масса студентовъ и рабочихъ окружаетъ столбъ съ котораго говорить какой-то ораторъ...

— Кто такой?

— Да это нашъ питерскій депутатъ Алексинскій— говорить мнѣ рабочій.

Одѣтыхъ въ армяки людей, которыхъ полиція почтительно пропускаетъ сквозь цѣпь, она встрѣчаетъ криками:

— За свободу, за амнистію!

Я не забуду лица одного старика-депутата въ страшно равномъ зипунѣ, который обернулся и громко закричалъ:

— Будетъ!

Это была несокрушимая вѣра, помогающая еще видѣть свѣтлое и мириться пока съ темнымъ.

Наконецъ, миновали одну цѣпь, тамъ другая, третья—и самая серьезная.

Джентльмены въ котелкахъ и котикахъ, люди, подобранные подъ масть „простого народа“, оглядываютъ васъ пронизывающимъ взглядомъ. Вы охвачены этимъ взглядомъ съ ногъ до головы. Вы точно осязаете, какъ вамъ влѣзли въ карманы, ошупали шубу... Еще застава, и вы у воротъ Бѣлаго Дома. Справа выстроился карауль, ужъ слишкомъ большой и внушительный. Гляжу по сторонамъ и вижу, что очутился буквально въ военномъ лагерѣ: всевозможные роды оружія полиціи, охраны.

Прошлогодній маленькій охранный полковникъ, точно эмблема, у входа... Еще минута, и я въ круглой прелестной ротондѣ: здѣсь уже начинаютъ собираться депутаты; вотъ нѣсколько с-д-овъ. Всѣ съ красными цвѣтками въ петличкахъ.

Вотъ интересный епископъ Евлогій отъ Холмской Руси. Вотъ и старые депутаты Сыртлановъ, Щипинъ и Араканцевъ. Родичевъ пришелъ пораньше. Вотъ и Милюковъ съ видомъ скромнаго наблюдателя. А въ сущности онъ даетъ сегодня бой.

Я вижу, что 20-е наступило уже въ дѣйствительности.

Вторая Дума собралась таки...

Сейчасъ переливается шумъ въ громадныхъ кулуарахъ, снуетъ и гудитъ человѣческая толпа, но настроеніе торжественное.

Всѣ эти армяки, скромные пиджаки, сапоги, вся эта толпа рослыхъ, крѣпкихъ депутатовъ, всѣхъ этихъ великихъ въ про-

стотъ своей людей — даютъ собирательную картину Россіи крѣпкой въ своихъ основахъ, но больной.

Я не пришелъ въ Думу, чтобы разсуждать, да я почти и не могъ этого дѣлать; я только всматривался въ депутатовъ и думалъ свое: „вчера принадлежало другимъ, сегодня имъ!“

Въ громадномъ залѣ собралось около тысячи человѣкъ; шло торжественное богослуженіе, и голоса звучали такъ чисто и свѣтло. Хотѣлось вѣрить, хотѣлось радоваться, но сквозь широкія окна можно было видѣть, какъ чернѣлъ своею массою народъ — и какъ его осаживали назадъ. Холодная стальная грудь —, огромная, вставала на встрѣчу живымъ народнымъ волнамъ.

— У Думы собрался народъ, — сказалъ одинъ изъ депутатовъ перваго призыва.

— Да, народъ. Въ прошломъ году была лишь человѣческая толпа.

Въ два часа говорили уже, что произошли многочисленныя столкновенія...

Возлѣ митрополита, служившаго молебень въ сослуженіи епископовъ-депутатовъ Евлогія и Платона, стоялъ задумчивый П. А. Столыпинъ. Рядомъ съ нимъ, немного откинувшись корпусомъ назадъ, министры Коковцевъ и Философовъ. Лицо у Столыпина блѣдное и какъ будто взволнованное. Вокругъ него тѣснились чины государственной канцеляріи, депутаты во фракахъ и военные. Рядомъ со мною, локоть о локоть, стояли П. Крушеванъ и Крупенскій. У Крушевана темное лицо съ острыми глазами, большіе усы, большая лысина.

Говорили, что онъ пріѣдетъ въ каретѣ, окруженной дружинниками изъ Союза русскаго народа, съ хоругвями, но благоразуміе одержало верхъ: ему пришлось бы проѣзжать черезъ стотысячную толпу повышенно настроенныхъ людей. Къ нему подошелъ Булацель, и какой-то депутатъ-крестьянинъ, сказавшій Крушевану, что „жидовъ не больно ужъ много“.

По окончаніи молебствія чины поздравляли Столыпина. Послѣдній улыбался съ оттѣнкомъ грусти.

Началось засѣданіе. Гляжу на палату: изъ крайнихъ лѣвыхъ многихъ нѣтъ. Очевидно, они рѣшили не демонстрировать уходомъ изъ зала, а просто не явиться къ началу привѣтственной рѣчи. Во время привѣтствія правые встаютъ и выслушиваютъ стоя сообщеніе Голубева. Раздается крикъ: да здравствуетъ Государь Императоръ! Весь центръ и лѣвые сидятъ. Кто-то на

правой не встаетъ и одиноко сидитъ. Это крестьянинъ, сѣвшій на „правую“ сторону, но склоняющійся къ трудовикамъ. Онъ, какъ оказалось, слово „правый“ понялъ по своему, и, пожалуй, правильно.

Голубевъ утомленнымъ голосомъ проситъ избрать председателя.

Избранъ, какъ извѣстно, Э. А. Головинъ. Послѣ объявленія результата онъ подъ аплодисменты всходитъ на трибуну и, немного волнуясь, начинаетъ свою рѣчь.

Рѣчь была произнесена въ общемъ сухо и дѣловито. Говорятъ, что надъ текстомъ ея трудился не одинъ только Головинъ. Твердо упомянуто два раза о конституціонныхъ правахъ и объ основахъ Манифеста 17 октября.

П. А. Столыпинъ повернулъ голову въ сторону председателя и внимательно слушалъ. И, словно для него, Головинъ ввернулъ слова о пути, указанномъ первой Государственной Думой.

Рѣчь особенно яркой не была, да яркости и вообще избѣгали.

Первое впечатлѣніе отъ новаго председателя это — сухая корректность и сдержанность.

Онъ не производитъ впечатлѣнія политика: у политика должно быть не такое выраженіе глазъ и не такая сухость. Политики всегда бываютъ менѣе сухіе и болѣе доступные.

Я послѣ выбора, когда засѣданіе закрылось, спросилъ москвича-журналиста:

— А въ прошломъ году впечатлѣніе отъ перваго засѣданія было сильнѣе?

Я намекалъ на председателя. Коллѣга поставилъ вопросъ ребромъ:

— Нашъ новый председатель сильная личность: онъ себя покажетъ.

Э. А., какъ говорятъ, твердый человекъ и, несмотря на всю свою мягкость, умѣетъ быть рѣзкимъ.

Твердость его была испытана послѣ исторіи съ неутвержденіемъ Шипова на должность председателя московской управы еще при В. К. Плеве. Тогда онъ дебютировалъ извѣстною рѣчью о томъ, что будетъ продолжать политику своего предшественника. Плеве это сильно не понравилось, но онъ смолчалъ.

На первомъ собраніи Думы онъ демонстрировалъ упоминаніемъ о первой Государственной Думѣ.

Это произвело впечатлѣніе.

Я думаю, что министры и правые подготовились къ тому, чтобы тѣнь первой Думы вошла въ залъ. Все вѣдь такъ напоминало это!

Изтобыло сдѣлано очень торжественно и съ большимъ тактомъ.

П. А. Столыпинъ нервно дернулъ головою, точно отгоняя какую-то мысль. Шванебахъ улыбнулся улыбкою, гсворившей:

„Какъ-же, знаемъ, знакомы...“

Ө. А. повторяетъ Муромцева, но не копируетъ его.

Лѣвые относятся очень сдержанно къ его рѣчи.

— Не конституціонныя начала, а конституціонныя иллюзіи!— проворчалъ недовольно Алексинскій, проходя мимо нашей трибуны.

Мой сосѣдъ говорилъ инѣ:

— Ну вотъ, мы съ вами снова попали въ Думу... Давайте сравнивать прошлый и нынѣшній годъ. Въ прошломъ году больше страстности, теперь больше дѣловитости. Со словами надо бережно обращаться. Что толку, если предсѣдатель сдѣлаетъ заявленія о требованіяхъ народа? Довольно словъ, давайте дѣла.

Предсѣдатель закрылъ засѣданіе, и депутаты стали расходиться. Какъ только показался первый депутатъ Сыртлановъ, по улицѣ прокатился мощный крикъ:

— Депутаты! Представители народа! Амнистію! Поѣзжайте въ тюрьму!

Депутаты проходятъ сквозь ряды полиціи—и тутъ они тонуть въ толпѣ. Ихъ уже не видно; ихъ передаютъ съ рукъ, на руки.

Вотъ и Алексинскій говоритъ рѣчь, напоминающую о необходимости поддержки народа... Толпа общается. Чего только она не общается въ такой солнечный день!...

Цѣлый часъ встрѣчали депутатовъ и шли съ пѣніемъ пѣсень, пока отряды конницы не врѣзались въ толпу...

Цѣлый вечеръ работали санитарныя кареты...

Небольшое сравненіе съ прошлымъ годомъ напрашивается.

27 апрѣля возлѣ Думы собралась толпа... Она довѣрчиво кричала „ура“ выходящимъ депутатамъ, носила ихъ на рукахъ и вопросительно восклицала: амнистія!?

Депутаты улыбались, жали руки и также восклицали: амнистія. Всѣ вѣрили, всѣмъ хотѣлось вѣрить. И этой вѣрой было замѣнено дѣло—а бюрократы въ израненное тѣло народа вонзили снова ножъ, не только не давъ амнистіи, но и переполнивъ тюрьмы и казематы.

20 февраля возлѣ Думы собрался уже народъ. Онъ не кричалъ и не требовалъ, а напоминалъ депутатамъ, что амнистіи нѣтъ. И только. Ни одинъ изъ десятковъ тысячъ, стоявшихъ на улицахъ, прилегающихъ къ Бѣлому Дому, не вѣрилъ уже болѣе. Никто не вѣрилъ, что стоитъ депутатамъ заявить объ амнистіи, и ее дадутъ немедленно. Всѣ понимали грозный смыслъ того, что народъ сдерживался тройною желѣзною цѣпью, что всюду заготовлены войска, которыя должны были дѣйствовать по рецепту, завѣщанному Треповымъ.

Для всѣхъ было болѣе чѣмъ ясно, что народъ не допускаютъ къ его избранныкамъ потому, что считаютъ единеніе народа съ его представителями опаснымъ для спокойствія и порядка.

Въ самой Думѣ, въ настроеніи депутатовъ, принесшихъ сюда тяжелую ношу на плечахъ, принесшихъ слезы и скорбь всей Россіи, когда отъ крика невозможно удержаться, чувствовалось сдержанное спокойствіе.

Депутаты переговаривались между собою, знакомились, распределялись по фракціямъ—и никто не говорилъ: „надо потребовать амнистіи, отмѣны полевыхъ судовъ или подъ судъ отдать министровъ.“

Всѣ понимали, что отъ словъ, отъ выраженного желанія ничего произойти не можетъ, и что они это скажутъ тогда, когда увидятъ, что сила, обезпечивающая имъ исполненіе ихъ требованій, въ ихъ рукахъ.

27 апрѣля была произведена демонстрація И. И. Петрункевичемъ, заявившимъ, что „освобожденная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ своихъ сыновъ“.

20 февраля вновь избранный предсѣдатель повторилъ, что осуществленіе задачъ, намѣченныхъ первою Думою, составляетъ цѣль настоящей Думы.

Министры, разогнавшіе первую Думу, могли понять изъ этихъ словъ что то, что они считали крамольнымъ, вновь возвращается, и имъ не удалось задушить въ странѣ стремленія къ новой жизни, какъ удавалось душить людей на эшафотѣ.

На первомъ засѣданіи можно было видѣть, какъ депутаты

соціально-демократической и соціально-революціонной партій поддержались отъ присутствія въ началѣ засѣданія.

„Отречемся отъ стараго міра.“

Ничего общаго съ тѣмъ, что держало вѣками народъ въ безправіи и гнетѣ.

Рѣчь предсѣдателя на тему о конституціонныхъ началахъ,— когда самый дворець обложенъ со всѣхъ сторонъ и казни не отмѣнены, а приостановлены, эта рѣчь принята восторженно только депутатами народной свободы.

Крайніе лѣвые остались насчетъ конституціонныхъ намековъ при своемъ, особомъ мнѣніи.

Когда засѣданіе кончилось и случилось то, что случилось бы на улицѣ во всякой странѣ, какъ бы она задавлена ни была: когда толпа встрѣчала привѣтствіями своихъ избранниковъ и около тѣхъ депутатовъ, которые всегда хотятъ быть съ народомъ, собралась десяти тысячная толпа, старый порядокъ пустилъ въ атаку казаковъ и показалъ воочію, что значать конституціонныя основы.

Всѣ негодуютъ и кричатъ — но всѣ понимаютъ, что этого надо было ожидать.

Все вытекаетъ одно изъ другого.

День не былъ бы днемъ торжества русскаго народа, если бы власть не освятила его нагайками!

II.

Вчерашнее избіеніе наводитъ на тяжелыя думы о Думѣ.

Въ острые моменты политической жизни, особенно въ эпоху революціонную, отношеніе правящихъ круговъ къ нарождающему строю выражается не только въ большомъ, но и маломъ.

Развѣ власть уважаетъ носителя законодательныхъ правъ народа, когда она избиваетъ его нагайками? Развѣ она уважаетъ идею неприкосновенности личности, когда она топчетъ гражданина конемъ? Развѣ она уважаетъ даже свои собственные законы, когда она явно ихъ нарушаетъ?

Каждый день, каждый часъ избитые граждане, переполненные тюрьмы — напоминаютъ неумолчно, что власть все еще ве-

детъ свою линію и желаетъ разстаться съ старымъ режимомъ не иначе, какъ путемъ конфликта.

Она правильно рассуждаетъ, что, когда конфликтъ станетъ вопросомъ силы, то она побѣдитъ.

Ей нѣтъ дѣла до конечнаго счета: старая система организованнаго насилія всегда вѣдь учитъ, что она удерживаетъ лишь сегодня, а до завтра ей нѣтъ дѣла. Завтра, быть можетъ, поднимется волна демократіи до самаго гнѣзда раззолоченной грязи.

Но сегодня еще въ ихъ рукахъ; сегодня слѣпые люди еще повинуются изъ приказу—и они поддержать ихъ.

Когда правительство наканунѣ Думы закрываетъ большую газету довольно умѣренного направленія, это уже не эпизодъ: это программа. Не въ туманныхъ и жалкихъ словахъ министерскихъ декларацій заключается программа того, что министры дѣлаютъ и намѣрены дѣлать. Ихъ реальная декларация это закрытіе газеты, избіеніе депутатовъ, атака мирныхъ гражданъ. Всѣ чины администраціи пропитаны анархическимъ принципомъ слѣпого разрушенія, полнѣйшей разнузданности и подкапываніемъ подъ то, чему они якобы служатъ. Чтѣбы тамъ министерство ни сказало, оно не скажетъ лучше, чѣмъ говорить своими поступками.

Когда предсѣдатель совѣта министровъ сидитъ въ Государственной Думѣ, а на улицѣ, дѣйствующіе его именемъ проливаютъ кровь гражданъ, виновныхъ только въ томъ, что они ходитъ привѣтствовать своихъ избранниковъ, то это значитъ, что министерство прочитало свою декларацію самымъ внушительнымъ образомъ.

Народъ оцѣнитъ эту откровенную декларацію и запишетъ ее себѣ на память.

Теперь конституціонные министры могутъ являться въ Думу и говорить тамъ слащавыя рѣчи о своемъ желаніи жить въ мирѣ съ народными представителями.

Сегодня я просматривалъ газеты:

Меньшиковъ вмѣстѣ съ гороховыми пальто былъ, конечно, во вторникъ возлѣ Таврическаго Дворца. Обстоятельно высмотрѣлъ, какъ происходила эта „репетиція возстанія“ и сегодня пишетъ объ этомъ подробнѣйшее донесеніе:

„Зрѣлище поразительное. Оно мнѣ показалось генеральной репетиціей престоющаго въ Петербургѣ бунта.“

И ему стало жутко.

„Не во имя ли дьявола будетъ этотъ бунтъ? Не сожретъ ли онъ народу, больше, чѣмъ чума. Сжималось сердце въ парламентѣ, глядя на то, что оставалось отъ старой Россіи: крохотная кучка правыхъ, менѣ одной пятой части, даже если причислить къ нимъ октябристовъ. Хотя какіе же октябристы „правые“? Отъ исторической Россіи остались въ качествѣ патриотовъ полякъ Пуришкевичъ, да молдаванинъ Крушеванъ съ нѣсколькими десятками неизвѣстныхъ. Остался дѣйствительный тайный совѣтникъ Голубевъ въ красной лентѣ, съ наружностью чиновника временъ Екатерины, осталась группа министровъ, весьма почтенныхъ господъ, которыхъ ложа казалась утлой ладьей среди депутатскаго зловѣщаго моря...

Во время избранія предсѣдателя, когда потянулись депутаты, выкликаемые чиновникомъ въ мундирѣ, просто страшно было смотрѣть, какое огромное число губерній и областей выслали революціонеровъ“.

Послѣ этого лирическаго вступленія начинается доносъ по существу.

„Есть законъ, не позволяющій народныхъ сборищъ въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Думы, какимъ образомъ у самаго Таврическаго Дворца допустили скопленіе толпы“?

Какое, однако, постигло бы Меньшикова разочарованіе если бъ онъ зналъ, что этотъ параграфъ лишь въ кадетскомъ законопроектѣ о собраніяхъ, а правительство его еще не приняло?

Въ уцѣлѣвшей газетѣ меньшевиковъ звучитъ нотка опасенія передъ всей трудностью предстоящей борьбы.

„Государственная Дума собралась. Но еще до того, какъ депутаты заняли въ первый разъ мѣста въ залѣ Таврическаго Дворца. слухи о предстоящемъ близкомъ государственномъ переворотѣ съ уничтоженіемъ послѣдняго слѣда октябрьскихъ завоеваній, въ томъ числѣ и Государственной Думы, эти зловѣщіе слухи, какъ змѣи, начали ползти со всѣхъ сторонъ, будя смутное чувство тревоги.

Мы не думаемъ, чтобы камарилья была такъ чудовищно слѣпа и безумна, мы не думаемъ, чтобы она теперь же посмѣла наложить руки на народное представительство, къ которому народъ пробился сквозь груды труповъ и стѣну эшафотовъ, нагроможденныхъ успокоительнымъ военно-полевымъ режимомъ. Но эти слухи, расплзающіеся изъ „высокопоставленныхъ“ переднихъ,

изъ канцелярій и изъ тѣхъ мрачныхъ норъ, гдѣ гнѣзятся чудовища черной банды, эти слухи, несомнѣнно, отражаютъ затаенныя желанія позолоченной и не прикрытой черной сотни. И черная сотня внѣ Думы рассчитываетъ въ этомъ „святомъ“ дѣлѣ съ полнымъ правомъ на содѣйствіе той черной сотни, которая пробиралась въ Думу подъ покровительствомъ и при прямомъ содѣйствіи правительства.

Только кадеты хотятъ успокоить читателя, заставить его примириться съ сквернымъ настоящимъ.

Вчера „Рѣчь“ будто не слыхала криковъ: „Амнистія“—и довольна этимъ.

„Въ день 27 апрѣля улица громко требовала амнистіи, о ней раздалось въ Думѣ первое слово, и формализмъ процедуры посторонился передъ неуправляемымъ напоромъ народнаго желанія. Вчера старый лозунгъ слабо раздавался на улицѣ и совсѣмъ не прозвучалъ въ Думѣ. „Не штурмъ, а правильная осада“. Не безнадежныя „требованія“, а систематическое завоеваніе позиціи, занятой сильнымъ врагомъ. Этотъ лозунгъ сталъ теперь общимъ, и обѣ стороны готовятся къ встрѣчѣ, заранѣе съ нимъ считаясь. Спѣшить нечего, борьба будетъ: борьба будетъ серьезная и долгая, а пока встрѣтившись въ первый разъ, противники мѣряютъ другъ друга взглядомъ, прежде чѣмъ помѣряться силами“.

Не знаю, что помогло обществу сразу же опредѣлить, что изъ себя представляютъ депутаты подъ флагомъ Народной Свободы: ихъ ли предвыборная борьба съ славными побѣдами въ Москвѣ и Петербургѣ, или же откровенное заявленіе о тактикѣ „медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ?“

Вчера на первомъ засѣданіи, въ патріотической демонстраціи правыхъ принималъ участіе и П. Б. Струве, извѣстный своимъ революціоннымъ началомъ и легальнымъ концомъ, такъ несчастливо взявшій было за образецъ своего однофамильца въ Германіи 48 года!

По немъ можно видѣть, что кадеты теперь, кажется, находятся въ періодѣ линянія. Съ ними въ наступившую весну происходитъ обычное для всѣхъ либераловъ всѣхъ революцій.

Кадетъ изъ видныхъ лидеровъ партіи, обращающій глаза направо, выказываетъ самый недвусмысленный сервиллизмъ, стоя въ одно время вмѣстѣ съ Крушеваномъ и Пуришкевичемъ, выражавшими свое уваженіе принципу, означавшимъ всегда ложь

и насиліе. Когда встаетъ бывший страшный либераль Стახовичъ, это, еще понятно. Онъ откровенно поклоняется еще старымъ богамъ и всегда уважаетъ то, что для народа считаетъ необходимымъ. Но что значить сервиллизмъ Струве?

Не пришелъ ли Генрихъ въ Каносу и не молилъ ли онъ смиренно о прощеніи?

Когда-то этотъ бывший социалистъ воскликнулъ въ своемъ либеральномъ „Освобожденіи“: мы должны теперь, когда русскій народъ ведетъ войну, выйти на улицу съ крикомъ: „да здравствуетъ армія!“ Когда ему замѣтили тогда, что армія—это слѣпая жестокая сила, которая служитъ угнетателямъ противъ народа, и съ какимъ бы гражданиномъ внутреннимъ не относился сожалѣніемъ къ своимъ братьямъ — солдатамъ, не вѣдающимъ, что они творять,—но кричать „да здравствуетъ армія“—значить выносить на улицу лозунгъ лжи и фальши, тогда Струве началъ путаться въ объясненіяхъ. Тогда онъ выставялъ свое предложеніе, какъ знакъ уваженія къ идеѣ русской націи въ лицѣ ея арміи.

Что же, и теперь у него есть „идейное“ объясненіе?

Объясненіе есть: оно заключается въ томъ, что формы человѣческаго недомыслия мѣняются, но сущность остается всегда одна и та же.

Это тѣ же борцы за народную свободу, о которыхъ во Франціи въ эпоху революціи Робеспьеръ сказалъ, что это политическіе плуты, выдумывающіе страшилище, для запугиванія слабыхъ. Это тѣ же борцы за народную свободу, о которыхъ нѣмецкій поэтъ революціонной эпохи говоритъ, что „они въ самыя критическія времена ползаютъ передъ трономъ, какъ и прирожденные рабы“.

Въ оппозиціонныхъ кривляніяхъ подобныхъ политиковъ было и есть одно лишь пассивное прихвостничество передъ силой, съ какой бы стороны она не шла: сверху или снизу. Сегодня принадлежитъ не народу—и они глумятся надъ красной тряпкой и снимаютъ шляпу передъ трехцвѣтной, завтра они сдѣлаютъ наоборотъ.

Такіе борцы за свободу должны быть пригвождены за уши къ столбу, какъ рабы, которые вкусили было свободу,—и вернулись назадъ подъ иго.

Ну, а остальные члены партіи? Одобряютъ ли они это, или по-

рицають? Или благодуже и политическое филистерство все уже задушили и одинъ изъ лидеров партіи только показалъ примѣръ остальнымъ?

Быть можетъ линіаніе началось съ головы и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ весны и лѣта, мы уже всѣхъ увидимъ въ цвѣтѣ октября?

III.

Сегодня засѣданія нѣтъ.

Мнѣ представляется интереснымъ узнать каково отношеніе къ современному моменту народническихъ группъ?

И я выяснилъ себѣ слѣдующее.

Продолжавшаяся три дня конференція трудовой группы закончилась наканунѣ открытія Думы. Въ ней приняли участіе: центральный комитетъ Трудовой группы уполномоченные областныхъ районовъ, бывшіе и настоящіе депутаты-трудовики и уполномоченные городскихъ комитетовъ. Первый день былъ посвященъ обмѣну впечатлѣній съ мѣстъ. Депутаты и уполномоченные нарисовали яркую картину гнета и произвола, которая сопутствовала выборной кампаніи. И не только репрессіи вызывали со стороны народныхъ массъ отпоръ, но и въ значительной степени этому способствовало несомнѣнное повышенное настроеніе среди крестьянъ.

Это настроеніе—по мнѣнію депутатовъ съ мѣстъ—необходимо учесть второй Думѣ. Партийный составъ депутатовъ съ несомнѣнностью указываетъ на то, что народъ разсчитываетъ и вѣрить только одной тактикѣ—тактикѣ выступленія съ самыми рѣшительными лозунгами.

„Населеніе молча таитъ въ себѣ обиду, но оно не забываетъ о ней“ — говорилось по этому поводу — „населеніе выбирало только смѣлыхъ людей, которые могли бы отстаивать его права“... Обмѣнъ мнѣній въ достаточной степени нарисовать картину озлобленности населенія, особенно среди цѣлой трети голодающаго русскаго крестьянства.

Въ общемъ группа приняла такого рода положенія:

Борьба еще продолжается, но населеніе еще не организовано

и у него не накоплено никакихъ силъ для организаціоннаго выступленія.

Трудовая группа имѣетъ свою задачу выраженіе интересовъ трудящихся классовъ, поэтому она должна занять опредѣленное мѣсто среди другихъ лѣвыхъ партій.

Тактика трудовой группы должна находиться въ прямомъ соотвѣтствіи съ состояніемъ силъ борющагося народа.

Дума пока только промежуточный этапъ въ освободительномъ движеніи. Въ настоящій моментъ она должна быть использована въ цѣляхъ политическаго воспитанія массъ.

По отношенію къ нынѣшнему правительству не должно быть допущено *никакихъ* соглашеній, уступокъ или компромиссовъ; необходимо только избѣгать преждевременнаго роспуска Думы.

Необходимо рѣзко отмежеваться отъ партіи конституціонной буржуазіи, такъ какъ трудящіеся классы имѣютъ свои задачи въ области не только соціальной, но— и политической.

Затѣмъ касались организаціи массъ, вопроса объ отвѣтственномъ министерствѣ и прежде всего всеобщей и полной амнистіи.

Доклады вызвали горячія пренія, изъ которыхъ выяснилось, что Трудовая группа состоитъ всецѣло на почвѣ опредѣленныхъ требованій, отъ которыхъ она не отступится ни на шагъ.

Компромиссы не допустимы, даже когда остается лишь путь конфликта.

Многіе пріѣхавшіе съ мѣстъ, выразили убѣжденіе, что въ концѣ концовъ массамъ придется рѣшиться на открытое выступленіе.

Къ трудовой группѣ присоединился въ качествѣ автономной единицы крестьянской союзъ. Участіе послѣдняго могло состояться лишь на почвѣ единообразія тактическихъ лозунговъ обѣихъ группъ.

Фракція народныхъ социалистовъ тѣсно сплотилась и выставила положенія:

Пользуясь всѣмъ представляющимся въ думской жизни поводами и всѣми имѣющимися въ думской борьбѣ средствами фракція должна постараться вскрыть и сдѣлать очевидными для народа изъяны существующаго въ странѣ строя и злоупотребленія дѣйствующаго въ ней режима; ясно и отчетливо формулировать по каждому вопросу народныя нужды и желанья и настойчиво рекомендовать указанныя въ партійной программѣ средства для ихъ удовлетворенія.

Фракція должна, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и при посредствѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, поддерживать живыя — личныя и письменныя сношенія — съ населеніемъ, стремясь привлечь самыя широкіе его круги.

Къ обсужденію вопросовъ, около которыхъ будетъ вестись думская борьба, и вызвать съ ихъ стороны опредѣленныя дѣйствія, которыя могли бы послужить для фракціи и всей Думы поддержкой: въ тѣхъ же цѣляхъ фракція должна настаивать на широкомъ и планомерно оповѣщеніи населенія, о ходѣ думской жизни и добиваться организованія сотрудничества страны съ думой; считаясь съ прозрачностью русской конституціи, фракція должна стремиться, чтобы борьба Государственной Думы съ правительствомъ не ограничилась борьбой съ тѣмъ или инымъ министерствомъ, а доводилась до своего логическаго конца, чтобы такимъ образомъ вопросъ объ отвѣтственности за дѣйствія правительства былъ поставленъ совершенно ясно передъ народомъ.

А мечтающимъ конституционалистамъ не рѣзаль глаза тотъ фактъ, что лучшіе и талантливѣйшіе политическіе борцы и лидеры этой партіи Мякотинъ, Пошехоновъ и Анненскій не могли быть въ рядахъ депутатовъ, такъ какъ конституціонное наше правительство успѣшило изъять ихъ изъ обращенія.

Когда видишь въ Думѣ такую массу крестьянскихъ представителей, задаешь себѣ вопросъ, чего ждетъ крестьянство.

Когда передъ глазами лежитъ списокъ депутатовъ и распредѣленіе ихъ по партіямъ, то приходится признать, что то, что одни называютъ смутой, а другіе революціей, глубоко пробило толщу народную... Быть можетъ тутъ стихія, но стихія, направляющая свою силу въ одну сторону.

Мужицкая Русь, голодная и обнищавшая, опекаемая начальствомъ и допекаемая безправіемъ, эта мужицкая Русь дала побѣду оппозиціи! Если бы не крестьянскіе выборщики, то въ большинствѣ губерній не прошли бы ни кадеты, ни лѣвая интеллигенція.

Мужицкая Русь пришла теперь во второй разъ въ столицу и устами своихъ представителей заявляеть, что ей нужна земля, нужна воля... Прежніе пути заброшены, былая покорность исчезла безъ возврата. Передъ нами созрѣвшій, сознательный гражданинъ, твердо знающій, кто его другъ и кто — врагъ. И разсчитываетъ онъ только на себя и на свои силы.

Въ первую Думу крестьянство выбирало съ горячей вѣрой, что „Дума все порѣшитъ“. Теперь оно выбирало съ рѣшимостью граничащей съ отчаяніемъ, останавливаясь на тѣхъ людяхъ, кто можетъ и способенъ защитить. Въ первую Думу пришла нетронутая народная вѣра, что наконецъ и онъ, крестьянинъ, выскажется и выкажетъ себя... Теперь онъ знаетъ напередъ что будетъ, если онъ громко заговорить, и спокойная прежде вѣра замѣняется теперь безпокойнымъ отчаяніемъ.

Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что многомилліонное крестьянство по сигналу моментально выступить на активную борьбу въ той, отчасти уродливой, формѣ, которую мы наблюдали еще такъ недавно. Горько ошибаются также и тѣ, кто въ неизмѣримой слѣпотѣ своей думаетъ, что народъ можно гнуть еще ниже...

Масса раскачивается теперь, — мысль ея въ броженіи, въ ней формируется грандіозный процессъ самосознанія...

Въ крестьянахъ слишкомъ долго и усиленно убивали вѣру во власть, и мы присутствуемъ при полномъ крушеніи авторитета всякой власти... Въ народѣ усиленно убивали вѣру въ правосудіе, — и онъ не вѣритъ больше въ правосудіе...

Въ тотъ моментъ, когда крестьянская Русь перестанетъ вѣрить въ Думу, въ возможность посредствомъ нея избавиться отъ мучительныхъ тисковъ произвола и опеки, — онъ потеряетъ всякую вѣру въ творческую работу культурными средствами и начнетъ управляться „своими средствіями“...

Народная масса ждетъ отъ опыта второй Думы только подтвержденія своей тайной мысли, что ему нечего ждать отъ государственнаго реформаторства, отъ затѣй, которыя для него „сочли за благо“.

Кончается ли уже или продолжается еще стихійный процессъ развитія этой разрушительной идеи, подсказанной нуждой и отчаяніемъ, мы предсказать не беремъ. Но одно мы можемъ съ несомнѣнностью сказать: русское крестьянство дошло до черты за которой начинается безвѣріе въ какую бы то ни было возможность рвзрѣшить вопросъ безъ конфликта. Странѣ придется пережить рядъ неслыханныхъ потрясеній именно тогда, когда крестьянство перестанетъ ждать...

И хочется крикнуть:

— Прислушайтесь же хоть теперь къ его голосу!

IV.

Приемъ Предсѣдателя Государственной Думы уже состоялся

По обычаю конституціонныхъ странъ, это представленіе носило чисто формальный характеръ и выражало собою только чисто внѣшнее правоотношеніе между народнымъ представительствомъ и Верховною властью.

Тутъ нѣтъ, казалось бы, мѣста какимъ либо политическимъ цѣлямъ, которыя могли представиться при этомъ свиданіи.

Въ основныхъ законахъ каждой высокой сторонѣ отведены извѣстныя права и обязанности, которыя осуществляются въ извѣстномъ порядкѣ.

Мы говоримъ: казалось бы...

И говоримъ это именно потому, что при настоящемъ положеніи страны, когда представляется возможность торжественно и вѣско высказать хотя бы одно только убѣжденіе, то оно должно быть высказано.

Для тѣхъ, кто еще можетъ ожидать, что послѣдуетъ коренное преобразование, а не революціонная буря, для тѣхъ представляется возможность заявить о томъ, что переживаетъ народъ.

Есть слова, которыя взвѣшиваются; есть отвѣты, которые бросаются какъ мечъ на колеблющіяся чашки вѣсовъ политическаго момента. И въ тотъ моментъ, когда есть возможность все выяснить, то на лицахъ лежитъ эта необходимость долга.

Мы говоримъ это не для себя: для насъ все ясно.

Мы говоримъ это для тѣхъ, кто еще колеблется и еще вѣрить...

Пусть все станетъ ясно для всѣхъ.

Газеты французскія и нѣмецкія, дошедшія до насъ переполнены отзывами о Думѣ. Возьмемъ наудачу нѣкоторыя изъ нихъ.

Парижскій „Siècle“ пишетъ; „Дума собралась; она состоитъ изъ двухъ лѣвыхъ фланговъ и кадетскаго центра. Отъ кадетовъ зависитъ теперь образовать большинство въ русскомъ парламентѣ. Они должны поэтому, стараться отбить элементы какъ правой, такъ и лѣвой для сформированія прочнаго ядра. Это дастъ имъ возможность убѣдить страну въ необходимости сбросить ярмо бюрократическаго режима. Передъ правительствомъ одна дорога: отыскать общія точки соприкосновенія съ большинствомъ палаты; а такъ какъ это большинство либерально, то и г. Столы-

пину придется окрасить либерализмом свою программу. Для этого, прежде всего, ему придется подать руку примиренія своимъ врагамъ—кадетамъ. Пойдетъ ли онъ на это?

Если нѣтъ, то либо Дума снова будетъ разогнана, либо.. будетъ уничтоженъ актъ 17-го октября.

А это къ добру не приведетъ. Третья Дума будетъ еще оппозиционнѣе. На государственный же переворотъ Царь не пойдетъ, да и онъ вызвалъ бы слишкомъ гибельныя послѣдствія. Можно было бы ожидать повторенія октябрьскихъ дней...

Необходимо поэтому, выждать событія. Правительство будетъ вынуждено рѣшиться на что нибудь. Не изберетъ ли, однако, г. Столыпинъ образцомъ себѣ г. Горемыкина?

А что говоритъ даже буржуазная печать? Разверните хотя бы вѣнскую „Neue Freie Presse“. Въ обширной статьѣ она подводитъ итоги минувшимъ семи мѣсяцамъ и ставитъ вопросъ: чего добивается русская революція?

„Только самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ“, отвѣчаетъ она, „неприкосновенности личности, свободы совѣсти, собраній, печати и главное, уничтоженія ужасающей нужды. Это ли непонятно? Это ли не законныя стремленія? Дума прежде всего должна будетъ позаботиться о смягченіи крестьянской нужды“.

Выборы въ предсѣдатели представителя земства, Головина, да еще такимъ подавляющимъ большинствомъ, являются для газеты показателемъ момента и настроенія. Газета привѣтствуетъ образование сплоченнаго большинства и выражаетъ твердую увѣренность, что идея парламентаризма въ Россіи прочно укоренилась. Безъ народнаго представительства страна существовать больше не желаетъ и это должны помнить предрежащія власть въ Россіи.

Однако, не смотря на открытіе Думы, кровь продолжаетъ проливаться передъ открытіемъ Думы и въ день ея! 17 казней въ Тукумѣ, 4 казни въ Варшавѣ! Рижскія тюрьмы могутъ кое что рассказать о пыткахъ, чинимыхъ въ нихъ. Полевые суды продолжаютъ работать.

Такова обстановка, при которой открывается русскій парламентъ.

И все же никто не увѣренъ въ томъ, что и вторую Думу не разгонятъ. Гдѣ же тутъ смыслъ? Почему никто не увѣренъ въ этомъ?

Отвѣтъ ясенъ. Мы давно уже привыкли къ бессмыслицѣ.

V.

Засѣданіе открывається.

Крайніе лѣвые съ шумомъ врываются въ залъ засѣданій. Мягкій бетонный полъ едва скрадываетъ шумъ многочисленныхъ шаговъ.

„Гора“ занята социаль-демократами, занявшими всѣ верхнія скамьи зала. Лица характерныя, у многихъ рѣзкое выраженіе. Видны напряженіе и нервность человѣка, почти всегда занимающагося борьбою.

„Все критиковать, во всемъ сомнѣваться“—точно этотъ принципъ Джорданно Бруно нераздѣльно властвуетъ надъ ними повсюду, во всемъ, навсегда.

Ниже трудовики; сидятъ они массой, крѣпкой, сплоченной; видна сила земли.

Когда я смотрю на нихъ, мнѣ кажется, что осуществилось тургеневское желаніе изъ „Наканунъ“:

— Когда же наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?

— Погоди, дай срокъ: будутъ.

— Будутъ, говоришь ты? Постой, я запомню твои слова:

Прошло тридцать лѣтъ, и черноземная сила явилась. Явилась неожиданно, вѣрующая только въ себя, трезвая, сознательная, уважающая себя сила.

Вотъ они сидятъ на среднихъ скамьяхъ лѣвой, бородатые крѣпко сколоченные крестьяне и деревенская интеллигенція, которую не легко отличить отъ крестьянъ.

Отъ всѣхъ ихъ точно идетъ запахъ земли—и при видѣ ихъ кажется, что что-то огромное, важное сидитъ здѣсь, и если оно подастъ голосъ, то онъ громомъ прокатится по Руси.

Центръ и отсѣки угловъ занимаютъ кадеты. Много знакомыхъ лицъ: Родичевъ, тверской „вѣчевой колоколь“ опять тутъ. Онъ сидитъ прямой и насмѣшливый, точно указующій перстъ судьбы. Рядомъ съ нимъ Кузьминъ-Караваевъ, къ которому приплели почему-то названіе: „косвенный виновникъ разгона Думы“. А вотъ и перешедшій въ ряды социаль-демократовъ бывший вице-губернаторъ Наливкинъ.

Мѣста пока еще не распределены по партіямъ.

Среди всего разнообразія партійнаго состава трудно разобратъ, гдѣ развѣвается знамя главной дѣйствующей арміи. Да

и засѣданія то малоинтересныя, такъ какъ еще идутъ выборы президіума.

Но оттого-то лѣвые такъ стремительно вошли въ залъ, что сегодня—это день ихъ торжества. Сегодня въ президіумъ входятъ двое лѣвыхъ Н. Н. Познанскій и М. Е. Березинъ.

Послѣдняго я видѣлъ много разъ до избранія и говорилъ съ нимъ. Какъ съ фигурой, до нѣкоторой степени исторической, съ нимъ слѣдуетъ теперь считаться.

Въ ближайшихъ засѣданіяхъ за отсутствіемъ предсѣдателя онъ будетъ предсѣдательствовать,—и я увѣренъ, что онъ твердо и властно будетъ вести засѣданія. У него сухощавое лицо типичнаго русскаго интеллигента, измученное и нервное.

Онъ носитъ очки и близоруко вглядывается въ собесѣдника, Видна большая сердечность подъ маской рѣзкости человѣка, обременнаго условіями русской жизни.

М. Е. окончилъ математикомъ въ Казані—и занимался статистикой. Въ первый день своего приѣзда онъ былъ у меня, чтобы узнать кое-какія адреса—и вскользь упомянулъ о своей скитальческой жизни. Онъ живалъ по долгу на Сѣверѣ, бывалъ въ тюрьмѣ не разъ и въ послѣднее время вель статистическій отдѣлъ въ саратовской управѣ. Былъ, что называется „третьимъ элементомъ“, былъ третируемъ, высылаемъ и вообще раздѣлялъ общую участь.

А сегодня какъ вознесла его высоко демократическая волна! Сегодня онъ сидитъ у предсѣдательской трибуны и наступитъ часть, когда на плечи его взвалять представительство громаднаго отвѣтственнаго дѣла.

Въ кулуарахъ говорили, что устанавливается какая то традиція: первый предсѣдатель москвичъ, второй, товарищъ его, изъ Харькова. Парламентскіе обычаи крѣпкіе; такъ можетъ выйти цѣлая полоса.

„Сегодня торжествуетъ тенденція, а не здравый смыслъ“—говорить у насъ въ ложѣ одинъ бывшій депутатъ-кадетъ,—отдавать первенство людямъ, работоспособность которыхъ составляетъ вопросъ, передъ людьми оцѣта „это есть тенденціозность, но это не политика“.

Говорили также, что слѣдовало-бы предоставить одинъ постъ товарища правымъ въ лицѣ старика профессора Капустина. Такъ, дескать, водится въ конституціонныхъ странахъ.

— Да зачѣмъ намъ уступать кому-либо? горячится депутатъ

Хвостъ—будь ихъ большинство, они-бы намъ уступили? никогда! Зачѣмъ мы вообще должны уступать кому-либо?

По избраніи раздалися шумные апплодисменты.

Конечно, все это только формальный актъ, но онъ имѣлъ значеніе смотра. Смотри въяснилъ съ несомнѣнностью, что группа правыхъ доходить до ста человѣкъ. Она будетъ дѣйствовать компактно: ее будетъ цементировать неуступчивость лѣваго крыла.

М. А. Стаховичъ неизмѣнно съ правыми.

М. А. Стаховичъ! Недаромъ у него почти мѣднаго цвѣта лицо, потемнѣвшее и удрученное...

Какая все-таки разница между нимъ и его братомъ, усерднымъ рыцаремъ народной свободы!

Поэтому—тотъ открыто и смотритъ на всѣхъ и гордо держать голову.

Второе засѣданіе было всецѣло посвящено выборамъ. По этому же вопросу, т. е. о выборахъ помощниковъ секретарей, говорило съ мѣстъ нѣсколько депутатовъ, въ томъ числѣ и Крушеванъ. Когда онъ всталъ, всѣ вокругъ зашевелились и даже члены государственнаго совѣта поднялись со своихъ мѣстъ.

Крушеванъ охотно бесѣдуетъ съ журналистами и высказывается, какъ сторонникъ автономіи.

Сегодня онъ сказалъ одному коллегѣ, что онъ за всеобщее избирательное право и противъ погромовъ. Что это? Предчувствіе кассациі или убѣжденіе?

Соціалъ-демократы хотѣли закончить день финаломъ. Послѣ предполагавшихся выборовъ товарищѣй секретаря они хотѣли внести запросъ объ амнистіи. Они очень горячились въ кулуарахъ—и ихъ едва уломали другіе лѣвые не дѣлать этого.

Очередь этихъ вопросовъ наступитъ позже, по окончаніи всѣхъ формальностей.

Пока идетъ подсчетъ, выхожу въ кулуары.

Кулуары оживлены: они пережили первые два дня Думы—и потеряли уже право сказать, что вторую Думу разогнали въ первый или на второй же день!

А третій? О, и этотъ день въ сущности такъ же безобиденъ, какъ и первый. Всѣ условились быть благонравными и въ этотъ день.

У всѣхъ на лицахъ написано примиреніе съ необходимыми формальностями: нельзя же приступить къ дѣлу безъ президіума.

Кулуары гудятъ: пестрая толпа армяковъ и пиджаковъ перекатывается изъ одного конца пышнаго Екатерининскаго зала въ другой. Идутъ разговоры, дѣлятся впечатлѣніями. Видно, что депутаты подтянулись и начинаютъ уже распознавать своихъ.

Какая яркая толпа! Тутъ и типичный пахарь, оторванный отъ сохи, и рабочій съ фабрики, безъ доктринъ, безъ заученныхъ формулъ, а съ простымъ и яснымъ рѣшеніемъ: добиться соціального равенства. Слишкомъ тяжело жить, умираютъ съ голоду люди, всю свою жизнь создававшіе государство по кирпичу, и сами вмѣсто кирпича въ землю ложившіеся. Депутатъ рабочій знаетъ, что значитъ голодуха, что значитъ миллионъ дѣтей, умирающихъ ежегодно въ Россіи, что значитъ удержаніе не знающая эксплуатація въ глухой Россіи.

Тутъ рядомъ интеллигентъ, тюремный житель, надъ которымъ глумились и въ школѣ, и на службѣ, котораго власть травила какъ дикаго звѣря. Учитель, статистикъ, врачъ—имъ всегда хотѣли помыкать и держать его въ черномъ тѣлѣ.

Рядомъ казачій депутатъ въ формѣ. Онъ пришелъ къ намъ отъ лица своихъ братьевъ съ тихаго Дона, съ буйнаго Терека, съ быстрой Кубани сказать, что и они пробуждаются.

Лица у всѣхъ серьезныя, проникновенныя, простыя. Они чаруютъ своею простотою, своимъ неподдѣльнымъ чувствомъ искренности. Всякій, соприкасающійся съ ними, чувствуетъ, что пришли мученики, принесли тяжелую ношу на плечахъ; слезы и скорбь всей Россіи.

Страшно подумать видя ихъ, этихъ лучшихъ дѣтей народа, что какая то раззолоченная кучка людей хочетъ взять эту массу представителей крѣпкой, сильной земли и пригнуть ихъ къ землѣ въ знакъ покорности...

Здѣсь, въ этомъ залѣ, миниатюры Россіи: здѣсь и татаринъ, и полякъ, и грузинъ, и латышъ, и литовецъ, и еврей, и башкиръ... И всѣ эти національныя партіи горятъ одинаково ненавистью къ тѣмъ, кто сдѣлалъ гнетъ ихъ своей цѣлью.

Среди депутатовъ крестьянская масса бросается въ глаза. Мнѣ кажется, что если на Думской трибунѣ появится одинъ старикъ—депутатъ, въ рваномъ зипунѣ, буквально оторванный отъ земли, отъ плуга—и расскажетъ такъ же безхитро, и

какъ онъ намъ рассказывалъ, про голодь, да про выколачиванье податей, да про земскаго, да про попа деревенскаго, что вмѣстѣ съ урядникомъ грозилъ передъ выборами, то въ Думѣ грянетъ громъ небесный...

Какъ убѣждаешься по всѣмъ этимъ разговорамъ крестьянъ, до какой степени масса прониклась убѣжденіемъ, что вся земля должна имъ принадлежать, и что никакое начальство—подъ этимъ понимается вся совокупность стараго режима—не должно мѣшать свободѣ!

„Намъ жизнь лучшую устроить бы... Больно мы изголодались, натерпѣлись мы и страху, и добро наше пропадало“—торопится онъ высказать про свои обиды... „Безъ правды помремь, ей-ей помремь всѣ... Жизнь тяжела стала. Дума не иначе насъ выручить“.

Первая Дума оставила въ крестьянахъ чувство скептицизма.

— Ничего не вышло—говорили они—дума-то барская была. Теперь надо только крестьянъ посылать...

И послали.

Всюду перемѣшаны они съ толпою. Куда ни помотришь, вездѣ нѣсколько крѣпкихъ, сильныхъ крестьянъ, внимательно ко всему прислушивающихся.

Въ кулуарахъ горячились уже эсдѣки, требовавшіе внести предложеніе объ амнистіи.

Народническія группы волновались по этому поводу—и соединенными силами добились снятія этого вопроса съ очереди. Но этотъ инцидентъ, по поводу котораго было сказано въ кулуарахъ многи искреннихъ и горячихъ словъ, показываетъ что терпѣніе у наиболѣе революціонныхъ элементовъ истощилось и что надо скоро ожидать конфликтовъ. И не одного, не двухъ—а цѣлаго ряда...

Пріятный звонъ мелодично разносится по кулуарамъ, и депутаты спѣшатъ на мѣста. Заль заполняется. Сидятъ всѣ еще по старому. Иной кадетъ попалъ еще среди лѣвыхъ и сосредоточенно глядитъ на своихъ красныхъ сосѣдей. Среди Крушевана и Пуришкевича затесался трудовикъ, на котораго тѣ поглядываютъ съ забавнымъ испугомъ: не отобьетъ ли онъ нашихъ крестьянъ? И они оглядываются на своихъ крестьянъ, точно ворона на своихъ птенцовъ.

На трибунѣ Ѳ. А. Головинъ; онъ какъ то сосредоточенно

поджигаетъ свои тонкія губы и окидываетъ залъ взглядомъ справа налѣво... Черезъ минуту онъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ говоритъ: „объявляю результатъ подсчета записокъ“.

Избранъ секретаремъ Челноковъ, а товарищами Салтыковъ, Успенскій, Максудовъ, Карташевъ и Харламовъ.

Засѣданіе окончилось вечеромъ.

Народъ уже не ждалъ депутатовъ.

За Думой зачисляется еще одинъ день существованія.

VI.

Мы стоимъ передъ деклараціей министерства. Ее одинаково ждуть и бюрократія и Дума.

Обѣ стороны словно выстроились въ боевой порядокъ. Наше сравненіе не случайность.

Вся жизнь русская сложилась такъ, что власть и народъ примириться не могутъ. Одна сторона—народъ уступить не можетъ: не съ чего уступать, такъ какъ у него ничего нѣтъ.

Еще одинъ шагъ назадъ, еще моментъ реакціи или равнодушія въ народѣ—и онъ потерпитъ крушеніе. Конечно, силы народа неизсякаемы, и мощная сила жизни вновь вызоветъ его къ борьбѣ. Но это будетъ ему стоить новыхъ жертвъ, жертвъ лучшими сынами народа.

Государственная Дума собралась, и ей ежедневно бросаютъ въ лицо вызовы, преподнося трупы казенныхъ. Всюду насиліе, даже надъ личностями депутатовъ; собранія распускаются администраціей. Въ тотъ моментъ, когда, казалось бы, власть, желая быть искренней, хотя бы только въ скудную мѣру своихъ скудныхъ словъ, можетъ чисто-внѣшнимъ образомъ успокоить народъ, можетъ отказаться отъ смертныхъ приговоровъ, отъ своего обычнаго глумленія надъ самой идеей народнаго представительства—она этого не дѣлаетъ.

А въ Думѣ уже начинаютъ прорываться бурные голоса, требующіе немедленной амнистіи. Многимъ своимъ избранникамъ народъ говорилъ: добивайтесь амнистіи. И имъ придется не только ее добиваться, но и биться за нее. Есть крики сердца, которыхъ заглушить невозможно, есть голосъ совѣсти, который неумолченъ. И если въ деклараціи не будетъ сказано относительно

того, что на устахъ у всѣхъ гражданъ, то представители народа должны сами объ этомъ сказать. Сказать твердо и властно.

Моментъ встрѣчи правительства съ народными представителями на думской трибунѣ назначенъ на завтра, и стороны усиленно готовятся къ этой встрѣчѣ.

Правительство аргументируетъ свою правоту въ дѣлѣ управления страной во время междудумья дальнѣйшимъ неуклоннымъ проведеніемъ своей прежней политики.

Непогрѣшимость догмата, что негодную Думу можно разгнать до бесконечности, устанавливается и впредь.

Догматъ непогрѣшимости военно-полевыхъ судовъ, какъ средства успокоенія, подтверждается тѣмъ, что казни продолжаются ежедневно. Думу выслушиваютъ передъ этимъ, словно она является *advocatus diaboli*.

Когда министръ напередъ знаетъ, что новая палата вновь скажетъ, какъ и первая, что смертная казнь, послѣ осужденія ея первыми народными избранниками, есть организованное убійство, и напередъ рѣшаетъ не считаться съ этимъ заявленіемъ, то можно ли вѣрить его словамъ о желаніи работать сообща съ Думой?

Работать совмѣстно съ Думой? Кто же это будетъ работать? Министерство, которое носить клеймо министерства „разгона Думы“? Министерство, воздвигшее по всей Россіи эшафоты, какъ средство успокоенія и ничего кромѣ отвращенія и ужаса къ себѣ не вызвавшее?

Съ того момента, какъ въ Думу войдетъ министерство междудумья, то это значить, что въ Думу войдутъ лица, желающіе ее взорвать...

Спрашивается, мѣсто ли иллюзіямъ теперь, когда предстоитъ не встрѣча, а столкновение?

Есть вещи, которыхъ нельзя забыть даже кадетамъ.

И политическая партія начинаетъ лѣтосчисленіе своей гибели съ того момента, когда она рѣшаетъ прямо или косвенно поддерживать нынѣшнее правительство.

Все, что направлено къ примиренію съ властью, встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе со стороны той-же власти.

Продолжающаяся политическая и общественная дезорганизация имѣетъ свой фокусъ, въ которомъ, какъ въ центрѣ, со-

средоточены всѣ нити ея: это роковая неуступчивость исполнительной власти.

Послѣдняя все еще на своей старой позиціи и льститъ себя надеждой, что народъ согласится вновь надѣть ярмо на шею, а не пойдетъ на штурмъ этой позиціи.

Необыкновенное спокойствіе первыхъ думскихъ дней, самообладаніе, съ которымъ лѣвыя партіи ведутъ себя пока, даже не сдѣлавъ той демонстраціи, которую сдѣлали кадеты въ прошломъ году—все это даетъ правительству поводъ снова надѣяться, что народъ либо будетъ поклоняться старымъ богамъ, либо его пригнугь къ землѣ и заставить поклоняться имъ...

Бюрократія въ полномъ вооруженіи идетъ на борьбу съ народными представителями: пусть день встрѣчи не застанетъ представителей народа неподготовленными къ ней...

VII.

На улицѣ—обычные соглядатаи и охрана зорко осматриваютъ каждого прѣзжающаго. Сейчасъ къ Таврическому дворцу должны подъѣхать министры, и послѣ доклада о провѣркѣ полномочій начнется засѣданіе по поводу деклараціи.

У главнаго подъѣзда я замѣтилъ что-то ужъ слишкомъ много народа... Въ большой парламентскій день это, конечно, не рѣдкость: всѣ томятся, всѣ жаждутъ проникнуть.

На этотъ разъ толпа была почти иступленная, рвавшаяся въ двери и не дававшая дороги даже депутатамъ.

Офицеръ охраны съ тревогой глядѣлъ на все прибывавшую толпу. У караульнаго дома стояли выстроившіеся гвардейцы.

— Что такое?—Что случилось? слышатся вопросы.

— Вздоръ, немисливо... дайте пройти—сердится депутатъ Кириносъвъ, сѣдой, въ поддевки старикъ-народникъ.

— А что такое?—жадно спрашиваетъ его какая-то дама, очевидно, жена депутата.

— Да ничего, вздоръ! — отрѣзываетъ тотъ и бросается внутрь.

Въ передней смятеніе. Проходятъ депутаты и оживленно толкуютъ.

Я быстро иду въ Бюро печати, но по дорогѣ меня оста-

навливаетъ курьеръ и говоритъ: „пожалуйте въ залъ... скоро закроютъ“.

Толпа течетъ въ залъ засѣданій, и въ ея настроеніи чувствуется что-то необычное.

Я сначала не узналъ зала засѣданія. Все покрыто густымъ слоємъ пыли, штукатурки: на мѣстахъ депутатовъ громадныя бревна, куски дерева, гвозди обвалившіяся желѣзныя штанги, стекло изъ побитыхъ люстръ. Самыя люстры изогнуты, сдавлены и уныло висятъ. Много попитровъ перебито, всѣ мѣста, кромѣ крайней лѣвой и крайней правой—всего до сорока мѣстъ—завалены. Уцѣлѣла предсѣдательская, ораторская трибуны и ложи журналистовъ по обѣимъ сторонамъ ея.

Зрѣлище поражающее. Въ голосѣ мелькаетъ: „а что, если бы тутъ сидѣли депутаты?“ Дрожь проходитъ по тѣлу...

— Все превратилось-бы въ одну кашу... Всѣ мы погибли-бы тутъ—говорить рядомъ стоящей сѣдой священникъ-депутатъ—и раздраженно вскрикиваетъ:

— Что же это съ нами дѣлаютъ?

Угрюмое молчаніе. У cadaго на душѣ камень, у всѣхъ мелькаетъ подозрѣніе и оно высказывается тутъ-же вслухъ.

— Нѣтъ, не думаю—говоритъ депутатъ Стецкій—я инженеръ и не знаю, какимъ образомъ возможно подстроить... это не случай, а просто преступная небрежность...

Приходятъ, смотрятъ... Каждый, взглядывающій на эту картину, точно застываетъ въ позѣ ужаса. У крестьянъ на лицѣ волненіе...

— Молебень-бы отслужить—говоритъ депутатъ-волынецъ изъ „правыхъ“.—Никто, какъ Богъ, спасъ.

Всякій послѣ созерцанія зала отправляется на телеграфъ, у котораго собирается большая очередь, человѣкъ въ двѣсти. Тутъ большею частью журналисты русскіе и иностранные... Многіе пишутъ о себѣ кратко: „живъ, здоровъ, засѣданіе продолжается—дома отслужить молебень!

— Вотъ-те и декларация—выпаливаетъ кто-то—хороша, нечего сказать!

Слово для характеристики найдено—и оно немного разряжаетъ атмосферу. Декларация!

— Декларация сверху, единственная, которую можно было ожидать!—остритъ кто-то изъ депутатовъ.

— Да, эта исторія попышнѣ лидвалевской будетъ—раздается

голосъ—вѣдь воочію все теперь видно: ничего кромѣ этакихъ сюрпризовъ не дождешься.

— Не безъ того, чтобы мысль о смерти не приходила въ голову—замѣчаетъ Щипирь,—но отъ потолка?

Другой хозяйственно смотритъ по сторонамъ и дѣловито говоритъ:

— Все-таки засѣданіе можно устроить, хотя бы тутъ въ залѣ...

Служители несутъ изъ совѣщательскихъ комнатъ стулья и устанавливаютъ ихъ въ круглой ротондѣ Екатерининскаго зала. Депутаты садятся. Впереди за зеленымъ столомъ президіумъ, подалеже конторка — вмѣсто ораторской трибуны, въ сторонѣ стенографы, а съ боковъ и сзади густая толпа журналистовъ, свыше двухсотъ человекъ.

Шумъ затихаетъ, и засѣданіе начинается въ необычайной обстановкѣ.

Я уже второй разъ вижу засѣданіе Думы не тамъ, гдѣ оно должно быть по росписанію.

Въ первый разъ въ необычайной обстановкѣ въ Выборгѣ Муромцевъ повторилъ слова Дюкюи: „засѣданіе продолжается“...

На долю бѣднаго Головина даже и это не выпало, хотя онъ съ большимъ достоинствомъ сказалъ одному депутату въ отвѣтъ на опасенія того, что и въ кулуарахъ потолокъ можетъ обвалиться: „нашъ долгъ засѣдать, даже если придется умирать“.

До открытія засѣданія депутаты очень волновались. Раздавались возгласы, что засѣдать надо во что-бы то ни стало. Но когда собрались всѣ, когда среди шума никто другъ друга не слушалъ, задніе стояли на стульяхъ, стенографы пробивались силою сквозь толпу депутатовъ, тогда увидѣли, что засѣданія быть не можетъ. Кадетъ Черносивцовъ первый сформулировалъ предложеніе о прекращеніи засѣданія и отысканіи какого-либо помѣщенія для него.

Долженковъ, участвовавшій въ хозяйственной комиссіи прошлаго года, рассказалъ, что и въ прошломъ году помѣщено было неудовлетворительное, а между тѣмъ истрачено на него миллионъ рублей.

Всѣ ахнули. Милліонъ рублей и видъ зала. Это дѣйствительно бюджетная декларация...

— Надо спросить Стаховича А. А., неизвѣстно-ли ему кое-что насчетъ постройки Таврическаго дворца?—шепчетъ намъ невольный сосѣдь-депутатъ.

Алексинскій кричитъ рѣзкимъ голосомъ:

— Граждане депутаты! Народъ ждетъ: надо найти крѣпкое помѣщеніе для нашихъ собраній! Народъ сумѣетъ сдѣлать выводъ изъ того обстоятельства, что на его представителей обрушиваются потолки.

Аплодисменты и шумъ.

Мой ворчливый сосѣдъ опять бурчить:

— Крѣпкое помѣщеніе! У насъ только тюрьмы крѣпкія есть...

Засѣданіе кончается баллотировкой; принято—отложить засѣданіе до пріисканія новаго помѣщенія.

Головинъ вель засѣданіе твердо и внушительно. Онъ, что называется, показалъ себя.

Что я особенно замѣтилъ, это поведеніе министровъ. Они, которые, приняли чрезвычайныя мѣры охраны, шли теперь въ толпѣ депутатовъ совершенно спокойно.

Столыпинъ осматривалъ залъ вмѣстѣ съ Головинымъ, окруженные депутатами и министрами. Тутъ-же вертѣлся юркій хроникеръ юркой петербургской газеты.

У Столыпина на лицѣ слѣды страшнаго огорченія. Не даромъ онъ выразилъ, что этотъ случай—неожиданное счастье для лѣвыхъ. Этотъ успѣхъ, какого они не имѣли-бы въ день декларацій.

Рядомъ съ нимъ архитекторъ Думы.

— Скажите,—громко обращается къ нему министръ юстиціи Щегловитовъ,—велика-ли площадь обрушившагося потолка?

— Около ста двадратныхъ саженой,—отвѣчаетъ блѣдный Бруни.

— А вѣсомъ?

— Я полагаю, двѣ тысячи пудовъ.

— Значить...—шепчетъ министръ, и у него отъ страданія перекашивается лицо.

— Но это что то сверхъестественное,—воскликаетъ взволнованный министръ, которому, какъ видно, трудно примириться съ этииъ случаемъ.

— Нѣтъ, это только сверхъбюрократическое,—отрѣзываетъ товарищъ секретаря Успенскій.

Столыпинъ нѣсколько разъ спрашивалъ Головина:

— Могу-ли я рассчитывать прочесть сегодня декларацію?

— Не думаю: палата взволнована.

Столыпинъ два раза уходилъ въ министерскій павильонъ— и выходилъ оттуда разстроеннѣе прежняго.

Родичевъ, злой и красный, собралъ группу.

— Въ прошломъ году,— рассказываетъ онъ,— мой другъ Петрункевичъ получилъ письмо съ предупрежденіемъ, что зданіе состоитъ изъ гнили. Мы спросили архитектора, тотъ смѣялся. А теперь заплачетъ.

Всѣ мало по малу уходятъ, усталые отъ волненія. Вотъ мчатся министерскія кареты. Вотъ и усиленные наряды конной полиціи. Очевидно, столица еще ничего не знаетъ; иначе десятки тысячъ пошли-бы къ Думѣ..

— Ваша родина,— страна случайностей,— хлопаетъ меня по плечу иностранный коллега,—еще сотня ржавыхъ гвоздей и гнилыхъ балокъ, и я начну окончательно вѣрять въ отвѣтственное министерство.. Въ первый разъ я повѣрилъ въ него послѣ исторіи съ Гурко. Сегодня я опять вѣрю.

VIII.

Двѣ недѣли уже прошло съ того мсента, какъ собранные со всѣхъ концовъ Россіи „богатыри мысли и слова“ вошли въ Думу. Въ той жуткой тишинѣ, которая настала передъ первымъ, настоящимъ засѣданіемъ, въ той нервной торопливости, съ которою депутаты занимали мѣста, чувствовалось громадное накипавшее чувство озлобленныхъ людей, которыхъ можно наблюдать, какъ говорятъ, только на войнѣ. Старый писака В. И. Немировичъ-Данченко, который сидитъ рядомъ со мною, похожій скорѣй на добродушнаго европейца, чѣмъ на боевого корреспондента, тихонько бурчитъ, глядя на лѣвую:

— Ни дать, ни взять, тѣ же сѣрые, что на войнѣ.. не обучень, голодень—и умѣть безъ хитрости умирать. Увидите: доберутся сегодня до штыковъ!

— Куда тамъ!— отвѣчаетъ въ тонъ ему другой—посмотрите на позицію кадетовъ: тамъ не установлены орудія, увезли заранѣе. Боя рѣшено не принимать. Родичевъ и Кузьминъ-Караваевъ спокойно прогуливаются.. Ничего особеннаго не будетъ.

„Нѣтъ, будетъ,—думается мнѣ—гдѣ ужъ удержаться этому колоссальному лѣвому крылу... Да и правые что-то вызывающе глядятъ. Сами они, вѣроятно, подольютъ масла въ огонь и не дадутъ палатѣ спокойно и сдержанно отвѣтить на декларацію. Залъ заполняется. Кадеты въ центрѣ смѣшаны съ поляками и безпартийными. Вотъ и трудовики плотной массой сидятъ. Крѣпкіе, рослые, въ простыхъ рубашкахъ, они глядятъ на трибуну, на скамьи министровъ. У многихъ газета въ рукахъ. По небольшому формату ея я узнаю органъ большевиковъ, непримиримую рѣзкую, газету.

— Коллега, ставьте ваши часы на четверть двѣнадцатаго—говорятъ мнѣ сади—взгляните на дипломатическую ложу, тамъ только-что японскій посоль появился. Онъ аккуратень, какъ хронометръ.

— Гляжу на ложу:—тамъ солидно, слегка повернувъ голову, въ черномъ, скромномъ сюртукѣ тонкая фигура японскаго посла.

Что за интересъ влечетъ сюда этого маленькаго челвѣка съ глазами сфинкса, глубокими и темными? Онъ немного близорукъ: видно, что онъ вглядывается въ лица депутатовъ. Онъ сходитъ внизъ въ корридоръ, ходитъ съ какимъ-то безжизненно вялымъ чиновникомъ государственной канцеляріи и знакомится съ депутатами. На лѣвыхъ онъ глядитъ съ опаской, на кадетовъ съ подобострастіемъ.

— Нашъ, что-ли? спрашиваетъ бородатый хохоль своего товарища,—изъ трудовичковъ будетъ этотъ татаринъ-то?

— Не видать было что-то его на Сергіевской у Михаила Егоровича,—отвѣчаетъ тотъ—онъ, должно быть, изъ народной свободы... Тамъ татаръ много...

„Татаринъ“, замѣчая, что на него глядятъ, конфузится.

Въ залѣ душно что-то, несмотря на массу воздуха. Лица дѣлаются красными, глаза блестятъ. Даже П. Д. Боборыкинъ теряетъ свой неприступно-европейскій видъ и волнуется. Мы выходимъ въ кулуары...

— Чего это такъ ждуть? Вѣдь, декларація-то не раньше трехъ часовъ—говоритъ кто-то изъ товарищ...

— Какое въ пять. Раньше начнутъ. Въ ^{секой}истерской много народа да въ ложахъ нѣсколько придворныхъ ^{яас}...

Сдержатся ли лѣвые?—вотъ вопросъ дня. Если не сдержатся, все впечатлѣніе отъ политическаго молчанія пропало. Докторъ Горбуновъ, намѣчаемый въ вожди эс-эровъ, какъ-то особенно

быстро ковыляетъ подь руку съ Таланцевымъ. Послѣдній громадный рыжій великанъ, слушаетъ.

— Да вы уже всѣхъ насъ въ болото заведете!—кипятится Горбуновъ, что это за „революція законнымъ путемъ?“ Въ духъ сладкаго нѣмецкаго либерализма 48 года? Скоморохи будутъ приходить сюда, изводить насъ и страну, а мы будемъ молча все глотать? Пусть мы безумный парламентъ, но мы заслужимъ общественное презрѣнiе если мы отступимъ... Возврата нѣтъ... Мы, мы-то безъ земли и воли не вернемся... Понимаете? Мы не вернемся совсѣмъ...

Глаза Таланцева вспыхиваютъ.

— Что же, и мы тогда за вами... Нашихъ крестьянъ подгонять не надо: сами въ драку полѣзутъ.

Вотъ ползеть по корридору какая-то блѣдная дряхлая мумiя, старичекъ изъ Государственнаго Совѣта. Бѣдный старикъ, его оглушаетъ эта кипучая палата, эти шумные голоса, смущаютъ эти сапоги и блузы, эти молодья безусыя лица на скамьяхъ лѣвыхъ. Кутлеръ важно раскланивается съ однимъ изъ старичковъ. Къ старичку подходитъ польскiй графъ съ Волыни.

— У васъ, графъ,—говоритъ старичекъ, растягивая слова,—не нравится мнѣ у васъ... Какая то демонстративность во всемъ. Этого не любятъ... Это не къ дѣлу у насъ.—тяжело вздыхаетъ онъ.

— Ваше высокопревосходительство, тутъ, повѣрьте мнѣ, нѣсколько коноводовъ, а остальные—стадо...

Они проходятъ дальше.

Шумъ усиливается... Залъ почти полонъ, правые на мѣстахъ и напряженно ждуть. Тѣперь, когда пойдетъ повѣрка мандатовъ, ихъ очередь защищаться. У Крушевана совершенно спокойное лицо. Вотъ пробирается къ своему мѣсту Головинъ. Онъ словно растетъ, всходя на ступеньку и, наконецъ, онъ на виду у палаты, гладко выбритый, въ сюртукъ съ дѣланымъ спокойствiемъ. Сердце замерло... Словно для формы вдали раздается серебрянный тембрь призывного звонка,—и засѣданiе начинается.

Сначала идетъ повѣрка полномочiй. Послѣ перерыва слово предоставлено Предсѣдателю совѣта министровъ.

— Передъ началомъ совмѣстной съ государст. думой дѣятельности,—началъ онъ—я считаю необходимымъ съ возможною полнотою ясностью представить созванному волею Монарха законода-

тельному собранію общую картину законодательныхъ предположеній которыя министерство рѣшило представить его высокому вниманію.

„Какова же руководящая мысль правительства?

„Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопроектовъ которые министерство вноситъ нынѣ въ Думу, положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить и во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта—создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ права отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, то есть, не будутъ прочно устансвлены.

Премьеръ читалъ декларацію спокойно, громко, подчеркивая каждую фразу. Въ срединѣ его высокій голосъ упалъ, но затѣмъ опять поднялся и звучалъ громко уже до самаго конца. Въ деклараціи были перечислены законопроекты по разнымъ министерствамъ. Багажъ былъ объемистый: тутъ былъ законъ о неприкосновенности личности, о мелкой земской единицѣ о поселковомъ управленіи, о реформѣ земскаго самоуправленія, о личномъ судѣ. Были и аграрныя благодѣянія.

— Правительство—говорилъ онъ—стоитъ передъ задачею громаднаго значенія. Оно призвано, главнымъ образомъ, содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе экономически слабымъ, неспособнымъ путемъ занятія своимъ исконнымъ земледѣльческимъ промысломъ обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

„Поэтому главное управленіе поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченіе этого землевладѣнія, т.-е. землеустройство.

„Среди мѣръ первой категоріи главное управленіе придаетъ особое значеніе обезпеченію земельнаго быта тѣхъ обществъ, которыя, получивъ дарственные надѣлы, не имѣли возможности до настоящаго времени обезпечить себѣ землю путемъ покупки.

Соотвѣтственный законопроектъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

„Способъ устранения остраго малоземелья главное управление видитъ въ льготной, соотвѣтствующей цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ пріобрѣтателя, продажѣ земель земледѣльцамъ“.

Не были забыты и рабочіе. И имъ декларация кое-что обѣщала.

„Главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхования ихъ на случай болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости. Въ связи съ этимъ намѣчена организація врачебной помощи рабочимъ“.

Нѣсколько лирическихъ словъ по поводу всеобщаго обученія, нѣсколько патріотическихъ по поводу арміи и флота, и министръ, повышая голосъ, переходитъ къ заключенію.

„Изложивъ передъ Государственною Думою программу законодательныхъ предположеній правительства, я бы не выполнилъ своей задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію, возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія: его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ, хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядкъ и спокойствіе, т.-е. правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества“.

Онъ произвелъ впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, въ его словахъ чувствовалось убѣжденіе и... сила.

Конечно, за его спиною стояла реальная сила. Въ выдержкѣ министра чувствовалось, что онъ все взвѣсилъ и сознательно даетъ бой.

Министръ кончилъ подъ аплодисменты правыхъ.

И тутъ впервые въ русскомъ парламентѣ сошлись двѣ враждебныя силы самого народа. Впервые выступили крайніе правые и лѣвые — и это знаменательно.

13 мая, въ день Цусимы бюрократіи въ первой Думѣ, картина была совершенно иная. Тогда Горемыкинъ слабымъ, полузадушеннымъ голосомъ прочиталъ заупокойную надеждамъ и стремленіямъ народныхъ представителей—и получилъ бурную отповѣдь. Набоковъ, Родичевъ, Аладьинъ, Ледницкій, Винаверъ выразили тогда единодушное мнѣніе палаты, вызвавъ тогда единоголосное почти недовѣріе Думы министерству.

Теперь картина получилась иная. Изъ-за превительства, сидѣвшаго въ сторонѣ, боролись крайнія партіи: правая и лѣвая. Когда при голосованіи по поводу прекращенія преній встали оба этихъ крыла, а четыре пятыхъ сидѣло, видно было, что сошлись два кровныхъ врага, которые готовы уничтожить другъ друга не доводами, а силой. Чувствовалось, что не только идейно, но фактически они не уживутся долго между собой.

„Кто не гонить, тотъ самъ будетъ прогнанъ“.

Церетелли открылъ огонь. О немъ, какъ о лидерѣ социаль-демократовъ, приходится слышать много восторженныхъ мнѣній. Его тактомъ объясняется то, что большевики и меньшевики идутъ на этотъ разъ вмѣстѣ, а не раскалываются. А извѣстно, вѣдь, что обѣ эти фракціи находятся между собой въ такогорода острыхъ отношеніяхъ, какихъ не бываетъ даже между прямыми противниками. Церетелли, человекъ больного, поднимали съ постели и привозили на фракціонное совѣщаніе, когда буйный Алексинскій лѣзъ на конфликтъ съ „болотомъ“—меньшевиками.

Церетелли выказалъ много сдержанности. Онъ стоялъ на трибунѣ, скрестивъ руки на груди и крѣпко сжимая свое кавказское горячее сердце. Въ его глазахъ горѣло трудно сдерживаемое бѣшенство, которое туманить голову и подсказываетъ безумные слова.

— Нѣтъ такихъ криковъ,—говорить онъ—нѣтъ такихъ бурныхъ демонстрацій, чтобы выразить чувства народа по отношенію къ правительству сковавшему всю страну цѣпями военнаго положенія, по отношенію къ правительству, разоряющему въ конецъ населеніе, правительству, растрачивающему народные гроши, предназначенные для помощи голодающимъ.

„Въ лицѣ правительства, представшаго сегодня передъ нами, заговорила старая, крѣпостническая Россія. Правительство говорило сегодня главнымъ образомъ о томъ, что оно намѣрено дѣлать, а мы хотимъ остановиться на томъ, что оно сдѣлало.“

„Разгонъ первой думы, послѣдовавшая затѣмъ междудумская работа правительства и, наконецъ, послѣднія офиціозныя заявленія правительства ясно показали всѣмъ дѣйствительную природу правительства; всѣми этими дѣйствіями правительство даже слѣпымъ открыло глаза для пониманія неразрывной связи самодержавнаго правительства и кучки помѣщиковъ—крѣпостниковъ, живущихъ на счетъ миллионовъ обездоленнаго крестьянства“.

Когда правые поднимали неистовый крикъ и бросали ему въ лицо: „ложь, крамольникъ, у васъ руки въ крови“, онъ чуть-чуть усмѣхался грустной улыбкой, и мускулы его лица передергивались.

Правые неистовствовали.

Отчетливо, ясно Церетелли бросалъ, точно яблоко раздора, обвиненія, что они поддерживали крѣпостническое министерство, которое теперь питаетъ еще надежды на будущее и тщательно обходить молчаніемъ всѣ свои дѣйствія за семь мѣсяцевъ бездумья.

— Тутъ говорятъ о лжи, гг. народные представители. Но вы помните, за что правительство разогнало первую государственную думу. Оно разогнало ее за земельный вопросъ. Достаточно было первой думѣ поставить вопросъ о принудительномъ отчужденіи земель, какъ правительство пошло напроломъ, на защиту помѣщичьихъ интересовъ. О, въ этомъ вопросѣ правительство колебаній не знало!

Справа крики, нервное потрясеніе кулаками. Пуришкевича точно кто-то поджариваетъ на его креслѣ: онъ то вскакиваетъ, то бросается въ него.

Когда Церетелли послѣ критики правительственныхъ начертаній въ области аграрнаго и рабочаго вопросовъ перешелъ къ роли союза русскаго народа, ярость достигла апогея...

Холодно и вѣско Церетелли бросаетъ:

„Кидая крохи реформъ, которыя давно ужъ превзойдены жизнью и никого не въ состояніи удовлетворить, правительство мѣрами неслыханной репрессіи пытается одолѣть всякое проявленіе жизни въ странѣ. Оно вмѣшивается въ борьбу труда съ капиталомъ, сурово карая рабочихъ, отстаивающихъ свои экономическіе интересы, поощряя и самостоятельно организуя локауты, выбрасывающіе на улицу сотни тысячъ рабочихъ. Оно запрещаетъ организацію общественной помощи безработнымъ рабочимъ и голодающимъ крестьянамъ. Оно жестоко преслѣдуетъ

печатъ, политическіе союзы, собранія. Нѣтъ дня безъ казни, погромовъ и экзекуцій. Съ цѣлью терроризовать недовольное населеніе оно объявляетъ на военномъ положеніи двѣ трети Россіи, превращаетъ ее въ рядъ независимыхъ другъ отъ друга сатрапій, отданныхъ во власть безконтрольно распоряжающихся генераль-губернаторовъ“.

Правая вскакиваетъ и неистово кричитъ: „замолчите, довольно, ложь“.

Церетелли, со скрещенными на груди руками, продолжаетъ:

— Подъ руководствомъ опытныхъ погромщиковъ, по сигналу заранѣ назначенныхъ провокаторовъ, оно организуетъ разстрѣлы цѣлыхъ кварталовъ съ массой ни въ чемъ неповиннаго населенія. Здѣсь опять раздаются возгласы—ложь. Я опять скажу вамъ—вспомните сѣдлецкій погромъ, вспомните официальное донесеніе „союза русскаго народа“ подъ эгидою и защитою властей.

— Вспомните убійцъ Гарценштейна, спокойно разгуливающихъ на свободѣ, вопреки требованіямъ финскихъ властей!

Весь залъ, даже правые поддались внушенію этой бурной силы. Въ эту минуту Церетелли быть не ораторомъ выставленнымъ фракціей социаль-демократовъ, единственной изъ оппозиціи, рѣшившейся дать отвѣтъ на декларацию.

Церетелли былъ въ этотъ моментъ трибуномъ, говорившемъ отъ имени всего народа.

Онъ заканчиваетъ свою рѣчь.

„Граждане народные представители: я говорю это, чтобы показать, что у насъ нѣтъ дѣйствительной конституціи, есть только признаки ея. Каждый нашъ шагъ долженъ быть прежде всего направленъ къ тому, чтобы сплотить народъ въ организованную силу, способную смести самодержавное правительство. Намъ предлагаютъ приступить къ законодательной работѣ, къ разсмотрѣнію правительственныхъ законопроектовъ; мы знаемъ, что они урѣзываютъ даже тѣ права, которыя народъ уже вырвалъ изъ рукъ своихъ враговъ. Мы разберемъ эти законы при свѣтѣ кровавыхъ дѣяній правительства, чтобы показать міру ту бездну которая существуетъ между народомъ, рвущимся къ свободѣ и правительствомъ, стремящимся затопить этотъ порывъ въ крови. Пусть обличающій голосъ представителей народа пронесется по всей странѣ и разбудитъ въ борьбѣ всѣхъ тѣхъ, которые еще не проснулись. И пусть вмѣстѣ съ тѣмъ дума законодательнымъ путемъ организуетъ и сплываетъ пробужденные массы,

пусть она такимъ путемъ творить фактическую силу народа являющуюся единственной опорой всякой дѣйствительной конституціи. Безъ этой силы народъ не можетъ получить ни воли, ни земли, не можетъ вырвать ихъ изъ рукъ правительства. Эта сила растеть съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Народъ сбзнавшій свои права, рано ли, поздно ли сплотится для ихъ осуществленія. Этого движенія не остановитъ самодержавному правительству. Быть можетъ,— я говорю быть можетъ, этой думы не будетъ черезъ недѣлю, но мощное народное движеніе, сумѣвшее вывести Россію изъ старыхъ береговъ, сумѣетъ съ думою ли, или безъ думы—проложить себѣ путь черезъ всѣ преграды къ вольному простору.

И вотъ теперь, пока не насталь еще часъ, мы не хотимъ обращаться къ правительству съ призывомъ подчиниться волѣ народа. Мы обращаемся къ народному правительству съ призывомъ готовить эту силу, мы не говоримъ: „исполнительная власть да подчинится власти законодательной“. Мы говоримъ: „въ единеніи съ народомъ, связавшись съ народомъ законодательная власть да не подчинится власти исполнительной!

Половина зала полна крикомъ и шума. Головинъ спокойно и дѣловито отражаетъ атаки на оратора, и послѣ каждой его реплики гремятъ апплодисменты.

Церетелли читаетъ декларацію социаль-демократической партіи, и это немного расхолаживаетъ палату. Это понятно: въ своей рѣчи онъ сумѣлъ подняться до общероссійскаго чувства, а декларація была уже чисто партійнымъ дѣломъ.

Кончаетъ онъ подъ апплодисменты своихъ.

Депутатъ Озолъ расхолаживаетъ палату своею получасовою рѣчью, полной теоретическихъ изложеній о рабочемъ классѣ. Еще больше Озолъ разгоняетъ половину зала—и только на министерской скамѣ никто не двигается съ мѣста.

Наконецъ, до трибуны дорвались правые. Казалось, что теперь грянутъ громы. Теперь они развернутся, вышлютъ своихъ „темпераментныхъ“ ораторовъ и откроютъ огонь по оппозиціи.

Ничуть не бывало: я не разъ бываль на собраніяхъ октябристовъ и слушалъ всѣ эти трафаретныя рѣчи правыхъ и могу повторить: „въ нихъ есть все, коль нѣтъ обмана“. Первымъ говорилъ графъ Бобринскій и говорилъ хриплымъ голосомъ, который срывался въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ. Невольный

смѣхъ очень огорчалъ оратора, который еще больше волновался отъ этого.●

— Русскій человѣкъ — хрипѣлъ ораторъ — не сталь бы, конечно, защищать ту программу, которая сводится къ вооруженному возстанію и которую предыдущій ораторъ развивалъ здѣсь подъ защиту предсѣдательскаго звонка.

— Членъ думы Церетелли предложилъ вамъ господу, заняться организаціей вооруженнаго возстанія въ Россіи, а правыя и умѣренныя группы просятъ васъ заниматься работой на благо изстрадавшагося народа.

Затѣмъ онъ читаетъ свою формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ и заявляетъ, что его партія выдвигаетъ въ первую очередь аграрный вопросъ, чтобы доказать странѣ обманъ лѣвой печати, разсорившей помѣщика съ народомъ.

На трибуну не всходитъ, а вскакиваетъ Пуришкевичъ. Его низко остриженная голова мелькаетъ на ступеняхъ.

Съ трибуны несется быстрая рѣчь.

О, онъ предвидитъ заранѣе несочувствіе палаты, но онъ говоритъ черезъ головы депутатовъ странѣ.

И онъ говоритъ странѣ, что въ думѣ депутаты произносятъ возмутительныя рѣчи, что министерство работало при условіяхъ, вызвавшихъ всѣ чрезвычайныя мѣры, что оно право, казня преступниковъ, и лучше пусть погибнетъ десять тысячъ человѣкъ, чѣмъ власть.

Странное впечатлѣніе производитъ этотъ членъ союза русскаго народа. Гдѣ же его постоянный лозунгъ: долой подлую конституцію! Напротивъ, онъ показалъ себя чѣмъ-то вродѣ октябриста и увѣнчалъ лаврами правительство, которое „охраняло“ манифестъ 17 октября. Изъ активной вражды онъ перешелъ къ пассивному прихвостничеству. Очевидно, онъ надѣется получить еще кое что у власти.

Страшный Крушеванъ свирѣпствуетъ на трибунѣ. И этотъ ниже ожиданій, возлагавшихся на него. Мой сосѣдъ Милюковъ дѣлаетъ презрительную гримасу.

Крушеваноманія началась. Сначала идетъ обращеніе ко всему міру, отвѣтственность за цѣлость котораго ясно имъ сознается.

„Мы стоимъ передъ болѣе ужаснымъ моментомъ, чѣмъ во французской революціи,—увѣряетъ онъ—если бы не тѣ средства и не обманъ, которые лѣвые употребляютъ на выборахъ, то

они не собрали бы большинства, и тогда они пикнуть не смѣли-бы.

— Безстыдство!—кричать слѣва.

— Цѣлое поколѣніе, продолжаетъ онъ,—привыкаетъ къ убійствамъ: убиваются ни въ чемъ неповинныя дѣти. Люди кричатъ о свободѣ, а идутъ на убійство не только враговъ но даже дѣтей.

Слѣва гуль... Какой-то крестьянинъ, очевидно, наслушавшись про Крушевана, машетъ рукой и кричитъ: „погромщикъ“.

— Вы забыли про погромъ въ Кишиневѣ?—раздается слѣва.

Крушеванъ ударяетъ себя патически въ грудь и заканчиваетъ:

— Народъ послалъ меня сюда и сказалъ: пойдите и скажите это Государственной Думѣ. Если вы тамъ те встрѣтите сочувствія, если Дума не сумѣетъ все привести въ порядокъ, я самъ пойду и все смету.

Такой козырныи ораторъ, какъ Крушеванъ, заслужилъ большихъ апплодисментовъ со стороны своихъ, чѣмъ онъ получилъ. Отчего же его такъ холодно проводили даже свои?

Отчего на министерской скамьѣ такъ явно неприятно морщились?

Ясно, что призывъ Крушевана ничуть не лучше для нихъ призывовъ слѣва. Когда на сценѣ народъ,—правительству это неприятно. Народъ долженъ, какъ въ „Годуновѣ“, только безмолствовать, все равно: когда его бьютъ или когда его зовутъ бить.

Синадино плелъ какую то чушь, не могущую имѣть успѣха даже въ кишиневской городской думѣ.

Выступали епископы Евлогій и Платонъ. Оба они говорили въ очень миролюбивомъ тонѣ, а Евлогій даже всплакнулъ. Онъ предлагалъ выразить осужденіе политическимъ убійствамъ, какъ противное завѣтамъ Христа, Который порицалъ смертную казнь.

— Мои избиратели,—сказалъ онъ,—дали мнѣ вмѣсто наказа Евангеліе.

Было произнесено до 35 рѣчей, большихъ и малыхъ, и всѣ онѣ ничего не могли прибавить къ тому, что сказали первые трое: Столыпинъ, Церетелли и графъ Бобринскій. Большинство палаты молчало. Лучшіе ораторы, оставась вѣрными политикѣ молчанія, спокойно смотрѣли на состязаніе крайнихъ.

Послѣднее слово взялъ премьеръ—и я долженъ констатировать рѣшительность заявленій. Его голосъ звучалъ бодро—и онъ умѣло воспользовался всѣмъ создавшимся положеніемъ: молчаніемъ центра, критикой лѣвыхъ и поддержкой правыхъ.

Онъ началъ:

„Господа, я не предполагалъ выступать вторично передъ государственной думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляетъ меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ государственной думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы... Я имъ пользоваться не буду.

Затѣмъ онъ перешелъ на тему о законности и о контролѣ надъ властью и закончилъ словами:

„Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ воли и мысли. Всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ обращеннымъ къ власти: „руки вверхъ“. На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: „Не запугаете“.

Въ нѣкоторыхъ фразахъ звучалъ вызовъ лѣвымъ, но во всей рѣчи примиреніе съ центромъ.

Послѣдняя фраза его была перефразировкой словъ Родичева.

Родичевъ сказалъ на сдномъ собраніи: „Русскому народу рикнули руки вверхъ“.

Теперь Столыпинъ перефразировалъ Родичева и, конечно, по своему.

Засѣданіе закрывается принятіемъ слѣдующей кадетской формулы:

„Выслушавъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ о внесенныхъ законопроектахъ, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

— А кадеты сидѣли въ ложѣ и смотрѣли на бой гладиаторовъ, — говоритъ извѣстный радикаль-писатель.

— А какъ вы думаете, кричали-ли бы они той или другой сторонѣ: добей его.

Кто-то шутить:

— Я видѣлъ, какъ Гессенъ поднималъ палецъ, когда Столыпинъ говорилъ.— и указалъ на Церетелли. Pollice verso!..

— Добей его!..

День деклараціи и рѣчь Церетелли вызвала крики правой печати.

„Призывъ къ возстанію!—кричали они—неужели вы потерпите это?“

Всѣхъ обошло уже извѣстіе, что росчеркъ пера, который нуженъ, чтобы Дума переста жить, будетъ сдѣланъ.

А на барометрѣ настроенія бюрократіи стояло:

— „Рѣчь г. Церетелли большое событіе. Она серьезная опасность для страны. Какъ она ни пересыпана ложью, она зажигательна въ высшей степени. Напечатанная въ миллионѣ экземпляровъ, разнесенная по всей странѣ, она упадетъ въ миллионѣ точекъ какъ горящая головня, и если не вездѣ, то кое гдѣ найдетъ свой горючій матеріалъ. Никогда въ стѣнахъ первой Думы не было произнесено такихъ страшныхъ словъ. Бывали глупыя, дерзкія групооскорбительныя рѣчи, но такой сосредоточенной, сжатой до ужаса ненависти, такого звѣрски-честнаго объявленія безпощадной войны власти еще не было. Нисколько не соглашаясь прямолинейностью его революціонной мысли, рвущейся точно изъ вулкана, все-таки поддаешься впечатлѣнію этой силы. Даже подъ типографской краской чувствуешь эту пламенную злобу, и ловишь себя на мысли: какъ жаль, что онъ неправъ! Изверженіе.

вулкана—вещь красивая, но вѣдь это все-таки катастрофа.

„О, недаромъ кадеты изъ всѣхъ силъ настаивали, чтобы социаль-демократы отказались отъ „выступленія“. Оно страшно спутало хитрую сапу осаждающей правительство арміи. Въ первый же день, въ первыя же минуты на декларацію министровъ отвѣтить призывомъ—да еще какимъ!—громовымъ призывомъ къ народному возстанію,—это въ высшей степени не входило въ планъ осады.

„Выступленіе г. Церетелли имъ чрезвычайно не съ руки. Ихъ планъ осады правительства совсѣмъ другой. Главный лозунгъ ея—„не подвергать себя никакимъ случайностямъ со стороны и сверху“. Кадеты трусливы, что впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть надменными при первой надеждѣ на успѣхъ. Въ сравненіи съ ними социаль-демократы—просто рыцари. Эти спѣшатъ поднять забрало, они бросаютъ перчатку, объявляютъ съ первой же минуты: „иду на васъ“! Въ откровенной рѣчи г. Церетелли есть своего рода честность. Его партія не пытается обмануть правительство насчетъ истинныхъ своихъ намѣреній“.

Давъ тревожный сигналъ, правая печать прямо называетъ рѣчь Церетелли громовымъ призывомъ къ бунту со стороны меньшинства.

„Большинство Думы, конечно, не присоединилось къ Церетелли; оно и впредь не будетъ присоединяться къ дѣйствіямъ, ведущимъ къ роспуску. Дѣло, дескать, хорошо будетъ сдѣлано и меньшинствомъ. Хитрая оппозиція поведетъ себя „лояльно“. Вѣдь это законное право не давать согласія ни на одинъ законъ, предложенный правительствомъ. Одновременно меньшинству будетъ предоставлено превратить всю Россію въ одинъ грандіозный митингъ—съ неприкосновеннымъ г. Церетелли на законодательной трибунѣ“.

IX.

Какъ только Дума обмѣнялась любезностями съ министерствомъ и до-законодательный періодъ окончился, выплылъ „голодный“ вопросъ, какъ его называютъ крестьяне.

Какъ вѣско звучали рѣчи депутатовъ! Да и были-ли то рѣчи?

Это были скорѣе рассказы съ трибуны объ отчаянномъ положеніи голодной деревни!

Многіе говорили о тяжкомъ положеніи народа. Живые свидѣтели, крестьяне-депутаты, всходили на трибуну и точно изъ прорвавшейся плотины хлынули на палату потоки жалобъ, слезъ, стенаній. Мулла на нечистомъ русскомъ языкѣ чуть не плачетъ, рассказывая о помирающемъ голодномъ человѣкѣ, который уподобился ползучему червю.

Да не только татаринъ, и казачій депутатъ Каклюгинъ разсказалъ о неслыханномъ голодѣ, свирѣпствующемъ въ области Войска Донского.

— Полмилліона голодающихъ! — Никогда еще у насъ на Дону не было видно голодающаго казака. А теперь казаки протягиваютъ руку за подаеніемъ. Я видѣлъ станицы, гдѣ казаки сплошь раззорены. Ради Бога, найдите наконецъ средства помочь имъ.

На трибунѣ страшно возмущается депутатъ Хасановъ. Онъ жестикулируетъ, въ одной рукѣ у него что-то мелькаетъ, завернутое въ бумагу.

Въ срединѣ рѣчи онъ развернулъ свертокъ и показалъ черннй кусокъ земли.

— Вы думаете, что это земля? — стонетъ онъ — нѣтъ, это хлѣбъ. Это ѣдятъ у насъ, въ Бирскомъ уѣздѣ, и благодарятъ небо за благо, имъ данное. На что-же гроши наши послѣдніе уходятъ? На Гурко и Лидвалей?..

Примѣръ ратованія за свой край заразителенъ. Изъ разныхъ угловъ зала летятъ къ предсѣдателю записочки съ именами ораторовъ.

Гнѣвные, черные какъ жуки кавказцы быстро-быстро говорятъ о голодающихъ Кавказа. Говорятъ, захлебываясь, глотая екончанія и очень непонятно. На лицахъ крестьянъ, не могушихъ услѣдить за ихъ рѣчью, недоумѣніе.

Но о рѣчи кавказца можно сказать словами философа: „я не понимаю его рѣчи, но я понимаю, что онъ голоденъ.“

Много горячаго и искренняго было высказано, но видно, что всѣми этими словами и предложеніями накормить голодающихъ не удастся.

На реальную почву ставить дѣло центръ, и сразу оно приняло конкретную форму. Честь подобной постановки выпала на долю Родичева.

Я никогда не слышалъ отъ него такой дѣловитой рѣчи, безъ паеоса, всегда, впрочемъ, искренняго; онъ точно нарочно сдерживалъ себя, не давая мѣста своему чувству гнѣва и стараясь разсуждать сухо и строго формально.

Картины голода слишкомъ туманятъ голову и вызываютъ горечь, которую не легко скрыть.

Родичевъ говорилъ подѣ одобреніе центра и правой. И не потому правая апплодировала ему, что лѣвая демонстративно молчала, а потому, что и правой касалось дыханіе истины. Слишкомъ очевидна для всѣхъ картина громадной голодающей страны, чтобы возражать противъ идеи помощи. Даже сытые бары праваго крыла молча слушали ораторовъ лѣвой, когда они рисовали страдныя картины. А когда Родичевъ здраво и логично указалъ Думѣ путь исхода, то они все могли не оцѣнить этого.

Еще прошлый разъ онъ сказалъ: „если-бы изъ потраченныхъ здѣсь словъ родилась мука, я первый благословилъ-бы васъ...“

Но изъ нашихъ словъ ничего вѣдь не получится, если не принять реальной резолюціи.“

Сегодня его рѣчь была кардинальнымъ предложеніемъ по этому „голодному“ вопросу. Онъ предложилъ организовать отдѣльную комиссію, какъ часть бюджетной, чтобы заняться проверкой суммъ, истраченныхъ на продовольственную кампанію 1906 года и на установленіе размѣровъ помощи въ настоящемъ.

— Мы должны помочь народу, это правда—убѣждалъ онъ—но можемъ ли мы теперь, немедленно, неподготовленными это сдѣлать? Это значило-бы взять на себя отвѣтственность за всѣ ошибки, грѣхи и преступленія властей исполнительныхъ... Мы приѣдемъ на мѣста—продолжалъ онъ далѣе,—мы обратимся къ губернатору, земскому начальнику, губернской комиссіи съ вопросами. Но задать вопросъ, это не значитъ еще получить отвѣтъ—съ горечью подчеркнул онъ. Что скажутъ о насъ? Скажутъ, что Дума не можетъ? О, нѣтъ! могутъ и сказать, что Дума не хочетъ.

Когда Родичевъ уже кончалъ свою рѣчь, на министерской скамьѣ показался Шванебахъ, а за нимъ Столыпинъ.

Послѣ деклараціи онъ появился въ первый разъ. Еще-бы! Вѣдь рѣчь шла о продовольственномъ вопросѣ, гдѣ ему пришлось высказать столько министерскаго мужества и независимости.

Онъ зналъ, что его фраза, которою онъ такъ гордился „руки

звѣрхъ“ уже побита фразой Кизевветера „руки прочь“, и что палата не обойдетъ и продовольственнаго вопроса. Но его появленіе было вопросомъ чести—point d'honneur. И онъ появился въ ту минуту, когда Родичевъ кончалъ свою рѣчь, и его уже схватило и унесло бурное чувство негодованія. Родичевъ его прихода не могъ замѣтить. И вотъ съ трибуны несется его рыкающій голосъ.

— 12-го іюня 1906 года съ трибуны первой Государственной Думы министръ внутреннихъ дѣлъ, а теперь и предсѣдатель совѣта министровъ, далъ обѣщаніе, что продовольственная кампанія будетъ правильно проведена. Въ этомъ гарантіей его слово министра. Исполнилъ-ли свое обѣщаніе министръ? О, онъ исполнилъ его такъ же, какъ онъ исполнилъ свои обѣщанія, данныя недавно здѣсь.

Въ словахъ Родичева звучала даже не обида; это было полное убѣжденіе въ томъ, что неисполненіе обѣщанія со стороны министерства естественно, какъ физическій законъ.

Родичевъ сходитъ съ трибуны подъ апплодисменты центра и даже части правыхъ — и встрѣчается глазами съ Столыпинымъ.

На рѣчи и предложеніи Родичева сосредоточились сегодняшнія дебаты. Всѣ ее либо критиковали въ пухъ, либо поддерживали. Правда, Родичевъ говорилъ отъ лица цѣлой партіи, онъ былъ, такъ сказать, коллективнымъ партійнымъ разумомъ, но не вся-же кадетская правдавъ немъ сосредоточилась сегодня.

Онъ говорилъ три раза—и говорилъ-бы шесть, двѣнадцать разъ, защищая свое предложеніе, но неожиданно разыгрался инцидентъ, котораго рѣшительно никто не могъ предвидѣть.

Казалось, что засѣданіе подходитъ къ концу, какъ началось „совмѣстное выступленіе“; говорятъ крайніе лѣвые, центръ, правые. Постепенно разгораясь, идетъ словесная борьба уже не по вопросу о голодѣ, а о тактикѣ, которую одна сторона принимаетъ, а другая отвергаетъ.

Правда, главныя силы не втянулись въ бой: молчали и Кузьминъ-Караваевъ, и Маклаковъ, и Тесленко съ одной стороны; молчали Церетелли Горбуновъ, Березинъ, съ другой. Эти орудія заговорятъ въ дальнѣйшемъ, когда будетъ открытъ огонь по всей линіи.

I. Гессенъ схватился съ Алексинскимъ и оба они, противники по Петербургскимъ митингамъ, обдавали другъ друга дождемъ упрековъ въ непониманіи народныхъ нуждъ съ одной

стороны, и непониманіи политики, съ другой.

И тутъ получилась такая картина: когда I. Гессенъ дѣлалъ выпадъ противъ соціаль-демократовъ правые оглушительно апплодировали. Разъ, другой, третій... Въ рядахъ центра смущеніе. Одобреніе правыхъ—это упрекъ центру. Товарищи-журналисты изъ кадетскихъ газетъ смущенно переглядываются съ Милюковымъ, но онъ непроницаемъ. Гессенъ слышитъ апплодисменты правыхъ и замѣчаетъ: „Меня не смущаетъ одобреніе или неодобреніе справа или слѣва“... Онъ кончаетъ подъ долгіе апплодисменты центра и правыхъ. Бываютъ-ли злорадные апплодисменты? Я убѣдился сегодня, что бываютъ. Словно змѣиное шипѣніе слышалось въ нихъ—и чувствовалось, какъ Синадино, усердно хлопающій Гессену противъ Алексинскаго, потираетъ ручки и злорадствуетъ: „пока кто-либо изъ васъ добьется до власти, отъ другого только хвостъ останется.“ Словно для того, чтобы растравить раны оппозиціи и глубже вонзить въ нее ножъ, на трибуну взлетаетъ Пуришкевичъ и сыплеть-сыплеть на счетъ того, что надо не говорить, а дѣлать, и что онъ, Пуришкевичъ, снова согласенъ съ Родичевымъ.

Бой разгорается. Пять минутъ всего предоставлено для каждаго оратора, но за эти пять минутъ каждый успѣваетъ внести всю свою страсть и озлобленіе.

„Вотъ она спокойная, сдержанная палата“—думаешь невольно—вся выдержка ея пропадаетъ!

Но главное было впереди. Къ концу засѣданія Головинъ вдругъ объявилъ, что предсѣдатель совѣта министровъ желаетъ дать объясненіе.

На трибунѣ Столыпинъ, спокойный, точно хорошій фехтовальщикъ передъ ударомъ.

Сначала идетъ подробная справка о „закономѣрности“ предложенія—безъ этого министръ шагу не дѣлаетъ—а затѣмъ министръ бросаетъ:

— Правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію депутата Родичева!

Всѣ поражены неожиданностью. Теперь очередь злорадства за лѣвыми.

Центръ молчитъ и непроницаемъ.

Х.

Мы снова въ Бѣломъ Домѣ! Съ любовью ходишь по блестящему вестибюлю, съ его массой свѣта и простора. Входишь въ круглую ротонду подъ куполомъ, легкую, воздушную съ замѣчательными фресками на потолокъ и стѣнахъ, а оттуда въ наше любимѣйшее мѣсто—кулуары Екатерининскаго зала.

Memento mori! Точно напоминаніе торчатъ вверху крѣпкія желѣзныя рельсы, длинныя балки и обшивка, сдерживающая потолокъ отъ тяготѣнія къ головамъ депутатовъ.

„Никогда не забывайте объ этомъ“, словно предупреждаютъ всѣ эти пристройки, безобразящія пышный, единственный среди парламентовъ, залъ. Всѣ смотрятъ на стѣны, стучатъ ногами по паркету, постукиваютъ въ колонны—выдержать-ли—словомъ, и правые и лѣвые выражаютъ самый явный вотумъ недовѣрія къ бывшей 2 марта „декларациі“.

Романистъ-писатель, собирающій теперь матеріалы для романа изъ парламентской жизни, словоохотливо дѣлится своими впечатлѣніями.

— „Видите-ли, мнѣ всегда представлялось, что Бѣлый Домъ стоитъ надъ минированнымъ фундаментомъ—и въ фигуральномъ и въ настоящемъ смыслѣ слова. Я старый любитель пошататься по закоулкамъ дворцовъ, бродилъ здѣсь съ однимъ старенькимъ служителемъ—и онъ показалъ мнѣ церковь дворца, запыленную, заброшенную, громадный залъ театра, помѣщенія Потемкина, разные потайные ходы, караульные пункты... Припомните это времячко дворцовыхъ заговоровъ. Я спускался въ подвалъ и лазилъ на чердакъ... И всюду провода, сигнализациа, посты, люди изъ охраны—а надъ всѣми пыль стараго режима, съѣдающая все, какъ ржавчина желѣзо. Этотъ старый дворець, это наслѣдіе стараго времени, эмблема нашего политическаго момента.

Депутаты, видимо, чувствуютъ себя прекрасно... Если-бы не скорбная складка глазъ, которая замѣчалась и замѣчается у всѣхъ представителей народа какъ первой, такъ и второй Думы, то я назвалъ бы ихъ лица удовлетворенными тѣмъ, что они снова вернулись въ Бѣлый домъ. Депутаты раскупаютъ появившіяся открытки съ видомъ засѣданія 2-го марта въ круглой ротондѣ... Вѣдь, это наша, хотя получасовая, колоннада Paulu-

skirche... У каждого парламента есть свои воспоминанія времени и мѣста.

Въ залѣ засѣданій все убрано и вычищено. Залъ глядитъ нарядно и весело. Невольно глаза устремляются на потолокъ, съ вопросомъ, крѣпокъ ли? Нѣтъ, видимо — крѣпокъ: даже Алексинскій можетъ быть спокойнымъ.

Депутаты воспользовались случаемъ, чтобы разсѣсться болѣе опредѣленно и выдѣлить инородныя тѣла изъ мѣстъ, занимаемыхъ партіей. А то во все время голосованія правыхъ, словно оазисъ въ пустынь, чернѣли три крестьянина-депутата, упорно сидѣвшіе, когда вся правая вставала. Когда говорилъ Церетелли и изъ правой неслись бѣшеные крики, тамъ мелькали три пары хлопающихъ рукъ.

Депутатъ Мельниковъ написалъ на своей карточкѣ: „безпартійный, принадлежу къ партіи справедливости, а не лицемерія“, и сидитъ на границѣ союза 17-го октября и ка-детовъ, какъ загадочная картинка.

„Куда же онъ принадлежитъ? — можно поставить подъ нею.

Еще до засѣданія политическое положеніе вырисовывается въ слѣдующемъ видѣ:

Ка-деты, какъ главенствующая партія, удерживаютъ позицію и окапываются. Они рѣшаютъ, что не теперь нужно идти на конфликтъ, который составляетъ вопросъ силы. Что бы ни говорили увлекающіеся, масса, да еще „организованная для мощнаго выступленія“, по формулѣ Церетелли, не поддержитъ своихъ представителей въ моментъ конфликта. Политическими уроками надо пользоваться—и подобный урокъ былъ данъ 9-го іюля.

Народническія группы тоже сознаютъ положеніе свое относительно народной массы и расчетовъ на нее.

Даже тонъ наказовъ и телеграммъ теперь ниже сталъ... одно только село Ромзино говоритъ объ учредительномъ собраніи... Нѣтъ прежнихъ требованій, есть желанія... Правда, настойчивыя и полныя желанія, но ничего крикливаго и неумѣреннаго,—такъ говорятъ и трудовики.

И прежняго союза съ ка-детьми нѣтъ уже.

Послѣ дней „голодныхъ засѣданій“, когда Родичевъ и Гесенъ разгромили лѣвыхъ и, поддерживаемые правыми, кадеты провели свою резолюцію,—народническія группы рѣшили проводить идею самостоятельнаго выступленія.

Не будетъ уже критики законопроектовъ центра или правительства, а свалка партійныхъ вопросовъ программы и тактики.

Въ эту возбужденную атмосферу должны сегодня влиться два острыхъ вопроса: о безработныхъ и военно-полевыхъ судахъ.

Послѣдній вопросъ довольно несложный: отвращеніе къ нему такъ сильно, конфузъ части правыхъ передъ его защитой такъ великъ, что онъ пройдетъ, въ общемъ, стройно. То, что осуждено во мнѣніи всего народа, не можетъ не быть осуждено народными представителями.

Невольно вспоминается, какъ первая Дума боролась со смертною казнью, какъ она приняла законъ объ отмѣнѣ ея, и какъ послѣ этого казнь торжествовала свою побѣду.

И вотъ, министерство, издавшее законъ о военно-полевыхъ судахъ во время междудумья, ясно видитъ, что законъ этотъ, на который Дума никогда не дала бы своего согласія, долженъ быть уничтоженъ.

Много горечи было въ запискѣ къ законопроекту и много негодованія было высказано въ блестящей рѣчи Маклакова, составившей главный пунктъ дня.

Необыкновенно проникновеннымъ голосомъ, искренне и тепло набросалъ онъ картину страны, погруженной въ тьму, страны, которая насквозь пропитана слезами и кровью.

Онъ доказалъ, что полевой судъ — противорѣчіе самой природѣ суда. Его рѣчь гремѣла, когда онъ вспоминалъ о непоправимости того, что уже сдѣлано.

Я отмѣчаю нѣкоторыя мѣста его рѣчи, которая французскимъ парламентомъ была бы предназначена ко всеобщему опубликованію.

— „Въ первый день, когда читалась декларация Совѣта Министровъ, о военно-полевыхъ судахъ ничего не было сказано, у всѣхъ явилась надежда, что они умрутъ своей естественной смертью. Но мимоходомъ въ этой деклараціи, и еще болѣе въ отвѣтной рѣчи предсѣдателя Совѣта Министровъ, была указана точка зрѣнія, съ которой оцѣнъ оправдывалъ эту печальную, исключительную и даже, по его взгляду, только временную мѣру. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сказалъ: „власть— хранительница государственности; ударяя по революціи, намъ пришлось не щадить частныхъ интересовъ“. Я совершенно согласенъ съ первымъ положеніемъ. Да, власть есть, дѣйствительно, хранительница государственности, и я привѣтствую ту

власть, которая этого не забываетъ. Но я обращаюсь къ тѣмъ, кто произнесъ эти слова, и къ тѣмъ, кто имъ тогда аплодировалъ, и спрашиваю: „неужели вы не видите, что военно-полевые суды въ той постановкѣ, которую вы имъ дали, есть учрежденіе глубоко антигосударственное, что одно номинальное существованіе этого закона, даже если бы онъ не примѣнялся, уничтожаетъ государство, какъ правовое явленіе, превращаетъ его въ простое состязаніе физическихъ силъ, въ максимализмъ сверху и снизу.

— „Вы хотите, — говорилъ онъ дальше, — бороться съ репрессіей? Это путь ненадежный, который уже былъ испробованъ и ни къ чему не привелъ. Что значитъ увеличеніе репрессій? Что въ правѣ сдѣлать государство, которое этого хочетъ?

Оно можетъ издать новый законъ, общее правило—тогда это было бы правовое явленіе.

— „Есть, — бросилъ онъ Столыпину, — нѣчто, чего боится наше правительство—это общій законъ“.

Затѣмъ онъ перешелъ къ тонкому анализу нашихъ исключительныхъ законовъ объ охранѣ, являющихся предвозвѣстниками полевыхъ судовъ. И онъ доказалъ, что у насъ господствуетъ даже не исключительный законъ, а произволъ лица.

Тамъ, гдѣ нѣтъ общаго закона и гдѣ есть три закона—значитъ вообще нѣтъ закона.

— Военно-полевая юстиція есть отрицаніе закона—отрицаніе главнаго устоя государственности, ударъ по государству.

Онъ говорилъ и о роли судей и не винилъ ихъ, жалкихъ исполнителей суроваго долга, „но назвать судъ полевой судомъ для юриста будетъ кощунствомъ!“ воскликнулъ онъ.

Главные удары его рѣчи были направлены на слѣпую политику разрушенія государственности, которую велъ Столыпинъ.

— „Смотрите же, господа, что вы дѣлаете, — говорилъ онъ. — Есть два государственныхъ устоя: законъ какъ общее правило, для всѣхъ обязательное, и судъ какъ защитникъ этого закона. Когда цѣлы эти начала—законъ и судъ—стоитъ крѣпко и сама государственность. И ихъ вы должны защищать, вы, хранители государственности. А вы подорвали законъ, вы въ грязь втоптали судъ, вы подкопались подъ самыя основы государства—и все это сдѣлано для храненія государственности. Вы говорили: ударяя по революціи, мы не могли щадить частныхъ интересовъ. Насколько мелка эта оговорка сравнительно съ тѣмъ, что вы сдѣлали. Не объ интересахъ идетъ теперь рѣчь. Ихъ дѣйстви-

тельно не щадятъ ни власть, ни максималисты. Но есть нѣчто, что надо было щадить, нѣчто, что вы должны защищать, это— государственность, судъ и законъ. Ударяя по революціи, вы ударили не по частнымъ интересамъ, а по тому, что всѣхъ насъ ограждаетъ — по суду и законности. Я думаю, что это ошибочный путь—ударять по революціи для ея прекращенія. Я не менѣе, чѣмъ власть, хочу конца революціи, жду момента, когда Россія сойдетъ съ того пути отчаянія и самосуда надъ своими обидчиками, говоря словами депутата Шульгина, которымъ она идетъ до сихъ поръ. Я жду того момента, когда революція кончится, иначется мирное преуспѣяніе. Я жду этого, но увѣренъ, что этого мы достигнемъ не такими путями. Но и вамъ, которые думаютъ иначе, я скажу, что, ударяя по революціи военно-полевыми судами, вы ударяете по намъ, мирнымъ гражданамъ, по всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ суда и законности. Если вы такъ добьете революцію, то вы добьете одновременно и государство, и на развалинахъ революціи будетъ не правовое государство, а только одичавшіе люди, — одинъ хаосъ государственнаго разложенія“.

Оглушительные апплодисменты слѣва и центра заглушаютъ оратора. Онъ дѣлаетъ умоляющій жестъ, словно проситъ не прерывать его, и кончаетъ словами.

— Къ намъ приходятъ и съ паюсомъ говорятъ: вы осуждаете полевые суды, а чѣмъ лучше революціонный подпольный трибуналъ? Осудите убійства слѣва, и тогда все прекратится. Господа, придетъ время и на этотъ вопросъ я вамъ отвѣчу съ этой трибуны со всею откровенностью; но теперь я хочу стоять на вашей точкѣ зрѣнія и спрошу: развѣ вы не видите, что, оправдывая военно-полевые суды ссылкой на революціонный трибуналъ, который таится въ подпольѣ, вы этимъ даете самую убійственную характеристику вашихъ судовъ; вы уподобляете ихъ тому революціонному трибуналу, который вы сами казните во имя закона? Подражая имъ, вы думаете спасти государственность; но развѣ государственность станетъ цѣлнѣе, если вы пойдете по пути вашихъ враговъ, усвоите у тѣхъ, кого вы караете, и приемы и методъ дѣйствія? Но я скажу больше. Если вы хотите сравнить себя съ ними, то подумайте, что какъ ни ужасно то, что дѣлаетъ терроръ снизу, но это менѣе ужасно, чѣмъ вашъ терроръ военно-полевыхъ судовъ. Я противникъ смерти, я понимаю ужасъ людей, которыхъ подстрѣливаютъ на

улицъ, которыхъ на куски разрываютъ бомбы; я понимаю, какъ это ужасно, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ военно-полевые суды. Всетаки нѣтъ ничего отвратительнѣй, какъ легальное священнодѣйствіе казни. Тамъ, при убійствахъ все же есть возможность борьбы, есть надежда спастись, хотя бы и тщетная. А что дѣлается у васъ, при этихъ безчисленныхъ казняхъ? Приводятъ человѣка, пойманнаго, обезоруженнаго, связаннаго и объявляютъ ему, что черезъ нѣсколько часовъ онъ будетъ убитъ; допускаютъ родныхъ, которые прощаются съ нимъ, дорогимъ и близкимъ, молодымъ и здоровымъ, и который по волѣ людей долженъ умереть. Его ведутъ на висѣлицу, какъ скотину на бойню, его тащатъ къ мѣсту, гдѣ стоитъ уже приготовленный гробъ, и въ присутствіи доктора, прокурора и священника, которыхъ кощунственно призываютъ смотрѣть на это дѣло, спокойно и торжественно его убиваютъ. И этотъ ужасъ легальнаго убійства превосходитъ всѣ эксцессы революціоннаго террора. Рекордъ по части забвенія человѣческой природы власть побилла надъ революціей.

— Я возвращаюсь къ тому, чѣмъ я началъ. Я понимаю, что государственная власть защищается, понимаю, что бываетъ нужна и строгость, но есть нѣчто, чего нельзя забывать, это то, что государство должно жить по закону, что судъ долженъ быть судомъ, что нельзя освящать произвола. Полевые суды въ этомъ смыслѣ такъ позорны, что если бы они даже болѣе не примѣнялись, одна ихъ возможность абсолютно несовмѣстима съ тѣмъ, что предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ о государственности. Я скажу, что если его декларация не только слова, то правительство не выждетъ мѣсячнаго срока, и позора полевыхъ судовъ больше не будетъ.“...

Призывы къ логикѣ, сердцу, патриотизму сыпались въ изобилии—и все становилось яснымъ даже малому ребенку.

Всякій, у кого запечатлѣвалась картина дебатовъ, видѣлъ и слышалъ, что военно-полевой судъ проваливается еще и потому, что его такъ неумѣло и такъ безтактно защищаютъ правые. Я, право, не помню, когда краска начала заливать лицо министра, тогда-ли, когда Маклаковъ, поднявшись до необыкновенной искренности, доказалъ всю несправедливость этой формы правосудія, или когда Пуришкевичъ и графъ Бобринскій защищали ее. Лицо у министра было красное, возбужденное. Куда дѣвался его обычный солидный видъ? Щегловитову передалось волненіе

Столыпина и онъ только вздрагивалъ, когда Маклаковъ вызывалъ громъ аплодисментовъ...

Эта была первая большая парламентская рѣчь, въ которой авторъ поднялся до высоты народнаго трибуна, всенародно исповѣдующаго истину. Она захватывала своимъ гуманнымъ духомъ, подкупала искренностью и увлекала чистотою идеальной вѣры въ правосудіе. Передъ палатой встала Россія, обильно напоенная кровью и слезами своихъ дѣтей, торжествомъ безконечнаго зла и насилія.

Головинъ сдѣлалъ перерывъ. Потребность въ немъ чувствовалась очень сильно. Оставаться въ залѣ послѣ подъема такой рѣчи было трудно.

Послѣ рѣчи Маклакова, записалось до шестидесяти человекъ. Многіе говорили хорошо, но лучше, убѣдительно никто не сказалъ.

Изъ числа выступавшихъ было больше всего юристовъ. Профессоръ Демидовскаго лица Бобинъ показывалъ на заспиртованную голову убійцы градоначальника Лауница, воспроизведенную на фотографіи, и говорилъ, что дѣти, все подростающее поколѣніе, видя неприкрытый ужасъ, теряютъ покой—и великое чувство гуманности притупляется.

— Это—и наши дѣти, и дѣти государственныхъ сановниковъ...

— Мы идемъ къ одичанію—и есть средство его остановить, это—прекратить пролитіе крови—закончилъ онъ.

На трибунѣ октябристъ Капустинъ, одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ вся оппозиція называетъ „честнымъ противникомъ“. Столыпинъ съ особымъ напряженіемъ слушалъ его дѣльную рѣчь, которая была тѣмъ сильнѣе, что исходила изъ тѣхъ принциповъ, въ уваженіи которымъ Столыпинъ неоднократно признавался.

— У насъ—говорилъ онъ—есть великій принципъ Царя-Освободителя: „правда и милость да царствуетъ въ судѣ!“ Гдѣ же эта правда, и гдѣ эта милость? Намъ, русскимъ людямъ противна кровь и насиліе, съ какой бы стороны она не исходила и сегодня мы съ тою же твердостью осуждаемъ полевые суды, какъ завтра осудимъ политическія убійства. Казнь нами безповоротно осуждена и мы отъ имени членовъ Думы Союза 17 октября заявляемъ, что и онъ противъ полевыхъ судовъ. Душа русскаго народа терзается отъ казни; ему противна кровь и насиліе, съ какой бы стороны оно ни исходило. Мы признаемъ

преступнымъ революціонный терроръ, но и полевые суды должны быть уничтожены.

Пренія закончились бы раньше, если бы не выступленія защитниковъ полевого суда—въ лицѣ графа Бобринскаго, Ветчина, Балло.

Что означали собою выступленія правыхъ? Я думаю, что они служили больше всего доказательствомъ того, что у смертной казни и у полевыхъ судовъ нѣтъ даже умѣлыхъ защитниковъ.

Бобринскій шелъ, какъ онъ выражался, „противъ общаго теченія“ и защищалъ полевые суды. Но онъ дѣлалъ это при помощи такихъ аргументовъ, что министры охотно отказались бы, вѣроятно, отъ его защиты.

— Когда случается землетрясеніе, можно принимать чрезвычайныя мѣры. Во время землетрясенія въ Санъ-Франциско люди разстрѣливались за кражу воды. Развѣ у насъ не тоже? Развѣ у насъ, —неожиданно аргументируетъ онъ—не проваливаются потолки?

— Bravo, bravo!—кричатъ ему слѣва— и смѣхъ прерываетъ его рѣчь.

Онъ заявилъ, что нельзя вѣрить кадетамъ, ихъ отвращенію къ крови.

— Робеспьеръ залилъ Парижъ и Францію кровью, а онъ, между тѣмъ, первую свою рѣчь въ національномъ собраніи произнесъ противъ смертной казни... Слѣдовательно, относитесь осторожно, не вы, я скажу, Россія, относитесь осторожно къ этимъ потокамъ краснорѣчія, которые сегодня слышишь. Въ то время, когда во французскомъ представительномъ учрежденіи обильною рѣкою лились рѣчи, гумансе краснорѣчіе, именно тогда особенно сильно лилась кровь невинныхъ жертвъ, кончилось священной жертвой короля Франціи Людовика XVI. Помни это, Россія, будь осторожна и не вѣрь этимъ людямъ! Я уже второй разъ слышу изъ устъ нашихъ умѣренныхъ правыхъ сравненіе нашего времени съ эпохой великой французской революціи.

Выходки правыхъ давали только пищу оппозиціоннымъ ораторамъ. Когда Балло оправдывалъ полевой судъ на томъ основаніи, что никто вѣдь не возмущается особенно „полевымъ“ судомъ надъ конокрадами въ деревнѣ, то это давалъ поводъ другимъ ораторамъ указывать на аргументы союзниковъ Столыпина. Когда Бобринскій упрекалъ Кузьмина-Караваева въ «невѣжествѣ», палата и самъ Щегловитовъ смѣялись. Дикія сравненія, надоѣвшія всѣмъ примѣры, ссылки на землетрясеніе

только служили къ вящему посрамленію дѣла, которое защищали эти своеобразные ораторы.

Могъ-ли быть Столыпинъ благодаренъ Бобринскому за сравненіе, когда онъ говорилъ, что при землетрясеніи въ Санъ-Франциско разстрѣливали за глотокъ украденной воды?

Въ залѣ хохоть, въ рядахъ правыхъ смятеніе.

Какъ въ первой Думѣ милосердный священникъ говорилъ объ ужасѣ пролитія крови, и теперь батюшка — Тихвинскій потрясъ палату горячей, истинно пастырской рѣчью.

— А въ какое ужасное положеніе поставлены мы, священники, пастыри церкви! По судебному уставу мы обязаны увѣщевать приговореннаго къ смертной казни. Вы представьте себѣ мое положеніе, какъ священника. Что я скажу ему, придя въ его камеру наканунѣ его смерти? О чемъ же я буду говорить ему? Я могу только упасть къ его ногамъ и просить о прощеніи того общества, которое само не знаетъ прощенія. А какъ подамъ я ему крестъ, этотъ символъ мира и любви?

Смертная казнь, господа, это страшная, это ужасная, это нечеловѣческая месть. И мы смѣемъ называть себя Христовымъ обществомъ, да еще православнымъ, когда у насъ за одинъ мѣсяць больше смертныхъ казней, чѣмъ во всей западной Европѣ за цѣлыя десять лѣтъ?

Философъ Булгаковъ доказалъ, какъ противно ученію Христа идея казней и какъ этого должно бояться правительство, называющее себя христіанскимъ.

Отъ партіи народной свободы говорилъ еще Тесленко, бросившій въ сторону авторовъ законопроекта:

— Мы покажемъ вамъ это чудовище — полевсой судъ, чтобы вы сами, творцы его, ужаснулись. Пусть его видитъ весь міръ!

И онъ мастерски изобразилъ судъ, гдѣ нѣтъ ни уликъ, ни свидѣтелей, ни прокурора, ни защитника.

— Вы восемь мѣсяцевъ примѣняли къ русскимъ гражданамъ то, чего не примѣняли на войнѣ къ японскимъ шпіонамъ! — воскликнулъ онъ въ заключеніе.

Пренія разгорались — и г. Столыпинъ ушелъ въ свой министерскій кабинетъ.

Говорило до шестидесяти ораторовъ, и каждый вносилъ

столько страсти и страданія, что и желѣзное сердце расплавилось бы.

Пергаментъ вскрыль, какъ опытный юристъ всю антиправую природу этого суда, гдѣ нѣтъ мѣста ни доказательству, ни защитѣ.

— Необходимо скорѣй прекратить кошмаръ военно-полевой юстиціи. Не надо забывать, что поруганію подвергается не живая человѣческая личность и не тѣло человѣческое, а власть, священныя начала, на которыхъ покоится законъ и возможно государственное благополучіе. И поэтому, когда я вижу на висѣлицѣ вздернутое человѣческое тѣло, то я вижу и сознаю, что это не тѣло человѣка, а власть, начала общественныя и государственныя, попранныя святотатственной и лицемерной рукой!

Когда на трибуну взошелъ социалистъ-революціонеръ Ржехинъ, всѣ со вниманіемъ отнеслись къ его рѣчи.

Вѣдь долженъ былъ по жгучему вопросу говорить представитель партіи, считающей терроръ средствомъ борьбы!

Въ небольшой рѣчи Ржехинъ отвѣчаетъ, что красный терроръ только отвѣтъ на бѣлый терроръ правительства.

Онъ привелъ слова изъ рѣчи Желябова на судѣ: „и у насъ была юность, розовая и мечтательная, и если мы здѣсь, то не мы тому причиной.“

— Я утверждаю и говорю, что если только у насъ будетъ политическая свобода, если только наше отечество будетъ развиваться на основахъ права, если будетъ свобода совѣсти, свобода собраній, если будетъ введено всеобщее избирательное право и будетъ, такимъ образомъ, собранъ народъ, и народъ будетъ управлять страной, то, конечно, ни о какихъ террористическихъ актахъ не можетъ быть ни рѣчи, ни помину.

Правая волновалась — и если-бы Ржехинъ не перешелъ къ заключенію, инцидентъ былъ бы неминуемъ. Онъ кончаетъ.

— Въ заключеніе я долженъ сказать, что если террористическіе акты, которые мы наблюдаемъ въ послѣднее время, являются только какъ необходимость, только какъ неизбѣжность, то, конечно, всякій понимаетъ, что, убивая лицъ, въ лицѣ ихъ убиваютъ не враговъ личныхъ, а въ лицѣ ихъ убиваютъ тѣхъ, которые являются носителями произвола и насилія. Я укажу еще на тотъ фактъ, что Шарлота Корде во Франціи, которая убила Марата, великаго революціонера, пользовалась сочувствіемъ французскаго народа, и пользовалась сочувствіемъ фран-

цузскаго народа потому, что она убила въ лицѣ его тирана.

Что-же правительство? Скажетъ-ли оно свое слово послѣ-того всеобщаго осужденія, которое высказала палата?

Еще когда ораторовъ было очень много и, казалось, что весь день уйдетъ на пренія, г. Столыпинъ заявилъ, что его заявленіе имѣетъ значеніе для сокращенія дебатовъ и что палата вымгнала-бы много времени, если-бы выслушала его. Послѣ этого всѣ стали предупредительно отказываться отъ слова, чтобы дать возможность министру сдѣлать свое заявленіе. Но за позднимъ временемъ это было отложено. Дебатировать другихъ вопросовъ не было возможности — и Дума разошлась.

Дебаты слѣдующаго дня были уже блѣднѣе, но велись они все въ той же плоскости. Правые требовали осужденія террора и оправдывали полевые суды, какъ необходимое оружіе въ рукахъ власти, а лѣвые говорили о томъ, что суды эти только усиливаютъ анархію въ странѣ.

Сазоновичъ считалъ безусловно необходимымъ, чтобы Государственная Дума осудила убійства. Только тогда она можетъ войти съ проектомъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. „Въ противномъ случаѣ, Государственная Дума своимъ неосторожнымъ законопроектомъ создастъ такія условія нашего существованія, создастъ такую обстановку для русской государственной жизни, которая уже ранѣе была опредѣлена знаменитою историческою фразою: „Россія плачетъ, а Желябовы смѣются.“

А с.-р. Архангельскій заявлялъ, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ осуществлены народныя требованія, касающіяся амнистіи, пока не будутъ выполнены народныя требованія, касающіяся свободнаго развитія его строя, пока не будетъ дана возможность народу избрать полновластную Государственную Думу, — до тѣхъ поръ война стихійно будетъ подсказываться самымъ ходомъ дѣлъ и народъ революціонно настроенный, будетъ прибѣгать къ старымъ приемамъ своихъ дѣйствій.

— Позоръ, убійцы! — несетя справа.

— Этотъ позоръ — говоритъ Архангельскій—будетъ для того строя, при которомъ нѣтъ возможности для мирной культурной ваботы. И мы говоримъ, что нужно намъ всѣмъ создать такія условія, при которыхъ не было бы такого позора.

Кузьминъ-Караваевъ поднялъ перчатку правыхъ относительно осужденія террора.

— Я предъ всѣми скажу, если нужно, чтобы я исповѣдалъ свою вѣру, я скажу, что рѣшительнымъ образомъ осуждаю убійство съ лѣвой стороны: я осуждаю всякую кровь! Въ моихъ жилахъ также точно холодѣетъ кровь, какъ и въ жилахъ преосвященнаго Евлогія, каждый разъ, когда приходится слышать о новыхъ проявленіяхъ ужаса, о новой смерти, о новой бомбѣ, о новыхъ выстрѣлахъ. Но кровь моя точно также стынетъ и тогда, когда я узнаю о погромахъ; я также протестую противъ убійства Герценштейна, какъ противъ убійства каждаго должностнаго лица, вся душа моя протестуетъ противъ этого!

Правая оживленно аплодируетъ.

— Позвольте, почему вы аплодируете мнѣ, почему вы не аплодировали представителямъ социалистовъ-революціонеровъ, которые сегодня еще говорили, что они тоже отрицательно относятся къ убійствамъ, что они тоже осуждаютъ это?

Справа раздается:

— Вы чистый человѣкъ, а то убійцы.

Кузьминъ-Караваевъ волнуясь оборачивается къ правымъ.

— Простите, я считаю каждаго, кто сидитъ здѣсь, чистымъ человѣкомъ и не позволю себѣ сказать ни про кого, что руки его запачканы въ крови.

— Страна катится по наклонной плоскости, — и вы думаете это остановить казнями, карами? Нельзя, господа, никогда забывать человѣческой психологіи. Люди управляются своими мыслями. Вы можете механически вырвать человѣка, но идею вырвать нельзя. Каждый вырванный человѣкъ тѣмъ, что онъ механически вырванъ, уничтоженъ — чѣмъ рѣзче, тѣмъ хуже — производитъ большее впечатлѣніе, большее психическое воздѣйствіе на общество, чѣмъ онъ могъ бы своими дѣйствіями принести вреда. . . Упраздните же полевые суды!"

Столыпинъ, какъ авторъ военно-полевыхъ судовъ, сказалъ краткую рѣчь на тему о необходимости этого рода правосудія въ виду угрозъ революціонныхъ партій. Этой уступки революціи онъ дѣлать не хочетъ.

— Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лѣчатъ, отравляя его ядомъ; когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете.

— Этотъ порядокъ признается всѣми государствами.

— Нѣтъ законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать теченіе закона, когда государственный организм потрясенъ до корней, которое не давало бы ему полномочія въ этихъ случаяхъ нарушать и приостанавливать всѣ нормы права. Это, господа, состояніе необходимой обороны. Оно доводило государство не только до усиленія репрессій, не только до примѣненія различныхъ репрессій къ различнымъ людямъ, къ различнымъ категоріямъ людей, оно доводило государство до подчиненія всѣхъ одной волѣ — произволу одного человѣка; оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство изъ опасности и приводила къ спасенію. Бываютъ, господа, роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права и когда надлежитъ выбрать между цѣлостью теорій и цѣлостью отечества.

Онъ заключилъ словами:

— Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая конечно сумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палачей, отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, которые примѣняли самыя чрезвычайныя, можетъ быть, мѣры, но съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой — исцѣлить труднобольного.

Послѣ заключительной рѣчи В. Гессена законопроектъ былъ переданъ въ комиссію.

Тамъ онъ пролежитъ цѣлый мѣсяцъ. Цѣлый мѣсяцъ еще будетъ существовать полевая справедливость и добросовѣстные врачи будутъ лѣчить организмъ, отравляя его ядомъ, и уповать на излѣченіе трудно-больного.

XI.

Я присутствовалъ въ прошломъ году въ нашей верхней палатѣ, когда тамъ разбирался законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, внесенный Думою и уже принятый ею, и слушалъ тогдашніе горячіе дебаты.

Даже это собраніе старцевъ было тогда сильно возбуждено. Спорили, не соглашались другъ съ другомъ, подсиживали аргументами, фальшивили, подмѣнивали исторію, но тогда была жизнь... Шла борьба различныхъ мнѣній.

Тогда фонъ-Крамерь, либо Касаткинъ-Ростовскій, говорили, что смертную казнь надо сохранить для людей, которые не имѣютъ права на жизнь, для революціонеровъ.

Имъ возражалъ Н. С. Таганцевъ, ученый профессоръ, посвятившій лучшіе годы своей жизни и лучшія страницы своихъ произведеній на борьбу съ этимъ позорнымъ институтомъ.

Сегодня прежніе противники опять сошлись, но сошлись не на почвѣ идейнаго спора, а сухого вопроса.

Дѣло шло о томъ, оставлять ли комиссію пятнадцати для дальнѣйшихъ обсужденій по законопроекту, или распустить ее. Мотивами къ роспуску комиссіи служилъ тотъ фактъ, что законопроектъ, выработанный первой Думой, не имѣетъ силы для второй. Первая Дума умерла, а съ нею и всѣ ея законопроекты.

Скажу напередъ, нѣкоторые члены Совѣта были искренны, когда доказывали, что есть основанія, въ силу которыхъ надо всю работу пересмотрѣть сначала. Но многіе только прикрылись формальной стороною дѣла и провалили законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Если бы палата приняла его, онъ могъ бы черезъ нѣкоторое время уже быть утвержденъ — и смертная казнь была бы отмѣнена.

Теперь же снова должно пройти больше мѣсяца, пока законъ не вернется снова въ палату.

Таганцевъ привелъ слѣдующія соображенія по поводу того, что комиссія должна приступить къ дальнѣйшей работѣ.

— Вопросъ, — доказывалъ онъ, особенно какъ-то волнуясь, — очень важенъ со стороны практической. Я не могу согласиться съ тою мыслью, что дѣло разсматривается только въ отношеніи этого единичнаго вопроса. Надо взглянуть на дѣло пошире, не только въ рамкахъ законопроекта о смертной казни. Первая Дума умерла. Развѣ это значить, что весь цѣнный матеріалъ, который она намъ оставила, идетъ на смарку? Законопроекты первой Думы не дожили до той минуты, когда они были бы рассмотрѣны нами. Значить ли это, что всѣ эти законопроекты уничтожаются? Комиссія предлагаетъ все это упразднить. Цѣлесообразно ли это? Вѣдь, если, на примѣръ, Дума будетъ знать, что 1-го мая ее распустятъ, не значить ли это, что ей пока нечего и работать, такъ какъ ея проекты все равно не осуществятся. А какъ придется поступать съ сложными законопроектами, на которые затрачивается долгое время?

Увы! его даже слабо слушали: его дѣло было проиграно. Онъ это почувствовалъ и во второй половинѣ рѣчи сталъ ѣдкимъ.

— Первая Дума была правоспособной и дѣлоспособной—и ея рѣшенія законны. Она умерла, но ея дѣла живы. Беру и важность этого вопроса. Онъ — вопросъ совѣсти русскаго народа. Не увлекайтесь же его сущностью, а посмотрите холодно и безпристрастно, какъ на вопросъ о прачешной или объ оранже-реякъ юрьевского университета,— не удержался онъ отъ ѣдкаго замѣчанія.

С. С. Манухинъ твердо возражалъ ему, что въ этомъ вопросѣ важно лишь то, что Дума обновилась, что „новый составъ можетъ имѣть другія политическія воззрѣнія“. Ему приходилооь очень мало аргументировать, такъ какъ залъ былъ въ подавляющемъ большинствѣ съ нимъ согласенъ.

Авдаковъ попробовалъ было напомнить совѣту о томъ, что народъ кричить: „долой смертную казнь, долой полевые суды!“, но равнодушіе аудиторіи всасывало оратора, какъ въ трясины.

Уже къ концу преній заговорилъ графъ Витте и сталъ на очень любопытную точку зрѣнія.

— Представимъ себѣ—сказалъ онъ,—обратное положеніе: Дума вотировала введеніе смертной казни. Изъ-за конфликта ее распустили. Чтобы тогда сказалъ Таганцевъ? Неужели тогда надо было бы ввести смертную казнь, не выслушавъ новыхъ народныхъ представителей?

Предсѣдатель, видимо, торопился. Онъ явно побоялся, что кто-либо изъ господъ членовъ пожелаетъ привести другого рода „обратный“ примѣръ: на случай роспуска Государственнаго Говѣта... Онъ поспѣшилъ поставить вопросъ на баллотировку. За роспускъ комисіи 128, ꙗпротивъ — семь. Кто были эти семь? Вѣроятно, шесть профессоровъ и Таганцевъ; баллотировка была закрытая.

Итакъ „изъ рукъ правительства не будетъ вырвано его единственное оружіе“.

XII.

Сегодня Дума обсуждаетъ первый запросъ—и это служить предзнаменованіемъ для нея.

Дума страстно хочетъ дорваться до законодательной работы, но ей это упорно не дается. Сегодня лишь исчерпаны вопросы

первой повѣстки, откладываяшіеся со дня на день. Трагедія нашего парламента заключается въ томъ, что несмотря на все страстное желаніе приступить къ законодательству. Онъ этого пока осуществить не въ состояніи.

Голодъ, безработица, избіеніе депутата—развѣ это законодательные вопросы?

Бѣда наша вся въ томъ, что Дума, какъ представительное учрежденіе, была слишкомъ поздно собрана, и въ русской жизни накопилось масса зла. Эти проявленія зла не дають спокойно работать. Голодъ—разрѣшить кардинально аграрная реформа, безработицу—рабочія законодательства. Но можетъ ли Дума сказать: „погодите, я издамъ хорошіе законы“... Каждый день дорогъ—и все-таки пришлось посвятить половину его на запросъ по поводу избіенія депутата Сигова. Депутатъ Сиговъ говорилъ очень хорошо—потому, что говорилъ спокойно. Видно было, что изъ факта избіенія онъ не дѣлаетъ политической демонстраціи передъ правительствомъ, а не хочетъ просто допустить, чтобы преступленіе надъ личностью гражданина оставалось безнаказаннымъ.

Въ прошломъ году въ Думѣ былъ принятъ запросъ объ избіеніи Сѣдельникова въ Петербургѣ. И это избіеніе было возмутительнымъ. Но болѣе всего оно было многозначительнымъ по халатному отношенію властей. Избіеніе 21-го іюня было грознымъ *memento* для депутатовъ—и я невольно припомнилъ этотъ запросъ при обсужденіи сегодняшняго.

Сегодня министръ юстиціи, который ознакомился со всѣмъ этимъ дѣломъ, далъ палатѣ завѣренія, что все будетъ разслѣдовано со всею строгостью слѣдствія—и виновные понесутъ наказаніе. Онъ сообщилъ подробности избіенія, возмущающія подробности... И, казалось, онъ и самъ былъ огорченъ.

Все-таки въ его тонѣ была такого рода сухость, которая наводила на размышленіе. Онъ въ двухъ-трехъ словахъ выразилъ свое скептическое отношеніе къ образованію комиссіи для разслѣдованія дѣлъ о преступленіи властей.

— Законъ нашъ ограждаетъ достаточно личность—сказалъ онъ.

Комиссію рѣшено организовать—и теперь запросы польются рѣкой. Вѣдь избіенія продолжаются всюду.

Въ комиссію перейдетъ и вопросъ о Сиговѣ. Будетъ ли изъ

этого непосредственный результат — на это ответить легко. Нѣтъ, не будетъ.

Таково впечатлѣніе всѣхъ депутатовъ. Говорю: всѣхъ—и правыхъ и лѣвыхъ.

Правые говорятъ, что такъ и слѣдовало. Лѣвые, что надо все переменить наново. Всю администрацію, воспитанную въ традиціяхъ насилія.

Будетъ ли это осуществлено? Никто не вѣритъ—и въ этомъ невѣріи причина подавленнаго настроенія депутатовъ.

День закончился чтеніемъ привѣтствій и особенно бурно встрѣчено—о, иронія судьбы!—привѣтствіе персидскаго „меджилиса“.

XIII.

Въ Думѣ сегодня большой день.

Въ ложѣ дипломатическаго корпуса примостился какой-то представитель „сильной финансовой группы“, какъ принято теперь называть банкировъ-заимодавцевъ.

— Ахъ, какъ намъ мало вѣрятъ теперь за границей—говорить вздыхая членъ государственнаго совѣта, сидящій рядомъ съ нами.

— Мало вѣрятъ...—повторяетъ иронически иностранный коллега—Да совсѣмъ не вѣрятъ уже... Нашъ *propriétaire* узокъ, но онъ узко честенъ. Исторія съ Гурко, или съ потолкомъ приводитъ его въ неописуемую ярость. Теперь онъ свирѣпо косится на Россію и ждетъ минуты, когда сумѣетъ получить обратно свои девять милліардовъ.

Всѣ разговоры вертятся вокругъ финансовъ. Говорятъ, что рѣчи по партіямъ уже расписаны, и Кутлеръ со Струве готовы уже выступить.

Засѣданіе началось. Въ царской ложѣ появляется утомленный Куропаткинъ. Ему не разъ приходится слышать напоминанія о себѣ, когда говорятъ о Мукденѣ. Это имя слышится довольно часто. О чемъ бы ни заговорили—это, ставшее нарицательнымъ, имя повторяется съ неизмѣнною правильностью.

Коковцевъ поднимается со своей скамьи и, подъ благожелательный кивокъ головою Столыпина, выходитъ на трибуну.

Шванебахъ вооружается толстѣйшимъ карандашемъ и готовится писать.

Коковцевъ говоритъ спокойно и дѣльно, съ обычною картавостью и незамѣтно всматривается въ лежащія передъ нимъ замѣтки. Фраза закругленная, литературная.

Онъ очень постарѣлъ и осунулся съ прошлаго года. Не легкіе труды его сказываются и въ сильно посѣдѣвшихъ волосахъ, и въ измученномъ лицѣ, и въ согнувшейся фигурѣ, и въ усталыхъ и даже грустныхъ звукахъ голоса.

— Не веселятъ должно быть бѣднягу наши финансы— сообщаетъ мнѣ сосѣдъ.

Правые слушаютъ подобострастно, а Пуришкевичъ готовъ отъ восторга вскочить со своего кресла.

Министръ особенно подчеркиваетъ сильныя мѣста.

— Мы вели—патетически восклицаетъ онъ—два года тяжкую войну съ миллиардными затратами. Послѣ войны смута, зловѣщія потрясенія, кризисъ промышленности...

— Bravo, bravo!—гудятъ справа.

— Лихолѣтье повліяло на весь укладъ нашей государственной жизни...

— Bravo... вѣрно!—не унимается Пуришкевичъ.

Министръ переходитъ къ цифрамъ и громоздитъ одну сотню миллионовъ на другую. Вотъ онъ, небольшой человекъ, хозяинъ двухмилліоннаго бюджета громаднаго государства, катитъ вагоны золота передъ народными представителями, изъ которыхъ добрая треть пришла изъ голодающихъ губерній..

У министра голось принимаетъ мягкій оттѣнокъ, когда онъ признается.

Правда, нашъ бюджетъ составлялся иногда на основахъ неумѣренности, но что-же мы теперь можемъ сократить? Долговья обязательства?

— Охрану сократите!—слышится сверху.

— Тяжелое и мрачное осталось позади—разливался министръ—Для великаго государства, богатаго неисчерпаемыми богатствами, необходимо только, чтобы прекратилась смута, и тогда быстро возстановится нашъ пошатнувшійся кредитъ и наши финансы вернутся въ то положеніе, которое имъ принадлежитъ по праву, какъ финансамъ великаго государства, великой страны, обладающей неисчерпаемыми природными богатствами и имѣющей сто пятьдесятъ миллионовъ трудолюбиваго даровитаго населенія.

Онъ прелвидѣлъ, конечно, что лѣвая оппозиція захочетъ во всю использовать свое оружіе и говорить объ общей политикѣ правительства — и потому заранѣе произнесъ цитату бельгійскаго министра финансовъ о соотношеніи партійной и національной политики.

— Я позволю себѣ закончить мое разъясненіе словами, которыя принадлежать не мнѣ, но подъ которыми, смѣю думать, подпишутся многіе. Внося на разсмотрѣніе палаты бюджетъ на 1906 г., бельгійскій министръ финансовъ писалъ:

„Управление финансами страны не можетъ быть дѣломъ какой партіи. Поле, открытое для политической борьбы, представляетъ слишкомъ много другихъ поводовъ для раздоровъ и нападеній, чтобы съ него не слѣдовало вовсе удалить то, что составляетъ общее достояніе всѣхъ гражданъ, достояніе, которому нельзя нанести сколько-нибудь чувствительнаго ущерба, не подвергая величайшей опасности кредитъ государственный и его процвѣтаніе“.

Рѣчь свою закончилъ подъ апплодисменты правыхъ.

Немедленно занимъ появился Кутлеръ съ папкой дѣлъ и принялся за анализъ. Рѣчь его, не смотря на всю сдержанность, вышла по-неволѣ рѣзкой. Да и немудрено; тема была очень опасной и не только каждый фактъ, но и доводъ билъ въ боліе для бюрократіи мѣсто.

Онъ разобралъ подробно смѣту по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и показалъ, какая масса денегъ уходитъ непроизводительно. Онъ разобралъ дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, акциза, монополіи, милліоны уходящіе на чиновъ гражданскаго управленія, на земскихъ начальниковъ на всевозможную охрану.

Онъ ярко очертилъ всю антинародную финансовую политику, поощреніе пьянства, налоговую тяжесть, грозные признаки окончательной непоправимой нищеты народныхъ массъ.

Онъ вызвалъ крики правыхъ, когда перешелъ къ бюджету военнаго министерства. Даже архи-лояльными словами, что Дума наиболѣе правильно исполнить свой долгъ и поступить истинно патріотично, если въ отвѣтъ на призывъ увеличить ассигнованіе по государственной оборонѣ, подвергнетъ кредитъ военному и морскому вѣдомству самой тщательной критикѣ и, устранивъ все то, что не нужно, оставитъ только то, необходимость чего безусловно доказана.

Когда онъ заговорилъ о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія, о скудныхъ ассигнованіяхъ на народное образованіе, и со стороны правыхъ посыпалось: „ложь“, слѣва начали кричать: „правда, вѣрно“. Кутлеръ закончилъ словами:

— Права наши узки. Мы будемъ добиваться ихъ расширенія.

— А пока мы должны подвергнуть весьма тщательной критикѣ ту часть росписи, которая подлежитъ нашему свободному разсмотрѣнію, и только тогда, когда мы все это сдѣлаемъ, только тогда можно будетъ сказать, что мы исполнили долгъ народныхъ представителей. Отъ результатовъ же нашей работы будетъ зависть разрѣшеніе вопроса о томъ, существуетъ ли въ дѣйствительности въ Россіи народное представительство.

Трудовики, центръ и коло апплодируютъ.

Министръ финансовъ былъ, видимо, разобиженъ рѣчью Кутлера и послѣ перерыва возражалъ ему. Онъ не безъ ядовитости напомнилъ ему, что отъ лица, служившаго такъ долго въ министерствѣ финансовъ, можно было бы ожидать больше знаній. Если же это не недостатокъ знаній, то это недостатокъ добросовѣстности.

Правые бѣшено апплодировали. Одинъ разъ они сконфузились: министръ говорилъ о долговыхъ обязательствахъ и о долгахъ за плѣнныхъ.

— Такое положеніе не должно застать насъ съ пустыми руками—говорилъ министръ.

— „Браво!“ крикнули правые, но осѣклись.

— Чему же тутъ браво кричать!—ворчитъ рядомъ со мною Немировичъ-Данченко...

„Кошелекъ или жизнь!“—думалъ я, видя какъ министръ старается.

Какъ ни серьезны парламентскіе дебаты о бюджетѣ сами по себѣ, но иначе ихъ нельзя назвать. Министръ шагъ за шагомъ отстаиваетъ каждую позицію росписи отъ натиска кадетовъ, крайнихъ, поляковъ и ни на одну минуту не хотѣлъ оставлять палату подъ впечатлѣніемъ рѣчей противниковъ бюджета. Онъ говорилъ три раза. Отстаивая „кошелекъ“ въ рукахъ бюрократіи, онъ отстаивалъ ея жизнь, и потому то онъ такъ старательно и являлся въ каждой бреші бюджета и прикрывалъ ее своимъ портфелемъ.

Не выдержалъ и Столыпинъ. И онъ кольнулъ Кутлера его прошлымъ товарища министра.

— Я не имѣлъ чести быть въ томъ министерствѣ, гдѣ былъ Николай Николаевичъ Кутлеръ, которое составляло смѣты, не одобряемая теперь—сказалъ онъ.

Было произнесено еще нѣсколько рѣчей, но новаго они ничего не внесли.

Министры храбро выступаютъ, чувствуя почву подъ собою... Эта почва—безсиліе Думы, которая сама уже начинаетъ устывать отъ своей тактики.

Кулуары въ эти дни были очень оживлены. Говорятъ, что аграрный вопросъ, какъ наиболѣе насущный, ближе и понятнѣе крестьянамъ. Я убѣдился, что финансовый не менѣе больной вопросъ, и крестьянинъ нашъ кричитъ благимъ матомъ, когда до этого вопроса дотрагиваются.

— Да ежели бы не подати да налоги,—говоритъ Маляренко,—то я своимъ надѣломъ доволенъ... Прокормиться могъ бы своей землицей, да вишь ты, все у тебя выколачиваютъ, рубль за рублемъ... Туды подай, сюды подай. Семь шкуръ деруть...

— Обѣднѣлъ народъ, охъ, какъ обѣднѣлъ—вздыхаетъ Веренко, похожій на Цинцината, котораго точно оторвали отъ плуга для дѣлъ государственныхъ,—до такой степени у него видъ пахаря—какъ у насъ плохо, да темно, да голодно... Что наработаемъ, на казну отбираютъ... Просто сказать, кусокъ ото рта отбираютъ...

Во многихъ мѣстахъ ожесточенный споръ.

Тутъ все перемѣшано: и земля, и права женщинъ, и финансы, а надъ всѣмъ доминируетъ одна мысль: разгонъ Думы близокъ.

— Вы, вотъ, вмѣстѣ съ Пуришкевичемъ голосуете—говоритъ хмурый литовецъ правому Балло,—а онъ за разгонъ Думы стоитъ... Вотъ, почитайте „Русское Знамя“... Видите: подписано—товарищъ предсѣдателя с. р. н. Пуришкевичъ. Какъ же вы, крестьянинъ, котораго послали сюда за землю, вмѣстѣ съ нимъ стоите заодно?

— Да, нашли за землю кого послать,—вмѣшивается неугомонный депутатъ Хвостъ—у него у самого 300 десятинъ земли...

— Ну, что же? Это вѣрно, что у меня есть земля. Я ее трудомъ добылъ. И не хочу, чтобы ее отобрали. Потому я съ Пуришкевичемъ за одно стою. Лишь я землю отстою, а потомъ мнѣ все равно. Потомъ и я за свободу. Никто себѣ не врагъ.

— Вотъ, слышали, люди добрые? Онъ землю свою отстоятъ, а потомъ за свободу постоятъ, а другіе сначала земли добудутъ да о свободѣ позабудутъ... Кто ихъ разберетъ?—смѣется Хвостъ.

— Да то не люди-человѣки, а враги крестьянъ... Даромъ, что сами-то они изъ крестьянъ...

— Ну, и въ раззоръ ввели насъ—слышу я въ другой группѣ рассказъ — этимъ самымъ постоемъ... Какъ рѣшили это мы водки не пить, да казенку закрыть, сейчасъ къ намъ на постой полроты прислали... Взыли мы тогда волками...

— Драгонада, сушая драгонада — возмущается прилизанный октябристъ.

Кулуары гудятъ, и горячія слова гулко раздаются въ немъ.. Все, о чемъ бы ни заговорили, болѣзненно... Все кричить: слишкомъ туго натянута струна, чтобы она не вибрировала болѣзненно высокими нотами.

Послѣ двухдневной битвы за бюджетъ можно подвести нѣкоторые итоги тому, что произошло за это время въ Думѣ. Свои краткіе итоги я подвожу на основаніи не однѣхъ только рѣчей съ трибуны, но и всей совокупности тактическихъ приемовъ различныхъ фракцій и всего того незамѣтнаго, но существеннаго настроенія депутатовъ, которое вліяетъ на ихъ рѣшенія. Кулуары въ теченіе этихъ дней были не мѣстомъ для разговоровъ и споровъ, а служили ареной ожесточенныхъ схватокъ между противниками. Журналисты стусеивались — и перестали вмѣшиваться въ споры. Они поняли, что каждый беретъ на себя слишкомъ много отвѣтственности, содѣйствуя тому или иному рѣшенію.

Къ тому-же чувствовалось, что министерство пришло въ Думу съ „бронированнымъ бюджетомъ“; оно было вполне независимо отъ рѣшенія народныхъ представителей и, какъ правильно въ одной газетѣ было сказано, въ случаѣ отказа въ утвержденіи, оно сказало-бы Думѣ: „вы не хотите дать мнѣ новую шляпу? До свиданья, уйду въ старую.“

Никогда еще за все время существованія Думы предположеніе о роспускѣ ея не было столько вѣроятнымъ, какъ за эти дни. Еще до инцидента, созданнаго правыми во время рѣчи Алексинскаго, чувствовалось, какъ правительство полно рѣшимости „уйти въ старую шляпу“. Правда, министръ финансовъ

нѣсколько разъ возражалъ, даже большее количество разъ, чѣмъ требовалось, но онъ все это дѣлалъ играючи — и для вящшаго выставленія безсилія Думы и всесилія министерства. Родичевъ еще до своей рѣчи говорилъ:

— Въ прошломъ году намъ дано было сраженіе на позиціи аграрнаго вопроса; въ нынѣшнемъ это произойдетъ на бюджетномъ — и боюсь, что съ тѣми-же результатами, какъ и въ прошломъ...

И предположенія нѣкоторыхъ публицистовъ, высказанныя зимою, что Дума созвана только изъ-за финансовыхъ соображеній, получили самое блестящее подтвержденіе.

За всѣ эти два дня дебатовъ и кулуарныхъ криковъ видно стало, что Дума связана въ своихъ дѣйствіяхъ. Законъ 8 марта — это Прокрустово ложе, куда уложили Думу. Родичевъ правильно замѣтилъ: „если-бы мы собрались на основаніи закона 6-го августа — Булыгинская Дума съ совѣщательными правами — то еще понятно было-бы укороченіе правъ Думы, но когда мы обладаемъ властью законодательной!“

Практически ограниченія Думы свелись къ слѣдующему: роспись сдѣлана неприкосновенной. Вѣдь всѣ ассигнованія сдѣланы на основаніи законовъ!

Всякая ассигновка совершена на основаніи соответствующаго законоположенія, хотя-бы архаическаго, поросшаго мхомъ, но все-таки закона! И получилось такое трагическое положеніе: на свѣше чѣмъ двухмилліардный бюджетъ Дума могла-бы отказать лишь въ 39 милліонахъ!

Въ виду этого крайнія партіи заняли по отношенію къ бюджету самую враждебную позицію.

Соціалъ-демократы обострили этотъ вопросъ настолько, что онъ теперь, какъ и всякое остріе, привлечетъ молнію, которая можетъ ударить и разбить все зданіе. Наиболѣе острой была рѣчь Алексинскаго, рѣчь, съ критической точки зрѣнія очень хорошая.

Передъ моментомъ атаки съ крайней лѣвой Головинъ сдѣлалъ перерывъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выступленія Алексинскаго, прозваннаго „маленькимъ Аладьинымъ“.

Вотъ онъ на трибунѣ, маленькій, съ истощеннымъ лицомъ и синевой подъ глазами. Онъ охрипъ, его тонкій голосъ свиститъ; правые его ненавидятъ искреннею, мучительною ненавистью.

Его рѣчь продолжалась часъ и двадцать минутъ и прерывалась многочисленными криками, діалогами, апплодисментами.

Онъ подготовился за ночь — и пришелъ на кафедру съ цѣлымъ ворохомъ книгъ, брошюръ и бумагъ.

Министрамъ его рѣчь была, видимо, крайне непріятна, не смотря на то, что они усиленно пускаютъ черезъ рептильную прессу въ публику мнѣніе, что они считаются только съ кадедами. Его рѣчь не блистала ни эрудиціей, ни тонкими деталями дѣла, но она была хлесткой и, напечатанная для народа, она становится непріятной для министерства.

Съ ѣдкимъ остроуміемъ и ядовитѣйшимъ сарказмомъ онъ срывалъ пышноцвѣтные покровы, въ которые окуталъ свою рѣчь министръ финансовъ, и необычайно ярко и выпукло вырисовался тогда ея настоящій неприкрашенный смыслъ.

— Когда русскій министръ финансовъ—гремѣлъ его высокій, звонкій тенорокъ—прочелъ намъ изреченіе бельгійскаго министра финансовъ, я думалъ, что онъ вынетъ изъ кармана бельгійскую конституцію и прочтетъ намъ статьи этой конституціи, которая дѣлаетъ бельгійскій парламентъ въ области бюджетнаго права наиболѣе полномостнымъ изъ всѣхъ парламентовъ Запада. Я думалъ, что г. министръ прочтетъ статьи бельгійской конституціи, но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то я позволю себѣ сдѣлать это за него.

И онъ провелъ свою убійственную параллель обоихъ конституцій.

Когда онъ съ цифрами въ рукахъ говорилъ о нашей внѣшней и внутренней политикѣ, о дальневосточной авантурѣ и международномъ жандармѣ; о расходахъ на оборону и тюрьмы и аппетитахъ дворянъ-помѣщиковъ, „правая“ кипѣла на своихъ скамьяхъ, и понадобилось энергичное напоминаніе Головина о существованіи 38-й статьи, но въ самомъ концѣ рѣчи „правые“, наконецъ, не выдержали и, придравшись къ процитированному ораторомъ мнѣнію органа Лондонскихъ биржевикомъ «Экономиста», назвавшаго роспускъ первой Думы вѣроломнымъ актомъ съ точки зрѣнія данныхъ нашимъ правительствомъ при заключеніи займа обѣщаній, они прокричали объ оскорбленіи Величества и демонстративно оставили залъ...

XIV.

Польское коло блеснуло за эти дни хорошими интеллектуальными силами. Они логично и послѣдовательно доказали общую мысль, что бюджет теперешней Россіи находится въ противорѣчїи съ интересами народа, и когда будетъ проведена радикальная реформа строя, тогда и бюджетъ будетъ находиться въ соотвѣтствїи съ нимъ. Депутатъ Стецкій, какъ полякъ, не могъ не коснуться большого вопроса объ автономїи и подъ злое шипѣніе правыхъ онъ бросилъ гордо имъ:

— Нашъ народъ занимаетъ первое мѣсто и по своей культурѣ, и по своему прошлому, и по своей политической зрѣлости. Онъ не прекратитъ борьбы за свои національныя, гражданскія права, доколѣ не добьется свободнаго національнаго развитія. Общимъ лозунгомъ польскаго народа является автономія. Пока нашъ край не получитъ возможности въ собственномъ сеймѣ распоряжаться своими денежными средствами, мы будемъ бороться.

Министръ подхватилъ это заявленіе на лету и очень сообразительно сдѣлалъ изъ него аргументъ. Онъ чувствовалъ подъ собою уже твердую почву побѣдителя.

— Я не буду отвѣчать на призывъ къ вѣчной борьбѣ... Об автономїи и яко-бы угнетаемыхъ народностяхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Скажу лишь: русская государственность будетъ идти по тому пути, который ей завѣщанъ исторїей.

Правые громко выражаютъ одобреніе, и умиленный Пуришкевичъ замѣчаетъ:

— Это и есть слово министра русскаго правительства.

На подмогу Стецкому спѣшить уже Жуковский, человекъ большихъ знаній и специалистъ по финансовымъ вопросамъ. Онъ поднялъ перчатку, брошенную министромъ, и послѣ блестящей критики кредитовъ, ассигновокъ на желѣзнодорожное дѣло, перешелъ къ польскому вопросу въ связи съ бюджетомъ всего русскаго государства.

— Ваша политика,—воскликнулъ онъ, обращаясь къ министру,—это наше горе. Вы распространяли реакціонную политику вмѣстѣ съ государственнымъ капитализмомъ. Вы создавали кредитъ, независимый отъ народной воли. Вы достигали усиленія центральной власти путемъ низведенія къ нулю экономи-

ческой свободы общества. Теперь настали другія времена. Теперь,—голосъ оратора зазвучалъ какимъ-то пророчествомъ—и вы дойдете до убѣжденія, что централизація слишкомъ дорого обошлась и только децентрализаціей вы достигнете и истиннаго творчества и дѣйствительно здоровыхъ финансовъ.

Министръ снова поднялся на трибуну и снова постарался ослабить впечатлѣніе. Но впечатлѣнія его рѣчь не произвела, и даже правые не поддержали его.

Министры терпѣливо сидятъ и слушаютъ. Но ихъ терпѣнію наступаетъ конецъ, когда Родичевъ назвалъ министра „хорошимъ бухгалтеромъ, подающимъ блестящія надежды“.

Коковцевъ со злостью уходитъ и даже забываетъ свой портфель.

Я не стану описывать третьяго дня рѣчей: Капустина, читавшаго часовую лекцію по финансовому праву, гр. Бобринскаго, смѣшившаго палату, и Пуришкевича, говорившаго подъ непрерывный хохоть. Да и можно ли назвать рѣчью ту чепуху, что несъ Пуришкевичъ, этотъ горе-депутатъ, съ трибуны по бюджетному вопросу.

— Благодаря свободѣ печати, которая приняла характеръ разнузданности и требуетъ обузданія, а для обузданія необходимо...

Дружный взрывъ хохота, очевидно, сдерживаемаго съ самаго начала этой „рѣчи“, потрясаетъ залу при этихъ словахъ.

Ораторъ визгливо кричитъ:

— Вамъ не нравится?.. Да мало ли, что не нравится!.. Мнѣ не нравится многое, о чемъ вы говорите... Такъ я говорю, господа, и повторяю...

— Депутатъ Алексинскій говорилъ о томъ, что на тюрьмы тратится 5,2%, а на народное образованіе всего 2,8%. Но, господа, не пишите выборгскихъ воззваній!..

— Депутатъ Родичевъ говорилъ, что у крестьянъ выколачивается послѣдній скарбъ, послѣдній самоваръ луженый продается съ торговъ...

— А я вамъ скажу: не пишите выборгскихъ воззваній, не подговаривайте народъ уклоняться отъ платежей...

Тутъ же слѣдуетъ стихотвореніе и сказка о голомъ королѣ..

Бѣдные министры! Они давно уже сравнили Пуришкевича съ Церетелли и считаютъ его „опаснымъ человѣкомъ“. Вѣроятно, и Пуришкевичъ это знаетъ; онъ говоритъ въ своей

рѣчи по адресу министровъ: „я противникъ и этихъ господъ. Они вѣдь конституціоналисты, а я стою за самодержавную монархію“.

— Нѣчто въ родѣ торжества побѣдителя, сегодняшнее за-сѣданіе,—сказаль Кузьминъ-Караваевъ, выходя послѣ голосо-ванія изъ зала засѣданія—министръ финансовъ одержаль по-бѣду—и такъ легко!

— Рента завтра же поднимется—говорить другой.

— Дума гарантирована на цѣлый мѣсяць существованія—говорить третій.

И по оживленію, которое царить среди всѣхъ видно, какъ вся палата вздохнула съ облегченіемъ по поводу того, что конфликтъ миноваль. А его сильно побаивались въ бюджет-номъ вопросѣ! Еслибы трудовики голосовали вмѣстѣ съ крайними лѣвыми и отклонили бюджетъ безъ передачи въ комиссію, то сегодня Дума покончила-бы свое существо-ваніе.

Любопытенъ былъ одинъ ораторъ—татаринъ, изъ учителей медресе въ чалмѣ и бурнусѣ. Онъ произнесъ цѣлую рѣчь про-тивъ бюджета и предложилъ его отвергнуть.

— Что наши права—говорилъ онъ—ничего... вотъ наши права. Что намъ вотъ этотъ министръ предложилъ? Ничего не предложилъ. Наслѣдство какое-то намъ оставлялъ. А опись гдѣ? О, она въ росписи! Посмотримъ опись: что въ ней сказано? Сказано-ли о нашихъ правахъ? Нѣтъ. Это не опись, это духовное завѣщаніе, оставленное намъ старымъ режимомъ, безнадежно больнымъ, чтобы мы дали ему денегъ на лекарство.

И онъ неожиданно закончилъ:

— Пока нашихъ правъ не расширять, мы не должны утверждать этотъ бюджетъ и не допускать заемъ.

Всѣ раскрыли глаза. Этого оратора всѣ считали довольно умѣ-реннымъ человѣкомъ, и вдругъ такое предложеніе!

Когда Крушеванъ въ своей длинной рѣчи началъ перечи-слать то, что для Россіи необходимо, я вспомнилъ его про-жекты, когда онъ издаваль „Бессарабца“. Это была какая-то политическая пестрядь, насчетъ народнаго невѣжества, пьянства, безработицы, голода, необезпеченности, производив-

шая странное впечатлѣніе въ такой трепетный моментъ... Были и предложенія насчетъ сокращенія займовъ, уменьшенія пьянства, государственнаго страхованія, но рядомъ съ этимъ шло предложеніе о пріютахъ-ясляхъ, объ изданіи народной газеты, сборниковъ, справочныхъ листковъ и конторъ. Когда онъ заговорилъ о государственной газетѣ, всѣ засмѣялись, представивъ себѣ, очевидно, Крушевана редакторомъ. Онъ напомнилъ о своихъ литературныхъ заслугахъ, объ изданіи имъ сборника „Бессарабія“ и рекомендовалъ Думѣ издать въ каждой губерніи такой же сборникъ.

Одинъ крестьянинъ послѣ его рѣчи говорить въ кулуарахъ: „нехай всѣ крестьяне узнають, что онъ предлагаетъ для насъ: ясли да газету“.

Говорили еще многіе, но вопросъ уже не освѣщался, а отплялся.

Было много криковъ въ рѣчи Крупенскаго, злобно сравнивашаго Думу съ избушкой на курьихъ ножкахъ.

Коковцевъ нетерпѣливо справлялся, много-ли ораторовъ и, наконецъ, онъ получилъ возможность говорить. Тутъ-то ему и улыбнулась легкая побѣда!

Онъ говорилъ о принятіи бюджета и передачѣ его въ комиссію въ то время, когда Дума рѣшила про себя этотъ вопросъ. За эту резолюцію было уже большинство противъ эсдеговъ и эсэровъ.

Министръ говорилъ легко, словно чѣмъ-то окрыленный. Онъ даже не особенно критиковалъ своихъ противниковъ, сдѣлалъ комплиментъ кадетамъ и особенно Николаю Николаевичу (Кутлеру) за ихъ государственное пониманіе. Съ крушевновскими проэктами онъ обошелся довольно немилостиво: высмѣивалъ ихъ, и кстати рассказалъ Думѣ о юношескихъ годахъ когда онъ, министръ, слушалъ лекціи и изучалъ экономиста Бастіа, гдѣ тотъ говорить о тяжести быть министромъ финансовъ.

— Критиковать легко — сентенціозно заявилъ онъ, — а работать трудно. Вотъ, поработайте, господа, въ бюджетной комиссіи. Эта работа по достоинству высокаго учрежденія.

Министръ кончилъ, и вопросъ баллотировался. Конечно, побѣдилъ министръ. Трудовики дали перевѣсъ центру надъ крайними лѣвыми.

— О, я теперь спокоенъ за Думу на нѣкоторое время, — говорить Милюковъ.

Изъ залы высыпають всѣ лидеры Народной свободы: Кутлеръ, Булгаковъ, Федоровъ, Струве, Маклаковъ. Всѣ жмутъ другъ другу руки.

Головинъ, усталый и осунувшійся, идетъ къ себѣ въ кабинетъ и его по дорогѣ перехватываютъ журналисты.

— Правда-ли, что вы скоро будете представляться въ Царскомъ?

— О, господа, я этого не знаю теперь... Я предполагаю это сдѣлать, но не скоро еще...

Къ Головину медленно подходит ходокъ „съ Волыни“ и протягиваетъ ему свою руку. Головинъ элегантно трясетъ ее. Очевидно, и у насъ прививаются американскіе обычаи...

XV.

„Кого Богъ захочетъ наказать, у того отниметъ прежде всего разумъ“.

Въ своемъ безудержно-страстномъ желаніи сорвать ненавистную Думу, наша крайняя „правая“ блестяще доказала справедливость этой поговорки, выкинувъ сегодня свое знаменитое колѣнце по возбужденному ею вопросу съ осужденіи террора слѣва.

Вѣдь можно же было взять хотя бы правильный парламентскій путь для осуществленія предложенія почтить вставаніемъ память убитыхъ наканунѣ въ Москвѣ городскихъ! Такъ нѣтъ же!

Пуришкевичъ въ самомъ началѣ засѣданія заявилъ о своемъ желаніи получить слово „къ порядку дня“ и, конечно, получилъ его... И бысть „порядокъ“.

— ...И еще память всѣхъ тѣхъ убитыхъ дѣятелей...

Онъ не договорилъ, прерванный председателемъ.

— Винавать, вы просили слово къ порядку дня...

— Я говорю о „порядкѣ дня“—какъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, но пытающійся выйти сухимъ изъ воды „заговариваніемъ зубовъ“ и крикливой дерзостью ошеломить своихъ преслѣдователей, сразу неестественно подымаетъ голосъ Пуришкевичъ и тутъ же, очевидно, потерявъ голову, вопить.

— Это русская Государственная Дума! Я предлагаю почтить вставаніемъ русскихъ подданныхъ, погибшихъ отъ руки убійцъ! Это русская Государственная Дума!

— Я васъ лишаю слова—твердо отчеканиваетъ Головинъ.

— Это русская Государственная Дума!

— Предложеніе почтить память кого-либо вставаніемъ къ порядку дня не относится. По вопросу о порядкѣ дня нельзя говорить о предложеніи—сдержанно и наставительно объясняетъ предсѣдатель.

— Родичевъ тоже говорилъ о порядкѣ дня, когда дѣлалъ свое предложеніе.

— Родичевъ меня предупредилъ, о чемъ онъ будетъ говорить!

— Родичевъ вашъ!

Среди подняшагося въ залѣ невообразимаго шума слышно, какъ все еще сдерживающійся Головинъ дѣлаетъ „оратору“ замѣчаніе, а Пуришкевичъ съ дикимъ, искажившимся отъ злобы лицомъ задыхаясь выкрикиваетъ ругательства.

— На основаніи 38 статьи учрежденія Государственной Думы—громкимъ, покрывающимъ шумъ, нѣсколько торжественно звучащимъ голосомъ говоритъ Головинъ—ставлю на баллотировку предложеніе—на нынѣшнее засѣданіе члена Думы Пуришкевича удалить изъ залы засѣданія.

Среди наступившей внезапно тишины, вызванной, очевидно, новизной дисциплинарной мѣры, предложенной предсѣдателемъ впервые за время существованія русскаго парламента, депутаты голосуютъ.

Встаютъ всего нѣсколько „правыхъ“, остальные всѣ сидятъ.

Пуришкевичъ раздражается новымъ потокомъ брани и, очевидно, медлитъ, но замѣтивъ выразительный жестъ Головина думскому приставу по направленію къ себѣ, хватаетъ свой портфель, истоиво крестится, сжимаетъ кулаки и, потрясая ими по адресу депутатовъ, какъ бомба съ крикомъ бросается вонъ изъ залы.

Настаетъ очередь Крупенскаго.

Съ крикомъ: „позоръ, позоръ Россіи, исключайте, голосуйте, мы уходимъ!“ онъ дѣлаетъ знакъ по направленію правыхъ скамьей и вылетаетъ стремглавъ вслѣдъ за Пуришкевичемъ. „Мы“ —это звучитъ гордо, но за нимъ идетъ изъ залы лишь толстый коренастый Балло и еще два три.

Представленіе окончено. Занавѣсъ опускается.

Когда Пуришкевичъ среди шума и криковъ всего зала ухѣдилъ въ дверь, ему въ слѣдъ неслись единодушные крики: „скандалистъ, провокаторъ!“

Никто не могъ понять, что значить вся эта сверхъ-обычная выходка, до такой степени она вышла нелѣпой, несуразной.

Разскажу вамъ, что было въ кулуарахъ.

Какъ только Пуришкевичъ вышелъ изъ зала, онъ далъ волю своимъ чувствамъ. Не взирая на присутствіе думскихъ стенографовъ и нѣкоторыхъ журналистовъ, онъ грозилъ кулакомъ и бѣшено кричалъ:

— Это жидовская Дума! Это не русская Дума... Я имъ покажу... Я поѣду, я покажу крамольникамъ!.

Даже Крупенскій, разыгравшій вторую нелѣпую роль въ этомъ инцидентѣ своимъ уходомъ и обратнымъ приходомъ, даже онъ сдерживалъ Пуришкевича, говоря ему: „да не кричите такъ, Владиміръ Митрофановичъ... Напишемъ лучше протетъ“...

Балло рычалъ, угрожая кулакомъ: „Вотъ за что выгоняютъ депутата изъ русской Думы!

Первая партія ушла въ свою совѣщательную комнату...

Выходитъ вторая: Бобринскій, епископъ Евлогій, Стенбокъ-Ферморъ, Варунъ-Секретъ... Они очень неодобрительно отзываются о виновникѣ всей кутерьмы.

— О, онъ такой пѣтушокъ—говорить, посасывая свою трубочку графъ Бобринскій—всегда впередъ выскочить... Мы, его товарищи, даже понятія не имѣли обо всей этой исторіи. Ее надо было обставить иначе, и сообща дѣйствовать“.

Мнѣ почему-то казалось, что почтенный графъ, который также нерѣдко готовъ ринуться въ бой, золь на Пуришкевича за его выступлёніе. Такъ сказать, хорошую тему у него предвосхитилъ. Правые, которые считаютъ себя какъ-бы дѣйствующими на театрѣ военныхъ дѣйствій, горятъ каждый отдѣльно желаніемъ отличиться какъ-нибудь и заслужить одобрёніе „круговъ“. Пуришкевичъ и выскочилъ, не предупредивъ товарищей—и послѣдніе его поэтому не поддерживаютъ.

Епископъ Евлогій, которому также, вѣроятно, претитъ скандалъ, тоже неодобрительно отнесся къ Пуришкевичу.

— Надо не своевольничать—сентенціозно сказалъ онъ—надо умѣть сдерживать себя. Мы являемъ примѣръ подчиненія, а не своеволія.

Остальные правые неприятно морщились и замѣчали:

— Неприятно, очень неприятно все это.

Надо сказать еще о поведеніи Головина. Онъ вызвалъ самое искреннее сочувствіе всѣхъ партій. У него явился и голосъ, и

рѣзкость, и горячность. Вся процедура продолжалась очень не долго и не было никакой суматохи. Головинъ твердо велъ за-сѣданіе и находчиво два раза дѣлалъ свои предсѣдательскія замѣчанія.

Онъ напоминалъ собою не оскорбленнаго предсѣдателя, а человѣка, всѣми силами защищавшаго авторитетъ Думы. Во второй разъ во время большихъ инцидентовъ онъ обнаруживаетъ себя, какъ умѣлый руководитель,—и этотъ день поднялъ его авторитетность въ Думѣ.

Правые написали протестъ и передали его Головину для оглашенія, но онъ очень вѣско заявилъ: „мнѣ передано заявленіе 32 членовъ Думы съ замѣчаніями, относящимися ко мнѣ. Такъ какъ никто предсѣдателю дѣлать замѣчаній не вправѣ, то я оглашать заявленія не буду“. Дума устроила ему форменную овацію. Апплодисменты долго гремѣли. Лѣвые были очень довольны рѣшительностью Головина.

Пренія по существу шли по аграрному вопросу. Выступали лѣвые и правые. Тянули вопросъ то въ сторону націонализаціи всей земли, то въ сторону неприкосновенности собственности. И отъ этого столкновенія мнѣній истина, вопреки пословицѣ, не рождалась. Вопросъ стоялъ все еще тамъ, гдѣ начала его еще первая Дума.

Раздаются голоса, что пора уже прекратить рѣчи и приняться за выработку законопроекта въ самой комиссіи. Идутъ справедливыя указанія на усталость и народныя ожиданія. Надо дать хоть что-либо реальное трудовому и безземельному крестьянству, надо перейти хоть къ какой-либо стадіи *законодательства*... А то всѣ рѣчи были посвящены вопросу „о паправленіи дѣла“, а человѣческая натура требуетъ уже чего-нибудь осязаемаго. Уже и ходки стали чаще навѣдываться, и письма изъ деревни настойчивѣе, и все чаще и чаще вопросъ въ нихъ ставится: „какъ-же Дума порѣшила насчетъ земли?“

Только что прекратились засѣданія объединеннаго союза дворянъ, принявъ какое-то твердое, но тайное рѣшеніе. Не трудно догадаться, что оно касается роспуска Думы, какъ только послѣдняя выйдетъ изъ рамокъ законопроекта правыхъ по аграрному вопросу. Мнѣ говорили люди, хорошо искушенные въ политикѣ нашихъ правящихъ круговъ, что самый опасный врагъ

для Думы это — именно объединенное дворянство, которое имѣетъ вліяніе на судьбу государства, а теперь и совсѣмъ „забрало силу“.

Въ думскихъ сферахъ это ожиданіе удара изъ темноты произвело уже свое дѣйствіе и депутаты готовы ко всему.

Мы говорили о сѣздѣ дворянъ, только что закончившемся, и выясняли его значеніе для Думы.

Вотъ какія мысли были высказаны нѣкоторыми лидерами фракціи.

Развѣ это сѣздъ дворянъ? Это сѣздъ реакціи, почувствовавшей, что ея чередъ дѣйствовать наступилъ.

Гг. члены сѣзда обезпокоились, какъ-бы правительство, которое они считаютъ слишкомъ либеральнымъ, не поддалось Думѣ и не сдѣлало нѣкоторыхъ уступокъ въ иныхъ законодательныхъ вопросахъ.

Ихъ испугали даже одни слова министра „о законмѣрности дѣйствій“ министерства и о его желаніи работать для блага народнаго совмѣстно съ Думой. Господа члены сѣзда забыли, что пока это лишь слова...

Объединенныя дворянскія общества послали на сѣздъ, начавшій засѣдать 27-го марта, около ста представителей: среди нихъ находятся: Самаринъ, Павловъ, князь Касаткинъ-Ростовскій, Нейдгардъ и прочіе представители такъ называемаго „трудового“ дворянства.

Объ аграрномъ вопросѣ они теперь даже не говорили: въ этомъ направленіи они считаютъ себя обеспеченными. Всѣ эти представители крупнаго землевладѣнія, насчитывающіе у себя десятки и сотни тысячъ десятинъ земли и слышать не хотятъ о какой-либо реформѣ: они предлагаютъ либо переселеніе въ Среднюю Азію, либо прикупку черезъ крестьянскій банкъ земли по тѣмъ вздутымъ цѣнамъ, которыя стоятъ теперь на землю. Но отличительное свойство ихъ не только въ аграрномъ вопросѣ. Подобно тому, какъ крестьянство понимаетъ, что земли безъ воли ни добиться, ни удержать нельзя, такъ и дворяне сознаютъ, что если будутъ произведены нѣкоторыя существенныя реформы, то подъ новымъ напоромъ требованій снизу они рано или поздно должны будутъ уступить. Какъ люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть, всѣ эти крупные помѣщики дѣлаютъ самыя настойчивыя указанія на то, что нѣкоторые законопроэкт-

ты министерства слишком либеральны. Для примѣра взять внесенный правительствомъ въ Думу законопроектъ о мѣстномъ самоуправленіи. Этотъ законопроектъ, который Дума не можетъ ни въ коемъ случаѣ признать удовлетворительнымъ для народа, члены съѣзда считаютъ слишкомъ крайнимъ. Проектъ безсословной волости, по ихъ мнѣнію, отдастъ деревню въ руки „враговъ отечества“ и лишаетъ помѣщиковъ того вліянія и власти, которыми они теперь обладаютъ въ земскомъ дѣлѣ. По тому безпокойству, которое они обнаружили на съѣздѣ, видно, что они не желаютъ поступиться ни одной крупницей своихъ привиллегій.

Члены съѣзда немедленно-же выработали рядъ „требованій“ къ правительству, которыя оно должно принять во вниманіе и внести въ видѣ поправокъ къ своему законопроекту.

Затѣмъ, поставленъ былъ на очередь вопросъ объ усиленіи на мѣстахъ охраны помѣщичьихъ усадебъ и земель за счетъ казны. Помѣщики предлагаютъ правительству поставить чуть-ли не всякую деревню на военномъ положеніи. Ихъ проектъ предвидитъ усовершенствованное вооруженіе конной и пѣшей сельской стражи, наборъ изъ запасныхъ солдатъ другихъ мѣстностей, увеличенную плату. Словомъ, народная милиція навыворотъ, для охраны помѣщиковъ.

За охраной слѣдуетъ проектъ объ усиленіи наказаній по аграрнымъ дѣламъ и о передачѣ въ исключительные суды разбирательства по этимъ дѣламъ. Словомъ, вся старая система должна съ новою силою воскреснуть съ цѣлью охранить дворянскую собственность.

XVI.

Прошелъ уже мѣсяцъ жизни Думы—и она приступила, наконецъ, къ огромному, тяжелому, какъ сама земля, аграрному вопросу.

Ни въ одномъ другомъ вопросѣ противорѣчія русской жизни не вырисовываются съ такою яркостью, какъ въ этомъ большомъ вопросѣ русскаго народа. Изъ за него была разогнана первая Дума, и если вторая Дума найдетъ свою участь, то опять таки надо это будетъ приписать ему.

Стоило только открыться дебатамъ, какъ въ листъ ораторовъ записалось болѣе ста депутатовъ, и съ всероссійской трибуны будетъ теперь неумолимо раздаваться молящій о спасеніи голосъ: „земли, земли“—точно голосъ людей, потерпѣвшихъ крушеніе въ безбрежномъ океанѣ.

Въ первые же дни пришлось услышать изъ устъ крестьянскаго депутата Захарова слова, которыя можно было бы поставить эпиграфомъ по всѣмъ рѣчамъ, раздавшимся въ Думѣ.

Онъ разсказалъ, какимъ путемъ крестьяне дошли до рѣшенія издать законъ о бесплатномъ переходѣ всѣхъ земель въ уравнительное пользованіе народа. Приведу это незатѣйливое но правильное разсужденіе.

Крестьяне разсуждали такъ.

Сначала русское государство было маленькимъ; потомъ оно стало расширяться и стало огромнѣйшимъ государствомъ на свѣтѣ. Не легко досталось это народу. Велись ожесточенныя войны за землю съ сосѣдями. Въ теченіи тысячелѣтней исторіи русскій народъ въ борьбу за землю пожертвовалъ милліонами своихъ сыновъ.

Чьи были это жизни?

Эти милліоны жизней были преимущественно крестьянскія, потому что солдатская служба до послѣдняго времени всею тяжестью ложилась на крестьянское сословіе. И крестьянство съ гордостью можетъ сказать, что оно несетъ эту кровавую повинность съ честью и безкорыстно. Русскій мужикъ умиралъ и завоевывалъ землю.

Но за всю свою службу онъ ничего не получалъ. Во всякую войну десятки тысячъ клали свою жизнь, еще больше ихъ возвращалось домой ранеными, искалѣченными и неспособными къ труду. Такимъ образомъ, народъ купилъ землю за самую дорогую цѣну на свѣтѣ. Онъ заплатилъ за нее милліонами жизней и рѣками крови.

Казалось бы, кому, какъ не этимъ завоевателямъ и защитникамъ земли, надо бы отдать добытую ими землю? Но нѣтъ, они ея не получили. Тѣ, которые своей жизнью заплатили за землю—они получили ровно столько, сколько понадобилось для ихъ братской могилы. А тѣ, которые вернулись живыми—они получили землю—это вѣрно, но на какихъ условіяхъ? Они заплатили за нее не только страданіями и своей кровью, но и деньгами, да

и не малыми. А сколько получили земли? А столько, что въ средній годъ они получаютъ съ надѣла меньше казеннаго пайка, а при неурожаяхъ, какъ нынѣ во многихъ губерніяхъ, они совсѣмъ голодаютъ, пухнуть и мрутъ. Затѣмъ у павшихъ на полѣ брани солдатъ оставались дома жены, вдовы и дѣти-сироты. Это—прямые наслѣдники. Кому, какъ не этимъ наслѣдникамъ слѣдовало бы отдать землю? Но и они получили ея столько же и тоже не даромъ.

Мы всегда видѣли и теперь видимъ, какъ изувѣченные на войнѣ солдаты, солдатскія вдовы и ихъ дѣти-сироты ходятъ отъ окна къ окну и, протягивая руку, обращаются къ милосердію ближняго: „подайте, Христа ради, кусочекъ хлѣба“. Справедливо ли это? Нѣтъ, глубоко не справедливо. Кому же отдавались добытая такими тяжкими, неисчислимыми жертвами крестьянъ земля? Эта земля раздавалась, дарилась исключительно только одному сословію—дворянству. Такимъ образомъ дворянство получило землю совершенно бесплатно. Но одной земли дворянству показалось мало, оно стало добиваться того, чтобы и самъ создатель и защитникъ русской земли—крестьянинъ, былъ отданъ ему, дворянству.

И это желаніе дворянства исполнилось.

Крестьяне стали рабами дворянъ, крестьяне стали рабочей скотиной, стали вещью, которую можно было купить, продать, промѣнять на собакъ и проиграть въ карты.

Какое ужасное время пережилъ русскій народъ! Онъ перенесъ татарскую неволю, онъ перестрадалъ крѣпостное право, но страданія его еще не кончились, онъ все еще продолжаетъ страдать и жить въ ужасныхъ условіяхъ, потому что свободнымъ онъ названъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ народъ остался рабомъ безправнымъ, темнымъ, забитымъ, въ конецъ разореннымъ.

Положеніе народа невыносимое. Онъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра будетъ сытъ: онъ не можетъ быть увѣренъ даже въ томъ, что завтра будетъ живъ. Не даромъ же русскій народъ создалъ такое печальное изреченіе: „отъ сумы да отъ тюрьмы никто не зарекайся“. Надъ русскимъ человѣкомъ ежеминутно виситъ страшная опасность остаться нищимъ, голоднымъ и быть брошеннымъ въ тюрьму. Это царство произвола и привело народъ къ полному разоренію и беззащитности. Народъ разоренъ до такой степени,

что никакая плата за землю ему не по силамъ. Онъ дошелъ до того, что родители продаютъ своихъ дѣтей, чтобы самимъ не умереть отъ голода.

Не странно ли, что народъ, создавшій великое русское государство съ плодороднѣйшей землей, продающій за-границу сотни тысячъ миллионъ пудовъ хлѣба, самъ голодаетъ, самъ умираетъ отъ голода? Отчего это?

Отвѣтъ ясенъ. У крестьянъ нѣтъ земли. У крестьянъ нѣтъ правъ. Народу нужна земля, нужны права, права человѣка, права гражданина. Народъ долго терпѣлъ и ждалъ, но всякому терпѣнію приходитъ конецъ. Этотъ конецъ наступилъ. Позорнѣйшая русско-японская война, нагайка, штыки и голодъ пробудили сознание русскаго народа и онъ сталъ искать выхода изъ своего ужаснаго положенія. Народъ требуетъ земли, народъ требуетъ воли! Народъ протягиваетъ руки къ землѣ и говорить: „отдайте мнѣ мою землю“.

Какъ и въ первой Думѣ по аграрному вопросу говорили три большихъ категорій ораторовъ.

Говорили беззащитные аграріи, отстаивали священную и неприкосновенную собственность на свою землю. Первый ораторъ кн. Святополкъ-Мирскій заявлялъ, что не въ интересахъ самого крестьянства, какъ самобытнаго и оригинальнаго класса, стремиться къ увеличенію площади своего землевладѣнія, что надо всѣми силами стремиться къ уничтоженію общины, что земельная реформа должна заключаться въ переходѣ отъ первобытной некультурной земельной общины къ прогрессивной индивидуальной земельной собственности—и прежде всего надо остановиться на пути расселенія крестьянъ. Да и эта реформа должна быть совершена подъ руководствомъ и при содѣйствіи помѣщиковъ или частныхъ владѣльцевъ, этихъ единственныхъ во всякой странѣ съ крестьянской земельной общиной представителей культурной земельной собственности, носителей идей земледѣльческаго прогресса, духа инициативы и хозяйственной самостоятельности.

Главная социальная ошибка нашей русской исторіи—по его словамъ—это то, что освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не предшествовало ихъ расселеніе. Крестьянамъ дарована была номинальная свобода безъ фундамента всѣхъ свободъ, свободы труда, свободы, на каждомъ шагу попираемой у насъ общиннымъ устройствомъ, этимъ величайшимъ гнетомъ изъ

всѣхъ существующихъ гнетовъ. Если славящимъ и всегда славившимся своей трудоспособностью, настойчивостью и энергіей англичанамъ и нѣмцамъ въ сложной земельной реформѣ понадобилось руководство ихъ помѣщиковъ, и безъ него они никакъ не могли выбиться на путь прогресса, то что сказать о нашихъ крестьянахъ, менѣе настойчивыхъ и менѣе предприимчивыхъ, можетъ быть, отчасти потому, что они поставлены, въ худшія климатическія условія. Предстоящая реформа или вѣрнѣе разселеніе, дѣло очень щекотливое, требующее крайней осторожности и осмотрительности.

Помѣщики—это добрые пастыри всего крестьянскаго стада!

Въ его рѣчи выкристаллизовалось все міровоззрѣніе землевладѣльцевъ, подкрѣпленное аргументами изъ страны безпощадной исключительной собственности—Англии—и къ этой рѣчи возвращались ораторы народническихъ фракцій.

Какъ ярко было въ глаза противорѣчіе интересовъ представителей небольшой кучки помѣщиковъ и многомилліоннаго крестьянства! На трибунѣ смѣнялись одинъ за другимъ представители: Украйны, казачества, Поволжья, центра, Сибири, дальняго Сѣвера, и всѣ они бросали правымъ, этимъ дурнымъ пастырямъ, назадъ ихъ аргументы, основанные на лжи однихъ и заблужденіи другихъ.

Что сдѣлали для крестьянъ эти пастыри? На это былъ данъ отвѣтъ крестьянскимъ депутатомъ.

„Очень много, но лучше было бы, если бы они ничего не сдѣлали. Они разорили все наше крестьянство, они берутъ отъ насъ все и даютъ намъ только горе, нищету, нужду и болѣе ничего. Эти самые пастыри довели всю нашу родину до полного разоренія, довели наше отечество и крестьянство до гибели, и теперь въ то же время продолжаютъ говорить одно и то же, что мы не можемъ предоставить стадо самому себѣ. Я еще разъ повторяю, что наши крестьяне теперь уже не стадо, что наши крестьяне сознаютъ себя людьми. Я думаю, что депутатъ кн. Святополкъ-Мирскій говорилъ не для насъ, не для представителей крестьянства, а исключительно для тѣхъ помѣщиковъ, которые послали его сюда. Онъ давалъ имъ отчетъ и употребилъ всю научную эрудицію для того, чтобы показать, что крупное землевладѣніе гораздо лучше, нежели мелкое землевладѣніе. Что можно отвѣтить на это отъ имени крестьянъ депутату кн. Святополкъ-Мирскому? Я думаю, отвѣтъ можетъ быть только

одинъ. Какъ ни печально, но мы знаемъ, и я вполне понимаю, что кн. Святополкъ-Мирскій и тѣ люди, которые находятся вмѣстѣ съ нимъ, должны защищать свои интересы, но они должны предоставить свободу мнѣній, свободу защиты и другой сторонѣ. Они не должны относиться къ нашему невѣжеству, къ нашей темнотѣ съ тѣмъ презрѣніемъ, я скажу, съ тѣмъ высокоумнымъ презрѣніемъ, съ какимъ они относятся. Какъ ни печально, но я знаю, что эти люди, которые являются защитниками крѣпостническаго помѣщичьяго землевладѣнія, находятъ людей, которые съ большой энергіей становятся въ защиту ихъ перомъ и словомъ. Мнѣ думается, какъ русскому крестьянину, какъ русскому гражданину, не такими должны быть пастыри, о которыхъ говорилъ кн. Святополкъ-Мирскій; нужны другіе пастыри для нашего отечества*.

Въ немногихъ аргументированныхъ рѣчахъ правые нападали на общину, видя въ ней вслѣдъ за правительствомъ революціонное бродило, которое такъ страшно нашимъ аграріямъ.

Правые зывали къ спасенію отъ этого института, который сохранился благодаря заблужденію стараго режима.

Депутатъ Сагателянъ лѣвый больше другихъ остановился на роли общины.

„Самодержавіе—доказывалъ онъ— въ теченіе долгаго времени думало, что русское крестьянство нѣчто аналогичное съ китайцами, что это населеніе съ застывшимъ міровоззрѣніемъ. Для сохраненія этого міровоззрѣнія лучшимъ средствомъ она считала общинное землевладѣніе, мѣшающее возникновенію классовъ среди крестьянскаго населенія и накопленію богатствъ въ однѣхъ рукахъ, стало быть, возможности для нѣкоторыхъ получить просвѣщеніе и усваивать европейскія идеи. Тогда боялись только политическаго движенія, ссціального движенія не боялись, ограждали себя только отъ политическихъ, тѣхъ политическихъ движеній, противъ которыхъ Имперія боролась въ теченіе 100 лѣтъ борьбой, которую министръ Коковцевъ называлъ защитой Европы, когда войска Имперіи ходили въ Испанію подавлять освободительное движеніе, въ Италію, во Францію. Это-то онъ зывалъ защитой Европы. Къ прискорбію нужно замѣтить, что развивая широкую теорію націонализаціи земли не особенно подчеркиваютъ живой уцѣлѣвшій институтъ, на основаніи котораго можно только двигаться впередъ. Гуманисты и представители науки развертываютъ безусловно заманчивую теорію,

которой навѣрное когда либо суждено осуществиться. Но какъ? Черезъ тотъ жестокий процессъ, которому подверглась Европа, т. е. сначала разрушеніе мелкаго хозяйства, концентрація собственности въ однѣхъ рукахъ, потомъ новый длинный періодъ борьбы, борьбы отчаянной, а можетъ быть кровопролитной, съ тѣмъ, чтобы возстановить экономическое равенство въ государствѣ. Отъ всѣхъ этихъ ужасовъ ограждаетъ община и даетъ теперь же въ этотъ великій историческій моментъ новую эру, указываетъ на это остальной Европѣ. Я подчеркиваю этотъ институтъ: немногіе останавливались на немъ. Я думаю, что ему угрожаетъ опасность и опасность не только со стороны правительства“.

Представитель социалистовъ революціонеровъ Успенскій въ своей рѣчи также отмѣтилъ тотъ фактъ успѣшности съ какою правительство въ междудумное время обрушилось на общинное землевладѣніе. Допустимъ, что можно было бы объяснить успѣшность изданія другихъ законовъ, но къ чему такая успѣшность относительно закона объ общинѣ? Неужели нельзя было отложить это до другой Думы? Развѣ измѣнились бы отъ этого экономическія отношенія? Но правительство, какъ болѣе заинтересованное, чужая опасность, успѣшило начать разрушеніе съ института, который угрожаетъ, съ его точки зрѣнія, безграничными опасностями. Община даетъ милліоны. Изъ всего населенія центральныхъ губерній 70 процентовъ общинниковъ, остальная часть на половину общинники, а другіе только недавно перешли къ подворному владѣнію. Значитъ почти 70 процентовъ составляютъ массу, которой несвойственно понятіе собственности на землю, которая практически и естественно заинтересована только въ расширеніи площади земли.

Вторая категорія ораторовъ, представители народной свободы, въ своихъ программныхъ рѣчахъ не прочь удѣлить нѣсколько кусковъ съ богатаго стола бѣдному Лазарю-мужику. Представитель партіи, Кутлеръ заявилъ, что юридическое оправданіе перехода всей земли въ руки народа—туманно, какъ будто юридическое оправданіе частной собственности на землю уже такъ ясно!

Онъ доказывалъ, что надѣленіе землею каждого жалающаго—неосуществимая мечта; если распредѣлить всю землю по нормѣ 61 года, то не хватитъ земли до тридцати милліоновъ десятинъ, а если распредѣлить ее по трудовой нормѣ, то не хватитъ 90 милліоновъ. Поэтому нужно держаться реальной политики и на-

дѣлать крестьянъ постольку, поскольку это окажется возможнымъ — и поставить себѣ цѣлью отчужденіе у землевладѣльцевъ части земли по справедливой оцѣнкѣ. Вся суть заключается въ томъ, что онъ, Кутлеръ, *не можетъ* себѣ представить въ будущемъ тѣхъ политическихъ условий, при которыхъ этотъ законъ могъ бы дѣйствительно быть осуществленъ.

Развѣ это не аргументъ? Вѣдь очень часто люди измѣряютъ событія масштабомъ собственнаго міросозерцанія...

Онъ поэтому взывалъ къ благоразумію трудовиковъ, проэктъ которыхъ онъ разбиралъ и указывалъ на то, что въ высокой степени неосновательно и несправедливо осложнять простую и безспорно полезную задачу помощи крестьянскому населенію.

— Неужели это дѣло, говорилъ онъ, само по себѣ взятое, недостаточно велико, чтобы къ нему не подходить просто, чтобы придумывать какія то особыя теоретическія, туманныя оправданія? Достаточно припомнить, господа, что крестьянское и земледѣльческое населеніе составляетъ громадную преобладающую долю населенія въ Европейской Россіи и во всей Имперіи; достаточно припомнить то тяжелое положеніе этого населенія, которое граничитъ съ отчаяніемъ; достаточно припомнить, что, быть можетъ, насталъ послѣдній моментъ, когда возможно помочь крестьянамъ, что черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, будетъ уже поздно это сдѣлать; достаточно все это припомнить, чтобы сказать: будемъ просто требовать одного — помогать крестьянамъ въ ихъ малоземельѣ, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными реформами, которыя могутъ затруднить эту реформу, сдѣлать ее химеричной или фантастичной. Я думаю, господа, что это усложненіе дѣла въ извѣстной степени подрываетъ даже вѣру въ необходимость помощи крестьянскому малоземелью. Если это само по себѣ недостаточно важно, если нужно еще что то другое, то вѣдь вы этимъ сами заставляете сомнѣваться въ цѣлесообразности означенной помощи или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ способовъ, которые вы указываете. Искренно сочувствуя этому дѣлу, я полагаю, что нужно отрѣшиться отъ этихъ сомнѣній, что нужно на дѣло посмотреть какъ можно проще и какъ можно проще къ нему подойти. Только этимъ пріемомъ вы можете достигнуть великой цѣли, только этотъ пріемъ гарантируетъ какіе-либо результаты. Такъ именно смотреть на это дѣло партія, къ которой я имѣю честь принадлежать, партія народной свободы“.

Трудовики и народные социалисты защищали идею национализации земли, проведенную в их законопроектъ. Караваяевъ и Волкъ-Карачевскій отъ лица своихъ фракцій защищали это начало, какъ единственное основаніе всей земельной реформы.

Несомнѣнно, что острота вопроса ведетъ къ скорѣйшему его разрѣшенію. Принципъ „вся земля должна перейти въ руки трудящихся“—распространяется все шире и шире, укореняется въ сознаніи все глубже и глубже. Если бы Государственная Дума существовала два—три года тому назадъ, этотъ принципъ, провозглашенный здѣсь, встрѣтилъ бы, несомнѣнно, страшное противодѣйствіе. Но время идетъ, идетъ быстро, и вотъ теперь, мы слышимъ другія рѣчи. Даже съ правой стороны, отъ одного изъ ея представителей—Синадино, мы слышали слова: „господа, развѣ я несогласенъ, что неумолимый ходъ исторіи передать эти благоустроенныя поля и экономіи въ руки тѣхъ же самыхъ крестьянъ. Конечно, Земля, въ концѣ концовъ, перейдетъ къ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своимъ собственнымъ трудомъ. Это, господа, простая истина, это—вещь, о которой не стоитъ и говорить, настолько она проста и понятна“.

— Да, истина уже въ ходу—и ничто не остановитъ ея! Мы стоимъ на почвѣ национализации земли. Мы считаемъ—земля должна представлять общегосударственную собственность и находится въ пользованіи только тѣхъ, кто на ней трудится. Мы, горячіе, убѣжденные сторонники этой национализации. Мы всѣми силами будемъ защищать этотъ вопросъ въ Государственной Думѣ и всѣми силами будемъ среди народа привлекать на свою сторону сторонниковъ.

— Здѣсь, со стороны правыхъ, очень часто слышатся ссылки на различнаго рода великихъ писателей, на которыхъ, какъ они говорили всѣ, они воспитывались. И вотъ, въ доказательство своей мысли я приведу тоже цитату одного изъ тѣхъ писателей. Великій писатель французскій Руссо говоритъ: „тотъ, кто первый огородилъ мѣсто и сказалъ: „это мое“, и тотъ, кто нашель достаточно глупыхъ людей, чтобы повѣрить этому, и былъ первый основатель того строя гражданскаго общества, который существовалъ тогда въ XVIII столѣтіи!—Отъ сколькихъ убійствъ, отъ сколькихъ преступленій, сколькихъ войнъ, сколькихъ бѣдствій спасъ бы человѣчество тотъ, кто крикнулъ бы:—господа, не слушайте этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому“. Обращая:

эту мысль отъ прошедшаго къ будущему, я скажу: тотъ, кто разгородить землю, тотъ будетъ основателемъ новаго истинно гражданскаго общества, построеннаго на началахъ равенства, братства и свободы. Такимъ образомъ, наша принципиальная точка зрѣнія по отношенію къ коренному разрѣшенію аграрнаго вопроса, какъ мнѣ кажется, ясно опредѣлилась. Но разрѣшить этотъ вопросъ сейчасъ, сказать, что вотъ сейчасъ мы можемъ разгородить землю, что сейчасъ мы можемъ отдать ее народу—конечно, мы не можемъ. Работа предстоитъ трудная, работа предстоитъ почти колоссальная и сдѣлать ее безъ предварительной подготовки невозможно. Нужно постараться только, чтобы то, что дѣлается сейчасъ въ сферѣ этихъ отношеній, не испортило бы окончательно дѣла, которое должно быть разрѣшено народнымъ представительствомъ. Нужно, чтобы все то, что было произведено и нашимъ правительствомъ и нашими правящими классами, чтобы все это было отмѣнено и народъ имѣлъ возможность такъ или иначе въ этотъ переходный періодъ, который наступитъ до окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, разрѣшить его болѣе или менѣе спокойно и мирно“.

Проектъ группы социалистовъ-революціонеровъ предусматриваетъ переходъ земли безъ всякаго выкупа. Основныя же положенія этого законопроекта, наиглавнѣйшія, заключаются въ томъ, что земля съ ея водами и нѣдрами передается всему народу, передается безъ выкупа въ уравнительное пользованіе, при чемъ уравнительное землепользованіе ограничивается нормами не ниже потребительной и не выше трудовой.

„Партія народной свободы заявляетъ, что это громадная несправедливость. Какъ же въ самомъ дѣлѣ—землю возьмутъ, а эквивалента никакого? А справедливо ли владѣть землей, владѣть тѣмъ, что не должно никому принадлежать, владѣть тѣмъ, что отнято было изъ пользованія тѣхъ же крестьянъ безъ всякаго выкупа, даже съ закабаленіемъ тѣхъ же самыхъ крестьянъ? Что же говорить о справедливости, когда нужно говорить объ исторической необходимости? Вѣдь рабовладѣльцы тоже говорили, что несправедливо отнимать у нихъ рабовъ безъ выкупа, однако, ихъ все-таки не послушали, и рабство было уничтожено безъ всякаго выкупа. Да что такое выкупъ для нашихъ крестьянъ? Въ 1861 г. часть земли была передана, съ выкупомъ, и что же получилось? На крестьянъ была надѣта петля. Несо-

мнѣнно, та же петля будетъ надѣта на нихъ и сейчасъ.

— Земля уже выкуплена крестьянами,—доказываетъ Евреинъ— она давнымъ давно оплачена не только деньгами, но и потомъ и кровью крестьянства. Что насъ вынесло сюда, что насъ привело въ Государственную Думу? Не милость, конечно, правящихъ классовъ, конечно не это: насъ вынесло общее народное революціонное движеніе. А тутъ намъ говорятъ, что вопросъ о землѣ мы хотимъ рѣшить мирно. Говорятъ это не только люди изъ центра, но и съ правой стороны. Довольно революціи, говорятъ они, рѣшимся, согласимся. Но вѣдь этотъ вопросъ мирнымъ путемъ можетъ быть рѣшенъ только при обоюдномъ согласіи, не иначе; между тѣмъ этого соглашенія не можетъ быть, не можетъ быть того акта, который заключается, напримѣръ, у нотариуса; соглашеніе состоялось, одинъ передаетъ, другой беретъ. Нѣтъ, здѣсь еще придется бороться за этотъ переходъ, бороться потому, что одна сторона говорить: „не дамъ“. Какое же это соглашеніе, когда одна сторона говорить: „надо взять“, а другая—говорить: „надо не дать“. И вотируя вопросъ не дать, вы тѣмъ самымъ показываете народу, что невозможно землю получить, возможно только взять. Вы сами, такимъ образомъ, убѣждаете народъ, что взять можно только революціоннымъ путемъ, а на этомъ пути идетъ не только идейная борьба, но и борьба, несомнѣнно, физическая. Эта борьба, не борьба какихъ нибудь цирковыхъ атлетовъ, которыхъ можно разнять, а борьбу прекратить, нѣтъ, это—историческій процессъ, который никакіе доморощенные шаманы, никакія искусственныя мѣры не остановятъ“.

Польское коло въ аграрномъ вопросѣ держится своей прошлой годней точки зрѣнія. Аграрный вопросъ въ Польшѣ будетъ разрѣшенъ на сеймѣ въ Варшавѣ.

Дмовскій, говоря отъ имени польской группы, то есть отъ поляковъ-представителей Царства Польскаго, сдѣлалъ указаніе относительно порядка обсужденія аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія Польши. Хотя польскія области представляютъ западную часть государства, хотя ихъ аграрныя отношенія являются уже переходомъ къ западно-европейскимъ отношеніямъ, тѣмъ не менѣе аграрный вопросъ у нихъ существуетъ, и мало-земелье является язвой ихъ жизни. Однимъ изъ первыхъ пунктовъ соціальной программы является увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Но именно потому, что это вопросъ великаго значенія, вопросъ, рѣшающій направленіе бу-

дущей социальной эволюции Россіи, именно потому, что отъ его разрѣшенія зависитъ благоденствіе и общественный прогрессъ не для одного только поколѣнія, онъ долженъ быть разрѣшенъ, по возможности, безошибочно. Къ нему слѣдуетъ приступить съ полнымъ знаніемъ того, какъ онъ представляется въ различныхъ частяхъ Имперіи, столь различныхъ именно по своимъ земельнымъ отношеніямъ, что въ государствѣ, собственно, не одинъ аграрный вопросъ, а столько, сколько въ немъ обособленныхъ по своему прошлому, по своему социальному быту областей. Слѣдуетъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о земельныхъ отношеніяхъ каждой изъ нихъ, о характерѣ мѣстнаго земельного хозяйства и вытекающихъ отсюда потребностяхъ населенія. Должно изыскать всѣ средства для удовлетворенія этихъ потребностей и, наконецъ, что очень важно, получить увѣренность, что устансвленные въ этомъ отношеніи законы будутъ примѣнены въ жизни согласно ихъ началамъ. Въ виду вышесказаннаго, серьезное обсужденіе аграрной реформы для всего государства, особенно для тѣхъ областей, представители которыхъ составляютъ меньшинство въ этой палатѣ и которыя по своимъ земельнымъ отношеніямъ далеко различны отъ великорусскаго центра, невозможно—пока по этому предмету не выскажется мѣстное населеніе каждой области въ соответственныхъ учрежденіяхъ, которыхъ оно до сихъ поръ лишено.

Аграрный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ и основанія аграрной реформы могутъ быть примѣнены только послѣ изданія и введенія въ исполненіе законовъ объ общихъ гражданскихъ свободахъ—о равноправіи національностей и вѣроисповѣданій, наконецъ, послѣ устройства во всей имперіи широкаго мѣстнаго самоуправления и законнаго установленія взаимныхъ отношеній между его учрежденіями и административными властями. Это касается Литвы и югозападныхъ областей. Все это, конечно, не касается Царства Польскаго. Здѣсь земельное дѣло, какъ и всѣ другія социальныя реформы, въ которыхъ эта страна очень нуждается, лежитъ по нашему требованію въ области отдѣльнаго мѣстнаго законодательства и можетъ быть устроено, согласно требованіямъ жизни, только собраніемъ представителей края,—только автономнымъ сеймомъ—послѣ установленія отношеній Царства Польскаго къ государству“.

Начались аграрные дни.

Сегодня опять аграрный понедельник: говорить о землѣ— и едва половина депутатовъ слушаетъ.

Какъ всѣ парламенты повторяются!

Въ прошломъ году на это потрачено было три недѣли однѣхъ рѣчей, и 9-е іюля застало Думу на ораторѣ по земельному вопросу.

На какомъ теперь застанеть ее соответствующее „звѣринное число“?

Въ преніяхъ по земельному вопросу партіи и группы перемѣшаны до-нельзя: даже единые всегда и во всемъ кадеты дѣлятся на два течения. Одни ближе къ націонализациі, другіе— къ собственности.

Характерно, что безпартійные крестьяне держатся проекта кадетовъ. Я спросилъ одного калужанина:

— Да развѣ трудовическій проектъ вамъ не ближе? Тамъ вѣдь за всю землю стоять...

— Трудовички—наши люди, это вѣрно; но народная свобода, это—скажу тебѣ, ловкачи: они все добудутъ намъ. Трудовички—это для дѣтей нашихъ, а кадеты... Мы еще сами при жизни услышимъ да увидимъ. Кадеты—силу заберутъ.

Изъ среды безпартійныхъ выдѣляется Балло, Херсонскій депутатъ: я не видѣлъ еще такого яраго агитатора „за себя“. Самъ онъ владѣетъ нѣсколькими стами десятинъ земли, да много еще арендуетъ. И, кажется мнѣ, что явился-то онъ въ Думу, чтобы отстоять свою землю. Онъ, очевидно, пользуется среди своихъ вліяніемъ, потому что тѣмъ сильно импонируетъ крестьянинъ, крупный землевладѣлецъ. Его-то, очевидно, и пытаются распропагандировать лѣвые, или по крайней мѣрѣ разбить его аргументы. Балло охотно идетъ на споры, стоя на точкѣ зрѣнія „своей“ земли, „пріобрѣтенной потомъ и трудомъ“. Онъ, окруженный большой толпой, большей частью крестьянъ, гудитъ низкимъ басомъ:

— Землю свою я дѣтямъ хочу оставить, потому что я для нихъ бился-старался... Не доѣдалъ, не досыпалъ, берегъ копѣйку, берегъ добро свое —и слава Богу, удосужился землицы. За что-же ее у меня отнимутъ? За то, что я не пьянствовалъ, не баклушничалъ, за то, что я умомъ до всего доходилъ, навозилъ землю, да удобрялъ пашню? А коль тронуть мою землю— то я за нее постою.

— Не твоя, братъ, земля-то.. Земля—ничья, она—Божья. Не можешь ты, мужикъ, ея володѣть, какъ своей шапкой—довольно книжно и не убѣдительно говорить ему кто-то.

Балло съ сожалѣніемъ смотритъ на него.

— А отбирать дѣло Божье? а? То, что я горбомъ заработалъ, это по совѣсти если говорить—можно забрать? Пустяки вы говорите...

— Ничего ты, братъ, не поймешь.. У тебя всю совѣсть твои десятины съѣли..

„Великолѣпный“ Крупенскій прикрываетъ своей персоной какого-то депутата съ четырьмя медалями.

— Онъ кровь свою проливалъ; да-съ, за это онъ и медали получилъ, а не за усмиреніе... За усмиреніе, къ сожалѣнію, медалей не даютъ.

— Вотъ вы получите ее, вѣроятно..

— Если заслужу-съ, то съ честью носить буду.. За усмиреніе такихъ, какъ вы, мало одной медали.

— Пенсію, быть можетъ, хотите?

Крупенскій, видимо, начинаетъ понимать иронию. Онъ багровѣетъ и уходитъ въ правую дверь, уводя съ собою депутата съ медалями.

— Ишь ты, усмиритель!—несетъ ему вслѣдъ.

Вдругъ—кулуары загудѣли и толпа вразсыпную бросилась въ залъ.

Послѣ скучныхъ преній, очевидно, происходитъ что-то интересное. Первое впечатлѣніе мое было таково: на трибунѣ всклокоченный крестьянинъ, бородатый, въ зипунѣ. Хриплымъ голосомъ онъ кричитъ правымъ и машетъ имъ рукою:

—Господа дворяне! Вы пришли сюда, чтобы выгодно продать свою землю. Не бывать этому!

Слова его звучали какъ грозное напоминаніе и можно было воочию видѣть схватку двухъ міровъ: дворянскаго и крестьянскаго. И справа неслись злобные крики:

— Бредни; сказки... глупости...

— Го-го! выкрикивалъ Пуришкевичъ.

А старикъ гремѣлъ:

— Мы были вашими крѣпостными. Помните? А теперь? Мы, вѣдь, уже не неприкосновенная и несвященная ваша собственность?

Старикъ кончилъ подъ шумные аплодисменты лѣвыхъ.

Послѣднимъ говорилъ мирнообновленецъ Константиновъ. Онъ хотѣлъ говорить академически по вопросу о землѣ, но послѣ словъ праваго Шульгина, прочитавшаго какое-то шутовское заявленіе, съ пародіей на проектъ націонализации земли. (Это была неприличная и недостойная выходка—и навѣрно ни одинъ парламентъ міра не слыхалъ такого оскорбительнаго глумленія). Константиновъ съ искреннею слезою въ голосѣ говорилъ:

— Выразимъ презрѣніе этому депутату за его глумленіе надъ высокой палатой.. Слѣва идутъ голоса печальниковъ за народъ, а справа несутся глумленія.. Мнѣ плакать хочется“...

И Дума—лѣвая, центръ и даже правая въ лицѣ октябристовъ бурно апплодировали этому мирнообновленцу.

Отъ социаль-демократовъ говорилъ Церетелли. Онъ въ полноту огня рѣчи говорилъ о священной собственности, которой такъ поклоняется нынѣшняя государственная власть.

„Правительство выступаетъ противъ требованій со стороны крестьянъ помѣщичьей земли во имя неотъемлемости и неприкосновенности частной собственности. Но щадило ли оно этотъ принципъ неотъемлемости, когда рѣчь шла о томъ, чтобы раздавать народныя земли помѣщикамъ? Щадитъ ли этотъ принципъ частной собственности правительство, государственная власть въ настоящій моментъ? Щадили ли принципъ частной собственности карательныя экспедиціи по всей Россіи, Прибалтійскому краю? Щадили ли частную собственность генераль Алихановъ, который прошелъ черезъ всю Имеретію огнемъ и мечемъ, опустошивъ ее, предавая сожженію дома и имущество, не только тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ политической неблагонадежности, но и ихъ родственниковъ и близкихъ? Щадила ли собственность Сѣдлецкая власть при разгромѣ Сѣдлеца, послѣ того, какъ она сама же заставила дать провокаторскіе выстрѣлы? За огражденіе ли частной собственности полковникъ Думбадзе былъ произведенъ въ генераль-маіоры? Тотъ полковникъ Думбадзе, который приказалъ сжечь домъ изъ котораго въ него стрѣляли?

Я знаю, какой отвѣтъ имѣется на это у правительства, мы слышали этотъ отвѣтъ изъ устъ предсѣдателя совѣта минист-

ровъ. Онъ говорилъ: „бываютъ роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права“.

О, да, именно такую минуту переживаетъ теперь Россія. Но почему же государственная власть возвышается надъ правомъ лишь тогда, когда дѣло идетъ о раздачѣ народныхъ земель помѣщикамъ или о томъ, чтобы давить живыя силы страны, рвущіяся къ свободѣ, и отказывается стать выше права тогда, когда рѣчь идетъ о защитѣ такого сомнительнаго права, какъ права помѣщиковъ на землю? Развѣ пожаръ народного бѣдствія, охватившій Россію со всѣхъ сторонъ, не создаетъ государственной необходимости уничтоженія права помѣщиковъ на землю, права, стоящаго на пути къ народному благоденствію? Но дѣло именно въ томъ, что подъ государственностью правительство понимаетъ не народные интересы, а интересы той кучки помѣщиковъ, съ которой она, эта государственная власть, кровно связана. Эта государственность довела всю Россію до истощенія, плодомъ этой государственности явился хроническій голодъ народа, то бѣдствіе, съ которымъ незнакомы ни одно изъ современныхъ культурныхъ государствъ Европы. Эта государственность довела Россію до Мукдена и Цусимы“.

Въ концѣ своей рѣчи онъ прочиталъ декларацію своей фракціи, которая выставила требованія: уничтоженіе всякихъ стѣсненій крестьянъ въ распоряженіи ихъ землею; отчужденіе безъ выкупа всей казенной, церковной и частно-владѣльческой земли и передача ихъ демократическому мѣстному самоуправленію для распредѣленія между гражданами, желающими ею воспользоваться.

XVII.

Сегодня въ Думу былъ внесенъ мучительный запросъ. Изъ гиблыхъ мѣстъ, изъ каторжныхъ тюремъ Сибири донеслись до народныхъ представителей стоны истязуемыхъ политическихъ каторжниковъ.

Фракція социалистовъ-революціонеровъ прекрасно понимаетъ, что эти истязанія лишь продолженіе прежней си-

стемы битья и отголоски всероссійской порки. Чуткіе администраторы улавливають господствующее настроеніе и умѣютъ даже предупреждать виды и усмотрѣніе высшаго начальства. Тѣмъ не мѣнѣе она внесла этотъ запросъ, чтобы этимъ хотя бы выказать, что совѣсть ихъ возмущается мучительными жестокостями, которыя тамъ творятся.

Отъ имени фракціи говорилъ Успенскій. Самымъ трагическимъ документомъ было письмо Сазонова, прочитанное имъ съ трибуны. Сазоновъ пишетъ: „Итакъ, 2 марта мы покинули Акатуй.. При уходѣ изъ Акатуя, я получилъ предупрежденіе: „Будьте осторожныѣ. Вы взяты, по личному ходатайству Бородулина, и переводятъ Васъ со специальной цѣлью, чтобы тамъ что-нибудь сдѣлать съ вами“.

Предупрежденія, впрочемъ, были излишни, мы и такъ не могли не знать, что насъ ведутъ на муки и издѣвательства. И когда, по приходѣ въ Алькачи, намъ сказали, что насъ переодѣнутъ во все казенное, — а своего у насъ ничего не было, кромѣ бѣлья на себѣ,—и остригутъ, то въ этомъ мы увидѣли начало издѣвательствъ и, чтобы надолго не затягивать мукъ, рѣшили протестовать.

Насъ среди глубокой ночи по одиночкѣ вводили въ канцелярію подъ конвоемъ. Тамъ было очень торжественно: яркое освѣщеніе, присутствіе всей администраціи, у дверей конвой. „Шапку долой! Сорвать шапку! Раздѣться! Сорвать съ него все. Остричься, остричь его насильно“—слышалась команда Бородулина, который, то появлялся, то снова прятался туда, скрываясь за стѣной солдатскихъ штыковъ. Протестовавшего схватывали, срывали съ него все платье и все бѣлье и стригли. Двухъ первыхъ товарищей, Штильмана и Рыбникова, особенно перваго, сильно избили прикладами. Бородулинъ кричалъ: „Прикладомъ его! Въ голову! Я васъ усмирю.. Здѣсь не Акатуй... И костей отъ васъ не останется“... И все это продѣлывалось не секретно, а при торжественнѣйшей обстановкѣ, на глазахъ многолюднаго общества...

Къ полуночи мы, наконецъ, снова очутились всѣ вмѣстѣ въ отведенной для насъ камерѣ и изъ общихъ разговоровъ могли возстановить полную картину содѣяннаго надъ нами преступленія. Очевидно, намъ предстояло совершить еще длинный скорбный путь.

Такъ какъ очевидно было, что Бородулинъ ищетъ предлога придратъся и мучить насъ, то мы, предвидя, что, при остромъ желаніи Бородулина, предлоги всегда найдутся, рѣшили не дѣлать никакихъ уступокъ ни въ дисциплинѣ, ни по режиму. Мы отказались строиться на повѣрку и вставать по командѣ „смирно! встать!“, которая раздавалась всякій разъ при появленіи начальства—въ Акатуѣ ничего подобнаго не было.

Первые три дня нашего пребыванія здѣсь были днями приговоренныхъ, ожидавшихъ казни... Ежедневно, ежечасно, дежуря ночью, ожидали мы, что вотъ явится палачъ, чтобы окончательно расправиться съ нами.. И онъ явился... Товарищъ Рыбниковъ, встрѣтившись въ коридорѣ съ Бородулинымъ не снялъ передъ нимъ шапки и за это былъ уведенъ въ карцеръ. Мы могли ожидать, что тамъ его избьютъ или сдѣлаютъ съ нимъ еще что нибудь похуже. Поэтому мы потребовали къ себѣ Бородулина, угрожая, если онъ не явится, выбить двери. Бородулинъ явился съ солдатами. Послышалась команда: „смирно! встать!“.

Мы, не вставая, отвѣчали. „Мы не встанемъ: верните намъ товарища или всѣхъ насъ возьмите въ карцеръ, потому что Рыбниковъ не виновнѣ насъ“,—„Молчать! Возьму кого захочу. Возьмите вотъ этихъ“...—закричалъ Бородулинъ, указывая на двухъ товарищей, сидѣвшихъ съ краю. Солдаты было бросились къ указаннымъ жертвамъ, но мы схватились за товарищей и не пускали ихъ. „Прикладами ихъ въ голову“, кричалъ Бородулинъ. Произошла дикая свалка. „Розогъ сюда“, кричалъ Бородулинъ, и розги были уже принесены. Мы сбились въ кучу схватились рука въ руку и образовали сомкнутую цѣпь. Солдаты снова бросились на насъ: озвѣрѣвшіе съ оскаленными зубами, они стали бить насъ прикладами, куда ни попало. Скоро на полу, какъ трупы, вялялось трое товарищей. На головѣ одного зіяла рана, лицо другого въ крови, третій, почти безъ памяти, стоналъ, схватившись за грудь. Солдаты, отнявши одного изъ товарищей, утащили его въ карцеръ и теперь стояли передъ нами, созерцая плоды своей побѣды. Изъ-за ихъ спинъ выглядывалъ Бородулинъ. Что-то удержало его отъ мысли привести въ исполненіе свой приказъ относительно экзекуціи. Приказавъ отобрать у насъ постели, онъ лишилъ насъ горячей пищи, прогулокъ, велѣлъ на цѣлый день поставить парашу. „Пусть

сидятъ въ свѣтломъ карцерѣ“. Двое изъ товарищей, уведенныхъ въ карцеръ, закованы въ наручники.

Во время свалки на нарахъ нашли столовый ножъ: вотъ предлогъ для новаго обвиненія въ покушеніи, на этотъ разъ уже не на оскорбленіе, а на жизнь... Можно даже предать военно-полевому суду. Все возможно и, заглядывая даже не въ далекое будущее, мы не видимъ границъ произволу.

Говорятъ, Бородулинъ ждетъ указаній начальника каторги относительно розогъ... Единственный для насъ выходъ—это въ послѣдній моментъ заставить палача убить насъ. Все сочувствіе тюрьмы, не исключая и уголовныхъ, которыхъ Бородулинъ старается подкупить разными льготами, на нашей сторонѣ, и намъ стоитъ большого труда удерживать заключенныхъ отъ вмѣшательства въ нашу борьбу. Если разыграется исторія, будетъ море крови и масса жертвъ. Не смѣемъ вѣрить въ благополучный исходъ, но мы спокойны тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ ждутъ своей смерти приговоренные. Только одно дѣло—умирать смертью активнаго борца, и другое,—совершенно другое—пасть жертвою Бородулина“.

Удивительную картину представлялъ залъ засѣданій въ эту минуту! скорбные, съ тяжелыми мыслями сидѣло большинство представителей русскаго народа, слушая эти вопли. Что можно было сказать еще, чего бы уже не было высказано?

Большинство приняла запросъ, но поможетъ ли онъ кому-нибудь? Вѣдь правые цинично говорили о бубновыхъ тузахъ, которыхъ порютъ по заслугамъ. Стоитъ ли съ ними церемониться?

Не церемониться же здѣсь, на виду у Думы...

XVIII.

Послѣ запроса объ истязаніяхъ политическихъ каторжанъ въ Акатуѣ въ Думѣ разбирался вопросъ о Рижскомъ застѣнкѣ, гдѣ пытки, производимыя надъ задержанными революціонерами и просто подозрѣваемыми, достигли ужасающихъ размѣровъ.

Это были картины мрачнаго средневѣковья, воскресшаго въ тюрьмахъ несчастнаго Прибалтійскаго края.

Докладчикъ комиссіи по запросамъ, одесскій депутатъ Пергаментъ, которому выпала на долю громадная работа все-

гда неутомимый и здѣсь оказался на высотѣ своего назначенія: докладъ отличался замѣчательною обоснованностью юридическихъ данныхъ, формулированныхъ въ ясной, категорической формѣ, и стройной логической послѣдовательности. Водворилась полная тишина, и докладчикъ началъ чтеніе:

„Когда комиссія по запросамъ занялась изслѣдованіемъ тѣхъ матеріаловъ, которые были представлены ей депутатами, отъ имени которыхъ былъ внесенъ первоначальный запросъ о столкновеніи нѣкоторыхъ заключенныхъ съ тюремной администраціей въ г. Ригѣ, то оказалось, что фактическія обстоятельства, обосновывавшія собою этотъ запросъ, устанавливають наличность не единичнаго только факта, а цѣлага ряда таковыхъ; оказалось, что эти факты являютъ собою послѣдствіе цѣлага ряда другихъ обстоятельствъ, и въ своей совокупности свидѣтельствуютъ объ общихъ условіяхъ содержанія заключенныхъ лицъ не только въ тюрьмахъ, но и въ арестныхъ помѣщеніяхъ и сыскныхъ отдѣленіяхъ г. Риги и другихъ городовъ Прибалтійскаго края.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, одновременно съ началомъ дѣйствія карательныхъ отрядовъ, стали примѣняться при дознаніяхъ страшнѣйшія пытки и истязанія, имѣющія цѣлью доставить администраціи необходимыя данныя для разстрѣла лицъ, подозрѣваемыхъ въ прикосновенности къ революціонному движенію.

Особеннаго расцвѣта достигли подобныя пытки и истязанія при допросахъ въ Ригѣ, въ сыскномъ отдѣленіи, помѣщаемомъ въ главномъ полицейскомъ управленіи. Пытки при допросѣ лицъ, заподозрѣнныхъ въ прикосновенности къ такъ называемой милиціи, или боевымъ организаціямъ, практиковались въ рижскомъ сыскномъ отдѣленіи уже давно, но въ концѣ декабря 1905 г. тамъ для этой цѣли была образована цѣлая «комиссія», куда вошли помощникъ начальника сыскаго отдѣленія Швабе, помощникъ пристава Александровскій, Грегусъ, Сабецкій, Давусъ и другіе полицейскіе чины и сыщики.

Комиссіи этой, по собственному ея заявленію, было поручено прокурорскимъ надзоромъ и жандармскимъ правленіемъ производить „слѣдствія“ надъ политическими, а губернаторомъ для этой же цѣли было представлено комиссіи право „убивать политическихъ безъ суда и слѣдствія“.

И дѣйствительно, истязанія и пытки примѣнялись съ вѣдома и разрѣшенія прокурерскаго надзора, жандармскаго полковника и

высшихъ административнымъ властей края. Порядокъ допроса арестованныхъ въ сыскомъ отдѣленіи былъ приблизительно слѣдующій: каждаго вновь арестованного, подозрѣваемого въ прикосновенности къ болѣе „серьезнымъ“ дѣламъ, подвергали первому допросу обыкновенно около 8 часовъ вечера. Допросъ сопровождался угрозами, избіеніемъ допрашиваемого по лицу, животу и другимъ частямъ тѣла, причемъ пускались въ дѣйствіе кулаки, каблуки и резиновыя палки. Если избиваемый не сознавался въ взводимомъ на него преступленіи, то черезъ минутъ 20—30 его отпускали до „настоящаго“ допроса. „Настоящій“ допросъ начинался только около 12 часовъ ночи, происходилъ во второмъ этажѣ, въ комнатѣ, выходящей окнами во дворъ. Допросъ начинался кулаками, потомъ переходили къ резиновымъ палкамъ, прикладамъ и др., причемъ избиваемому затыкали ротъ мокрой тряпкой и били его по головѣ, по мускуламъ ногъ и рукъ и вообще по чему попало. Если и это не помогало, то арестованного бросали на полъ и подвергали еще болѣе жестокимъ истязаніямъ. Потерявшаго сознаніе отливали водой, приводили въ чувство и начинали истязанія снова“...

Медленно съ разстановкою, стараясь сохранить полное безстрастіе тона, яснымъ громкимъ голосомъ читалъ докладчикъ. Чувствовалось, что каждое слово доклада тяжелымъ молотомъ бьетъ по нервамъ депутатовъ.

Они сидѣли точно притаившись на своихъ скамьяхъ...

Тишина въ залѣ становилась жуткой, мучительной.

Одинъ разъ на скамьяхъ правой послышалось было громкое выраженіе неудовольствія. Туда сразу метнулись огненные негодующіе взгляды, и черезъ одно мгновенье въ залѣ настала прежняя тишина, въ которой раздавался только мѣрный голосъ докладчика.

Наконецъ, чтеніе окончилось.

Докладъ явился обвинительнымъ актомъ противъ начальствующихъ лицъ въ тюрьмахъ и произвелъ угнетающее впечатленіе

„Въ какую эпоху мы живемъ?“—думалось каждому.

„Это ли эпоха конституціоннаго довѣрія?“

На трибуну поднялся депутатъ Алашеевъ. Онъ имѣлъ полное основаніе спросить, какимъ образомъ осмѣлился такой оскорбительный для человѣческаго слуха документъ появиться въ той

залъ, гдѣ собрались народныя представители? Ему, конечно, мѣсто въ кабинетѣ ученаго, который, перелистывая историческіе мемуары, ищетъ въ нихъ новыхъ доказательствъ средневѣкового варварства; ему мѣсто на столѣ драматурга, который пишетъ пьесу изъ временъ инквизиціи; еще болѣе умѣстно ему быть написаннымъ въ домѣ душевно-больныхъ, гдѣ разстроенное воображеніе людей съ поврежденнымъ разсудкомъ доводитъ ихъ до галлюцинацій. Но едва ли ему мѣсто быть прочитаннымъ между нормальными людьми, причисляющими себя къ культурному обществу. И тѣмъ не менѣе всѣ выслушали этотъ документъ до конца, и выслушали его съ достаточнымъ спокойствіемъ и не только выслушали, но и приступили къ его обсужденію.

„Мы обязаны—говорилъ онъ—вскрыть всю сущность заключеннаго въ этомъ документѣ дѣла, снять съ этого дѣла всѣ покровы и не оставить неосвѣщеннымъ ни одного уголка, куда могла бы проникнуть какая-либо тайна. А между тѣмъ, съ министерскихъ скамьей официальные представители правительственной власти доказывали намъ, что наши сужденія по этому вопросу преждевременны, такъ какъ подлежащее начальство еще не собрало необходимыхъ данныхъ и не составило себѣ на сей предметъ надлежащаго сужденія. Господа народныя представители, прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ въ печати появились первыя свѣдѣнія о рижскомъ застѣнкѣ. Неужели этого времени не достаточно для того, чтобы было произведено самое подробное разслѣдованіе и чтобы оно было доведено до конца? Намъ сказали, что уже болѣе мѣсяца, какъ Прибалтійскій генералъ-губернаторъ получилъ изъ министерства то, что на официальномъ языкѣ называется „соотвѣтствующими указаніями“. И развѣ этотъ мѣсячный срокъ слишкомъ кратокъ для этого, чтобы виновныя лица могли быть преданы суду? Но вы прекрасно знаете, что это сдѣлано не было, и потому, разъ насъ здѣсь призывали къ молчанію, хотя бы только временному, то для этого молчанія нужно было имѣть право считать доказаннымъ то обстоятельство, что все то, что приведено въ докладѣ комиссіи по запросамъ, представляетъ сплошную ложь, является клеветой отъ начала до конца; я говорю, отъ начала до конца потому что, если бы хотя только одна десятая часть того, что мы слышали, была правдой, то мы покрыли бы себя несмыслаемымъ позоромъ за малѣйшее промедленіе въ освѣщеніи истины“.

Архангельскій въ горячей рѣчи указалъ на то, что эти мрач-

ныя дѣянiя происходятъ не гдѣ нибудь въ Акатуѣ, не вдали отъ бдительнаго начальства, но въ большомъ шумномъ городѣ. Подъ прямымъ содѣйствiемъ, подъ прямымъ попустительствомъ находящагося тамъ начальства, совершаются истязанiя надъ политическими заключенными, истязанiя, подлость которыхъ удесятерится ихъ полною безнаказанностью. Политическiе заключенные въ рижскихъ тюрьмахъ переданы въ полное распоряженiе совершенно дикихъ звѣрей; отданы на растерзанiе не только физическое, но и духовное; тамъ пытаются молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей; ихъ раны посыпаютъ солью, вырываютъ волосы, вырываютъ ногти, измученныхъ людей бросаютъ съ высоты нѣсколькихъ аршинъ на полъ, усыпанный крупнымъ колотымъ сахаромъ; надъ ними производятся всякiя издѣвательства и примѣняются такiя мѣры, до которыхъ только можетъ додуматься самая дикая, самая извращенная, самая безчеловѣчная фантазiя. Что же это такое? А когда люди уже совершенно измучены, то ихъ разстерзанныхъ, съ переломанными ребрами, съ переломанными руками и ногами выводятъ за тюрьму и здѣсь разстрѣливаютъ.

„Господа, — воскликнулъ онъ — есть преступленiя и въ Западной Европѣ, порою ужасныя, порою печальныя; есть тамъ и наказанiя за эти преступленiя, во Францiи практикуется смертная казнь, и она признается откыто, а не украдкою и не такъ лицемѣрно, какъ у насъ, подъ видомъ изъятiя изъ уголовныхъ законовъ. Но нигдѣ, ни въ одной странѣ, называющей себя культурною и цивилизованною, ни въ одномъ правовомъ государствѣ, конституцiонномъ, если намъ угодно такъ признавать, нигдѣ не практикуется такихъ ужасовъ, какимъ подвергаются наши заключенные въ нашихъ русскихъ тюрьмахъ и полицейскихъ застѣнкахъ“.

Дума, конечно приняла запросъ. Но что она можетъ сдѣлать? Развѣ вся она не приходитъ вмѣстѣ съ депутатомъ Архангельскимъ къ заключенiю, что рижскiя событiя не должны представляться чѣмъ нибудь удивительнымъ. Что же такого особеннаго, что въ рижской тюрьмѣ бьютъ? Но развѣ не бьютъ на фабрикахъ, на заводахъ въ селахъ, въ городахъ? Развѣ не бьютъ, пытаются, мучаютъ, терзаютъ вездѣ, на всемъ пространствѣ русской земли...

Я очень не хотѣлъ бы говорить о депутатѣ Пуришкевичѣ— и настанетъ, вѣроятно часъ, когда всѣ перестанутъ о немъ говорить и писать, но теперь приходится сказать нѣсколько словъ о немъ.

Сегодня онъ ругалъ между прочими насъ, журналистовъ, и размахивая по своему нелѣпому обыкновенію руками, указывалъ на нашу ложу. Въ небольшой сравнительно рѣчи онъ коснулся всего... И того, какъ депутаты раздають прокламаціи, какъ крестьяне, подстрекаемые ими, распарываютъ брюха породистыхъ жеребцовъ, какъ „единомышленники г. Озоля“ напали на солдатъ въ Тукумѣ.

— Вы думаете—угрожалъ онъ—что единомышленники тукумскихъ драгунъ не поднимутся для мести? О, они будутъ мстить вамъ жестоко.

— Да это душевный больной!—вырвалось у кого-то громко. Пуришкевичъ разъярился.

— Въмѣсто того, чтобы меня оскорблять, обуздайте самихъ себя, обуздайте лѣвую печать, которая только и занята искаженіемъ фактовъ и подтасовываніемъ ихъ. Обуздайте всѣхъ шулеровъ печати и слова!

Пуришкевичъ сдѣлалъ выразительный жестъ въ нашу сторону.

Вступается Головинъ.

— Прошу васъ взять назадъ ваши слова...

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Тогда я принужденъ буду лишать васъ слова и удалять съ засѣданія...

— Пожалуйста, удаляйте, буду очень радъ. Я только тогда и отдыхаю когда я внѣ Думы.

И каждый день такая комедія, каждый день нѣсколько шутовскихъ выходокъ. Что показываетъ, на примѣръ, заявленіе Келеповскаго о необходимости для Думы заняться изученіемъ книги Ломброзо объ эротоманіи? Келеповскій говоритъ постоянно самыя обыкновенныя пошлости, которыхъ никто не позволилъ бы себѣ говорить даже въ какой-нибудь захудалой городской Думѣ. Возьмите такой отрывокъ изъ его рѣчи: „г. Пергаментъ—говоритъ Келеповскій—извѣстный юристъ и мой землякъ. Я привыкъ относиться къ его имени съ уваженіемъ, не только какъ

къ извѣстному юристу, но и какъ къ бывшему президенту южно-русской республики.

На Головина нашель мягкій стихъ.

— Не дѣлайте изъ этой трибуны кафедръ для шутокъ— предупредилъ онъ.

— Это не шутка, это дѣйствительное событіе— возражаетъ капризно Келеповскій.

И вся палата искренно аплодировала Алексинскому, когда тотъ беспощадно принялся за правыхъ. Онъ очень вѣрно замѣтилъ, что уничтожить запросъ сквернословіемъ невозможно, что аргументы правыхъ могутъ имѣть мѣсто не въ парламентѣ, а въ трактирахъ и чайныхъ союза русскаго народа.

Существенная сторона засѣданія заключалась въ обмѣнѣ рѣчей между Пергаментомъ и министромъ юстиціи. Оба они говорили по три раза—и оба они, выражаясь языкомъ судебныхъ отчетовъ, „обмѣнялись рѣчами“. Удивительно одно, что министръ переводилъ дѣло съ принципа на личность и говорилъ о томъ, какъ высоко стоятъ представители закона, и какъ они никогда не ошибаются въ своихъ заявленіяхъ. „Я имѣю другія заявленія— и имъ я вѣрю“. Такова была мысль министра.

Пергаментъ доказывалъ, что комиссія по запросамъ вовсе не обязана предоставлять подробныхъ свѣдѣній. Это дѣло и обязанность слѣдственной власти, которая послѣ всѣхъ сообщеній должна начать дѣло. Каждая сторона доводило дѣло, простое и ясное, до различныхъ тонкостей судопроизводства, до компетенціи отдѣльныхъ властей—судебной и парламентской. Министръ ревниво оберегалъ репутацію лицъ прокурорскаго надзора и просилъ Думу вѣрить ихъ дѣйствіямъ.

— Дума не можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія судебной власти и мѣшать ей запросами—доказывалъ министръ.

— Мы должны PROVĚРЯТЬ законѣрность дѣйствій властей— доказывалъ Пергаментъ.

Пренія затянулись на все засѣданіе и уже къ концу его, то есть къ шести часамъ запросъ голосовался. Онъ принять единогласно.

XIX.

Совершенно неожиданно переменялась политическая погода. Нѣсколько дней тому назадъ барометръ стремительно падалъ. Судьба Думы висѣла на волоскѣ—и ожидалось, что Дума попадетъ въ волчью яму—резолюцію о террорѣ—и тамъ великодушная бюрократія нанесетъ ей *soup de grace*—и прекратитъ ея мученія.

Положеніе было спасено кадетами—а второй шагъ, посѣщеніе Головина дало основаніе всей безъ исключенія заграничной печати заговорить объ укрѣпленіи Думы и о новомъ министерствѣ. Конечно, правда оказалась посрединѣ. Дума укрѣпилась, но только пока; а относительно приглашенія въ министерство нѣкоторыхъ новыхъ лицъ идетъ разговоръ только среди депутатовъ.

Кн. Г. Е. Львовъ очень часто бесѣдуетъ съ Столыпинымъ, и послѣдній, какъ положительно извѣстно, не прочь заполучить какъ его, такъ и еще нѣкоторыхъ лицъ въ министерство—и даже готовъ идти на значительныя „кондиціи“.

Столыпинъ ведетъ теперь открытую игру. Послѣ того, какъ правые показали все свое убожество, или еще до того—онъ съ ними разорвалъ. Онъ пересталъ рассчитывать на нихъ какъ на консервативную силу, могущую сдерживать крайности лѣвыхъ элементовъ. Они выскользаютъ изъ подъ руководства власти, которую они отчасти поддерживаютъ. Они—революціонеры справа самой чистой воды. Когда еще сегодня кто то изъ депутатовъ указалъ, что правые консервативнѣе министровъ, кое-что признающихъ, когда правые ничего не признаютъ, Келеповскій воскликнулъ: „конечно, я консервативнѣе“!

Столыпинъ понимаетъ, что значить партія, сумѣвшая оттолкнуть отъ себя общественное мнѣніе всего міра.

На Столыпина дѣлаются нападенія со стороны правыхъ; они говорятъ, что онъ—тайный другъ кадетовъ и его называютъ словомъ „кадетствующій премьеръ“. Меншиковъ, все наблюдающій и всѣ свои впечатлѣнія прячущій на днѣ своихъ безцветныхъ глазъ, и тотъ угрюмо бормочетъ въ кулуарахъ.

„Развѣ истинная власть можетъ терпѣть такъ долго? Чѣмъ какъ безотчетнымъ кадетствомъ можно объяснить поразительную вя-

лость власти въ борьбѣ съ бунтомъ? Гм., удивляются, что Дума не спѣшитъ выразить порицаніе террору. А правительство спѣшитъ съ этимъ? Оно терпитъ сторонниковъ террора въ самой Думѣ, оно терпитъ ихъ въ странѣ... Что значать министерскіе циркуляры въ сравненіи съ бомбами?

Это будетъ неслыханнымъ политическимъ курьезомъ, когда установится твердо мнѣніе, будто Столыпинъ тайно вступаетъ уже въ лоно кадетства.

Теперь конфисковано уже „Рус. Знамя“, произведенъ обыскъ въ чайной, приведенъ въ покорность Крушеванъ—кто знаетъ, что это означаетъ?

Врядъ-ли это поворотъ. Тутъ просто своеобразная закономерность—и пусть правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая!

Лишь сегодня ночью закрыты послѣднія народныя газеты издаваемые народническими фракціями.

Ни одной газеты отнынѣ нѣтъ для массъ...

Все погибло втеченіе двухъ недѣль. Эти бумажные цвѣты россійской свободы слова погибли не отъ огня своихъ увлеченій; они были просто ненужнымъ украшеніемъ... И ихъ развѣяли по вѣтру.

✽

XX.

Польское коло внесло въ Думу проектъ автономіи Царства Польскаго, очень урѣзанный, съ уступками въ духѣ угодовцевъ. Въ самомъ проектѣ оно поспѣшило продемонстрировать свою лойяльность словами: „Царство составляетъ нераздѣленную часть Имперіи“ и сдѣлала цѣлый рядъ существенныхъ уступокъ тому, что на языкѣ всѣхъ подобныхъ партій называется политическимъ реализмомъ. Въ объяснительной запискѣ къ проекту, они предупредительно напоминаютъ, что манифесты 1905 г., вызванные глубокими политическими потрясеніями, которымъ подверглась Россія, ознаменовали начало новой эпохи въ исторіи развитія русской государственности. Въ основу ея эти манифесты положили начала гражданской свободы и политическаго равноправія, чтобы путемъ предоставленія народному представительству участія въ законодательной работѣ дать ей вѣрное направленіе. Внутренній смыслъ этой новой политической системы—это желаніе укрѣпить *цѣлостъ* и прочность государства, а руководящимъ для нея мотивомъ является убѣжденіе о наступившей необходимости создать такія условія, при которыхъ населеніе почувствовало бы, что благоденствіе его связано съ преуспѣяніемъ государства.

Такимъ образомъ, суть предстоящихъ преобразованій состоитъ въ томъ, чтобы механическую связь отдѣльныхъ частей государства замѣнить связью духовною.

Записка указываетъ на то, что русское государство, соединивъ большое количество самыхъ разнообразныхъ народовъ и племенъ, не сумѣло согласовать съ этимъ фактомъ своей системы управленія, а, напротивъ, стремясь къ обезпеченію своей цѣлости, шло къ этой цѣли по совершенно неправильному пути внѣшняго однообразія государственнаго строя, механически и насильственно навязывая однообразныя учрежденія всѣмъ и всюду.

Центральныя государственныя власти, ведущія дѣла Царства Польскаго по общегосударственной схемѣ и руководимыя чисто русскими взглядами, понятіями и соображеніями, или завѣдомо стремились къ отмѣнѣ польскихъ особыхъ правовыхъ нормъ, безъ всякаго уваженія къ ихъ крайней необходимости или же по простому непониманію уродовали ихъ разъясне-

ніями, пополненіями, ограниченіями, неизмѣнно вредными для интересовъ польскаго населенія.

Мѣстныя власти, составленныя до единой исключительно изъ русскихъ людей, вполнѣ чуждыхъ краю и никогда не изучавшихъ мѣстныхъ законовъ, обращались съ этими законами вполнѣ произвольно и относились къ возникающимъ изъ нихъ вопросамъ вполнѣ неумѣло даже тогда, когда чуждались политическихъ соображеній, направленныхъ во вредъ Польшѣ.

Долголѣтній историческій опытъ привелъ населеніе Царства Польскаго къ тому глубокому, ясному и непоколебимому убѣжденію, что его мѣстныя дѣла не могутъ быть ведены общегосударственными властями и учрежденіями и не могутъ быть поручены людямъ не мѣстнаго происхожденія безъ постоянного ущерба для мѣстныхъ интересовъ, безъ вреда для польскаго народа, безъ разстройства края, его жизни, его благосостоянія. Стремленіе къ автономному устройству Царства Польскаго проникнуло все его населеніе, охватило всѣ умы и выросло выше всѣхъ иныхъ пожеланій: оно и составляетъ въ настоящее время сущность народнаго правосознанія и лозунгъ всѣхъ политическихъ партій.

Внося свой проектъ автономіи, Коло обращается къ Думѣ со словами:

„Для всѣхъ лучшихъ русскихъ людей польскій вопросъ занималъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ и программахъ, а свобода Россіи и свобода Польши были для нихъ почти однозначущи.

Наоборотъ, враги Россіи прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить къ русско-польскому соглашенію, чтобы усилить взаимную рознь, привить взаимную подозрительность и ненависть. Ихъ дѣйствія—это исторія коварныхъ происковъ съ цѣлью возбуждать поляковъ противъ русскихъ или же натравливать Россію на Польшу. Ибо разъ состоится соглашеніе русскаго народа съ польскимъ, тогда не только начнетъ здоровѣть русскій государственный организмъ, но и окажется неуязвимымъ по всей западной своей границѣ. Это вполнѣ очевидно: но къ этому ведетъ одинъ только путь—урегулированіе правового положенія Царства Польскаго, его автономное устройство. Предлагаемый законопроектъ направленъ къ осуществленію этой цѣли.

Обращаясь къ Государственной Думѣ съ нимъ и мотивируя его требованіями жизни, требованіями нравственнаго свойства, требованіями юридическаго положенія и политической цѣлесообразности, наконецъ требованіями высшаго государственнаго порядка, мы имѣемъ честь предложить Государственной Думѣ избрать комиссію изъ тридцати трехъ лицъ и передать ей наше предложеніе для внесенія въ Государственную Думу законопроекта объ автономномъ устройствѣ Царства Польскаго“.

Существенныя статьи законопроекта заключились въ слѣдующемъ:

„Царство Польское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями.

Для внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго устанавливаются особые: сеймъ, казна и роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ сенатомъ Царства Польскаго и особый въ Совѣтъ Министровъ министръ-статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Изъ вѣдѣнія сейма изъемяются слѣдующія дѣла:

Содержаніе членовъ Императорскаго дома; дѣла православной церкви, иностранныя дѣла, армія и флотъ, монетное дѣло, таможенное, акцизное и почтово-телеграфное, законодательство, займы и обязательства и еще нѣкоторыя дѣла.

Вѣдѣнію сейма подлежатъ: законодательство по всѣмъ дѣламъ края, кромѣ вышеперечисленныхъ, установленіе налоговъ, податей и пошлинъ, разсмотрѣніе и утвержденіе росписи доходовъ и расходовъ и разсмотрѣніе ежегоднаго отчета по управленію Царства Польскаго.

Сеймъ созывается въ Варшавѣ и избирается на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.

Исполнительная власть принадлежитъ особому управленію края, съ намѣстникомъ во главѣ.

Намѣстникъ назначается Верховною властью. Намѣстникъ не можетъ состоять одновременно командующимъ войсками“.

Въ представленномъ проектѣ заключаются очень и очень значительныя уступки, по сравненію съ тѣми положеніями, которыя были выработаны на сѣздахъ 1905 г., когда раздался лозунгъ: „русская свобода—это польская свобода“.

По проекту кола выборы въ Думу отъ Царства Польскаго имѣютъ происходить на общихъ съ Имперіей основаніяхъ, а

не въ видѣ делегаціи отъ польскаго сейма въ Варшавѣ, какъ предполагали поляки сначала, и какъ бы дѣйствительно слѣдовало логически при строгомъ проведеніи идеи автономіи, требующей одного только, а не двухъ представительствъ отъ Царства.

Первоначально поляки настаивали, чтобы при единствѣ арміи, рекруты Царства Польскаго проходили военную службу лишь въ его предѣлахъ. Для народовцевъ, какъ строгихъ націоналистовъ, это условіе имѣло особенно важное значеніе, такъ какъ имъ извѣстно, что возвращающіеся домой польскіе солдаты обнаруживаютъ часто значительную отчужденность отъ мѣстнаго населенія, внося въ жизнь его нарушенія привычной соціальной дисциплины, новые взгляды и пожеланія.

Польскій проектъ исключаетъ изъ компетенціи сейма цѣлый рядъ законодательныхъ полномочій, что не предусматривалось вовсе первоначальнымъ общимъ соглашеніемъ объ автономіи съ кадетами въ Варшавѣ и Москвѣ.

Всѣ эти уступки вызваны желаніемъ очистить путь для соглашенія и очень характерны для буржуазной партіи кола, надѣющейся путемъ соглашенія получить свободу.

Надо было видѣть, какъ правые вострепнулись при одномъ напоминаніи о законопроектѣ.

Когда было лишь заявлено о поступившемъ законопроектѣ объ автономіи Пуришкевичъ заерзалъ на своемъ мѣстѣ.

Онъ былъ похожъ на Мефистофеля, который корчится въ судорогахъ передъ видомъ креста, и такъ ошеломленъ неожиданно раздавшимся словомъ объ автономіи Польши, что переспросилъ съ мѣста:

— Автономіи... чего?

— Предлагается проектъ основныхъ положеній автономіи Царства Польскаго — говоритъ предсѣдатель.

Пуришкевичъ совершаетъ „выходъ“.

— Мы не имѣемъ права разсматривать этотъ вопросъ: онъ противорѣчитъ основнымъ законамъ...

Польское коло волнуется... Оттуда несутся крики:

— Долой!.. Что это такое?

— Вы возрождаете времена Маріи Терезіи, времена Екатерины II...—перекрикиваетъ шумъ Пуришкевичъ.

— Ораторъ, призываю васъ къ порядку! — провозглашаетъ предсѣдатель.

Пуришкевичъ покидаетъ и трибуну, и залъ. Онъ „возмущенъ открытымъ выступленіемъ революціи“ — такъ онъ заявляетъ въ кулуарахъ...

Законопроектъ пройдетъ, конечно, безъ заминки всѣ предварительныя стадіи, но благополучное его принятіе зависитъ отъ очень многого. Во первыхъ, общее политическое положеніе Думы. Затѣмъ, „соотношеніе силъ партій. Одинъ видный польскій посоль—депутатъ, съ тревогой говоритъ мнѣ: „я боюсь, чтобы партія народной свободы не задержала-бы проекта въ комиссіи, какъ залогъ...“

— Залогъ? Чего?—спросилъ я.

— Залогъ, что Коло приметъ аграрный проектъ кадетовъ.

Это отношеніе кадетовъ къ проекту коло чревато послѣдствіями. Коло можетъ своими голосами сыграть главную роль въ Думской игрѣ...

Когда оно убѣдится, что кадеты не только не могутъ, но и не хотятъ теперь дать автономіи, кто знаетъ, поддержать ли они впредь Думу съ кадетами на господствующей позиціи?

Кадеты теперь неприятно морщатся и говорятъ, что проектъ явился некстати и что онъ реальнаго значенія не имѣетъ, а является лишь манифестаціей. На проектъ будутъ сдѣланы въ Польшѣ ожесточенныя нападки справа и слѣва. Слева за тенденцію угодничества, справа за поспѣшность.

Уже теперь слышны голоса, что проектъ это—импровизація и что коло слишкомъ поторопилось со своей манифестаціей.

— Довольно манифестацій! — кричатъ справа. — Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ мы только ими и занимаемся въ Польшѣ. Мы думали вернуть свою независимость криками и пѣніемъ, слезами и кровавыми жертвоприношеніями, подобно тому, какъ русскіе революціонеры думали и по большей части думаютъ и теперь завоевать свободу рѣчами.

Одно возраженіе справа очень дѣйствительно: это по поводу заявленія лейбъ-органа народовцевъ „Gazetta Polska“, что проектъ автономіи—лишь база для переговоровъ и даже если онъ будетъ отвергнутъ, Польша не возьмется за оружіе. Справа говорятъ: „Итакъ рѣшено, что Польша не будетъ драться за проектъ автономіи. Но въ такомъ случаѣ, какъ же она можетъ начать серьезныя переговоры о ней? Въ области политики можно вести плодотворныя переговоры только въ томъ случаѣ, если есть надежды на успѣхъ въ вооруженной борьбѣ.“

— Это—хо-хо! политика г. де-ла-Полисса, который никогда не рѣшался заряжать свой пистолеть, когда у него не было пороху.

Это очень ядовитые намеки.... А развѣ не резонно возраженіе тѣхъ же правыхъ, что коло врядъ ли искренно желаетъ ввѣрить судьбы своего отечества сейму, избранному на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія,—собранію, куда они сами, судя по опыту послѣднихъ двухъ лѣтъ, не имѣли бы надежды попасть?

Коло въ раздумьи: куда ему пойти? Эти крупные аграріи и собственники и впрямь послушаются призывовъ, что опасно жарить свое жаркое у огня, охватившаго главный корпусъ зданія, лучше помогать тушить пожаръ.

XXI.

Черезъ нѣсколько дней думскія пасхальныя вакаціи и, какъ говорятъ, они будутъ очень продолжительными для всей Россіи. Думу будто-бы распустятъ во время вакацій.

Все идетъ къ тому: поляки позволили себѣ, дескать, заговорить объ автономіи, Дума отказывается осудить терроръ, начались аграрныя волненія, Дума разжигаетъ страну рѣчами...

Симптомы были: въ то время, когда лѣвая печать подвергалась систематическимъ гоненіямъ, когда нельзя было собираться, чтобы выслушать отчетъ депутата, Крушеванъ свободно читалъ лекціи о диктатурѣ. Въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ Грингмутъ, онъ рисовалъ положеніе Россіи и говорилъ, что больно смотрѣть, какъ Россія умираетъ, и только энергичное лекарство можетъ ее спасти. Нужно, чтобы во главѣ ея сталъ воодушевленный человекъ, который сохранилъ бы не только порядокъ, но и раздвинулъ горизонтъ жизни.

Возлагать надежды на Думу нельзя. Туда вошли отрицательные элементы. Нужна сильная, твердая власть и только она одна можетъ остановить революцію. Революцію дѣлають евреи. Если бы правительство сказало имъ: „прекратите ее, или мы васъ сметемъ“,—тогда она бы кончилась. „Но у насъ боятся, оправдываются—денегъ нѣтъ, а займы въ рукахъ евреевъ; но неужели же мы не предпочтемъ потерять миллиарды, но сохранить кровь русскихъ людей? Только когда Дума будетъ распущена, и на новыхъ законахъ, не допускающихъ въ народ-

ное законодательство невѣждъ, хулигановъ и отбросовъ общества, будутъ созваны новые народные представители и въ Думѣ явится новый работникъ, и вся русская интеллигенція соединится, чтобы возстановить нашу разрушенную школу, — вотъ тогда начнется исцѣленіе Россіи“.

Дума должна попасть, наконецъ, въ силокъ.

„Заговоръ“ Пихно съ правыми членами государственнаго совѣта, и какія-то резолюціи дворянскаго съѣзда, о которыхъ говорили съ очень многозначительнымъ видомъ—все это въ связи съ готовившейся резолюціей по поводу террора должно было свалить, наконецъ, ненавистную Думу.

Въ думскихъ кругахъ, даже очень сдержанныхъ, говорили, что угрожающіе симптомы очень реальны и что надо быть готовыми ко всему.

Совершенно неожиданно дѣло повернулось иначе: въ Думѣ положеніе спасли кадеты.

Предсѣдатель комиссіи о запросахъ Пергаментъ доложилъ, что работа комиссіи по подготовленію запроса о рижскихъ событіяхъ не закончена еще печатаніемъ; на слѣдующій день она будетъ отпечатана и роздана членамъ Думы.

— Какъ! — вскипѣлъ Крупенскій — На слѣдующій день вѣдь вопросъ о террорѣ?

— Если успѣемъ, то обсудимъ о террорѣ, а на очереди срочный запросъ о событіяхъ въ Ригѣ.

Пуришкевичъ былъ искренно пораженъ.

— Что-же это такое? — кипятится онъ среди иностранныхъ корреспондентовъ — Поглядите: убили въ Златоустѣ предсѣдателя союза русскаго народа, а мы не можемъ выразить своихъ чувствъ... Это терроръ со стороны большинства Думы...

— Предложите почтить его память—посоветовалъ ему кто-то.

— А статья 38-я?.. Меня форменно терроризируютъ... Нѣтъ, этого мы не допустимъ, чего-бы это намъ ни стоило.

— Учините обструкцію!

— А хотя-бы ее самую...

Пуришкевичъ злился не только на оппозицію. Горькимъ разочарованіемъ былъ для него отказъ гр. Бобринскаго поддержать его. Съ послѣднимъ правые какъ будто порвали. Бобринскій теперь ходитъ и слушается Михаила Стаховича. Этотъ сѣумѣлъ доказать ему всю незначительность оппозиціи край-

нихъ правыхъ, и Бобринскій теперь очень сдержанъ и старается держаться подалеже отъ прежней компаніи.

Только крайніе лѣвые, эсъ-деки и эсъ-эры, шли напрямикъ. Они готовы были принять бой на вопросъ о террорѣ.

Трудовики выставили Березина, который съ точки зрѣнія не тактики, а принципа, сказалъ, что странно было-бы спѣшить съ обсужденіемъ вопроса о террорѣ. „У насъ функція законодательная, а не митинговая, — говоритъ онъ, — можно отступить отъ обычнаго порядка, когда происходятъ событія, отъ которыхъ зависитъ что-либо важное... Дума не высказалась еще ни объ амнистіи, ни о смертной казни, ни о всеобщемъ обученіи“.

Пуришкевичъ багровѣетъ и рвется на трибуну.

Головинъ ему не даетъ слова.

— Вы уже говорили: пренія прекращены!

Когда крайніе лѣвые голосуютъ вмѣстѣ съ правыми предложеніе обсудить вопросъ срочно, Бобринскій, смягченный этимъ, говоритъ:

— Это, по моему, благородно: выступать съ открытымъ забраломъ.

Итакъ, вопросъ о террорѣ отсроченъ по крайней мѣрѣ на 4 дня, а быть можетъ и больше.

Для Думы настаетъ моментъ чисто-внѣшняго интереснаго событія: докладъ Головина въ Царскомъ Селѣ и его представленіе о работахъ Думы.

„Дума вступила на путь правильной законодательной работы“ — таково должно быть общее положеніе доклада Головина.

Столыпинъ появился сегодня въ Думѣ и бесѣдовалъ долго съ Головинымъ. Внѣшнія отношенія ихъ великолѣпны. Никто не сказалъ-бы, глядя на нихъ, что это два представителя власти, борящіеся другъ съ другомъ.

Послѣ визита Головина въ Думѣ стало спокойнѣе.

Со словъ Головина увѣряютъ въ полной благожелательности къ Думѣ. Всѣ крикливыя телеграммы о роспускѣ Думы не имѣютъ для нея особеннаго значенія. Это лишь выраженіе мнѣнія небольшой части населенія. Къ функціямъ народнаго представительства, къ политическимъ тенденціямъ членовъ Думы относятся съ большимъ вниманіемъ. Отъ Думы ожидаютъ вѣдь все-таки умиротворенія и возможности приступить къ новой

творческой работѣ. Отъ Думы ждуть многого — и желаютъ совмѣстной съ правительствомъ работы.

Головинъ вынесъ впечатлѣніе, что укрѣпленію Думы способствуетъ больше всего законодательная работа, къ которой она уже приступила. Министерство пользуется прочнымъ довѣріемъ и считается дѣйствующимъ цѣлесообразно и въ связи съ интересами народа.

Изъ за-границы пришли вѣсти, что посѣщеніе Голозина обозначаетъ собою упроченіе конституціоннаго режима и даже образованіе умѣренного общественнаго министерства.

Головинъ долженъ — такъ говорятъ крупныя органы европейской прессы — посѣтить еще разъ Царское Село въ качествѣ „честнаго маклера“ по организациіи общественнаго министерства. Министры, извѣстные своею неуступчивостью, уйдуть, и на ихъ мѣста будутъ приглашены другіе, изъ политическихъ дѣятелей, частью изъ состава Думы, частью внѣ ея.

Столыпинъ преданъ конституціонализму болѣе, чѣмъ всѣ это себѣ представляютъ — а рьяныя попытки правыхъ отодвинули его самого влѣво. Корреспондентъ консервативнаго нѣмецкаго органа сказалъ мнѣ, что Столыпинъ оказываетъ упорнѣйшее сопротивленіе всѣмъ натискамъ справа. — „Никто себѣ даже представить не можетъ, сколько треній приходится преодолевать премьеру“ — увѣрялъ онъ меня.

— Вѣдь тамъ кипитъ непрестанная война — махнулъ рукою мой собесѣдникъ — и я вамъ сообщу любопытное наблюденіе.

— Иностранецъ, возвращающійся теперь обратно въ Берлинъ, гдѣ онъ ведетъ большой политической органъ, пріѣхалъ въ Думу для того, чтобы лучше оріентироваться въ событіяхъ и впечатлѣніяхъ... Онъ подѣлился со мною одной стороною своихъ наблюденій.

— Я убѣжденный консерваторъ — и я не люблю революціи съ ея кровопролитіемъ, какъ и государственныя перевороты справа, съ еще большимъ кровопролитіемъ... Я монархистъ. И меня поражило отношеніе правыхъ къ этой идеѣ. Они усиленно втягиваютъ и въ пренія, и въ политическую борьбу имена, которыя должны быть внѣ этой борьбы. Есть лица, по природѣ своей безответственныя, лица, стоящія внѣ политики и надъ политикой... Но вашъ Пуришкевичъ или Келеповскій, съ которыми президентъ нашего рейхстага обошелся бы покруче, это нашъ графъ Шенбрунъ, который дѣятельно подрывалъ въ 48

году ту идею, которой онъ якобы служилъ. Со стороны лѣвыхъ которые идутъ по своимъ политическимъ требованіямъ дальше конституціонной монархіи, я не видѣлъ ничего подобнаго.

Послѣ аудіенціи Головина правые заволновались: эти plus royalistes que le roi même попытались немедленно же подвести контръ-мину — и послать новую „правую“ депутацію. Собралось 22 депутата, составили они адресъ и получили день для аудіенціи. Въ адресѣ были только выраженіе чувства... и просьба о землѣ. Эта прибавка о землѣ приводила въ отчаяніе правыхъ помѣщиковъ. Что ни крестьянское ходатайство, то просьба о землѣ. Изъ одного мѣста поступила телеграмма на Высочайшее имя, гдѣ было сказано: „повели, Государь, не давать евреямъ равноправія, а намъ дай земли“.

Въ воздухѣ вѣетъ либерализмомъ, который вызываетъ у кадетовъ легкое головокруженіе.

Толки о роспускѣ Думы прекратились. До перерыва на десять дней все пойдетъ мирно и гладко, а затѣмъ настанетъ веселый мѣсяцъ май.

Въ глубинахъ партій, встревоженныхъ не одними внѣшними симптомами, но глядящими въ корень вещей, все еще считаются съ возможностью роспуска, такъ что трудовики будутъ совѣщаться — разѣзжаться-ли имъ на пасхальныя ваканціи или нѣтъ.

— Уѣдешь, а послѣ и пріѣзжать не зачѣмъ будетъ! — говорятъ трудовики.

XXII.

„Въ этомъ вопросѣ завязанъ узелъ событій“, — думалъ я по поводу закрытаго засѣданія Думы, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о контингентѣ новобранцевъ на текущей годъ. Сегодня Парка, ткущая нить жизни Думы, оборветъ, быть можетъ, ее — и это не будетъ неожиданностью.

Дума, казалось, должна сегодня перешагнуть роковую черту, за которой начинается небытіе — и, если благодаря закрытымъ дверямъ, вопросъ не такъ значительно обострится, то передъ правительствомъ за то встанетъ необходимость сказать категорически:

— Да, мы не уживемся вмѣстѣ... Кто-либо изъ насъ долженъ уступить.

Въ томъ рѣшеніи Думы, которое у насъ передъ глазами, видно уже отчасти, что мы вступили не въ новый, а въ цѣлую полосу конфликтовъ, что есть противорѣчія непоправимыя...

Этому рѣшенію предшествовали дни работы въ комиссіи и дни бурныхъ собраній фракцій. Такимъ языкомъ, какимъ они говорили на засѣданіяхъ фракцій, депутаты, конечно, не говорили въ засѣданіи Думы, но вся скорбь народныхъ представителей, несомнѣнно, вылилась.

Пока мы знали очень немного, но и это немного было знаменательнымъ.

Рѣшеніе депутатовъ лѣваго крыла не было неожиданнымъ: вопросъ о контингентѣ арміи разбирался до думскаго засѣданія въ комиссіи и во фракціяхъ.

Всѣ были неприятно поражены тѣмъ, что вопросъ о контингентѣ, вопросъ крайне срочный, который необходимо было разрѣшить до 1 мая, внесенъ въ Думу за пять дней до каникулъ. Многіе увѣрены, что это было сдѣлано преднамѣренно.

Сначала члены комиссіи стояли на томъ, что нужно сократить контингентъ новобранцевъ до нормы 1903 года, то-есть гдѣ до войны. Но когда она ознакомилась съ разъясненіями министра, доказавшими ей, что она безсильна что-либо измѣнить, а можетъ лишь сказать: „да или нѣтъ“, тогда четыре члена высказались за утверженіе, а два противъ. Въ числѣ первыхъ были Кузьминъ-Караваевъ, Араканцевъ и Щербина; въ числѣ вторыхъ — Карташевъ и Горбуновъ.

Въ субботу вечеромъ въ клубахъ шла отчаянная перепалка, особенно у трудовиковъ и народныхъ социалистовъ. Представитель народныхъ социалистовъ, Щербина, подалъ въ комиссіи голосъ за утверженіе — и лично противъ него нападки дошли до того, что ему придется покинуть фракцію. У трудовиковъ часть была за утверженіе. При голосованіи одержали верхъ сторонники неутверженія, но они предоставили меньшинству право воздержаться отъ голосованія посредствомъ выхода изъ зала.

Трудовики изъ числа тѣхъ, что много говорятъ только въ клубѣ, излили душу: они припомнили все и посмотрѣли на свою задачу, какъ на обязанность передъ народомъ, который не хочетъ нести ненужную тяготу кроваваго налога. Разсужденія многихъ изъ нихъ были для современной политической конъюнктуры слабы, но по обыкновенію искренни.

Говорили про войну, про карательныя экспедиціи. про усиленную охрану. Вопросъ былъ перенесенъ сразу на внутреннюю политику и вопросъ объ арміи, какъ охранительницѣ достоинства и цѣлости государства, былъ отодвинутъ.

Естественно горячее чувство негодованія на тотъ порядокъ, при которомъ всякій принципъ превращается въ орудіе зла и угнетенія, туманило голову. Всѣ эти Рогожи, Веремеенко, Сайко, Носикъ хлопали руками о кафтанъ:

— Какъ, да насъ-же бить собственными руками? да противъ себя голосовать? Не обошлось безъ указаній на мирную конференцію, какъ будто ее можно учесть въ качествѣ реального факта.

— Позвольте, мы вѣдь первые кричимъ про разоруженіе, покажемъ примѣръ...

— Далеко хватили... Дожидайтесь!

Многіе указали на возможность дѣйствовать посредствомъ бюджета.

— Сократите — говорили они — бюджетъ и вы этимъ сократите контингентъ!

— Да вѣдь и бюджетъ утвержденъ нами не будетъ — возражали имъ — вы контингентъ то утвердите, а чѣмъ кормить ихъ будете?

— Не давать! — и дѣло съ концомъ! Пусть набираютъ по примѣру прошлаго года, сколько надо. Но мы-то не одобримъ!

— Народъ не пойметъ васъ — предупредительно звучали голоса иныхъ — это шаткая позиція: на ней боя давать не слѣдуетъ.

Эсеры и эдеки голосовали такъ-же рѣшительно, какъ и въ вопросѣ о бюджетѣ. Самая значительная произошла пертурбація у кадетовъ: они понимали всю остроту вопроса и все значеніе его рѣшенія въ ту или другую сторону. Ихъ сильно смущала шаткость большинства.

— А что, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — если правые, чтобы подвести Думу подъ ударъ, будутъ голосовать вмѣстѣ съ лѣвыми?

— Этого никогда не будетъ... Есть вещи, на которыя даже они не рѣшатся — успокаивали ихъ.

Смущало многихъ отношеніе польскаго коло. Оно принципиально было противъ утвержденія контингента. Тутъ были не только историческія или политическія соображенія, но и психологическія.

— Царство должно голосовать^ъ противъ, — горячо сказали Янъ Стецкій, — не забудемъ, откуда мы пришли!

— А почтенный депутатъ знаетъ, что это означаетъ? — спросилъ Жуковскій.

Многіе въ виду реальной угрозы, такъ ясно всѣми осязаемой, стояли на томъ, чтобы воздержаться отъ голосованія. Но другіе резонно возражали:

— Вы хотите сохранить Думу? Сохранить ее вы можете дѣйствиємъ, но не бездѣйствиємъ. Воздержаться — это значить умыть руки... Этого нельзя...

Большинство для кадетовъ было совсѣмъ шаткое. Многіе правые уѣхали, кадеты также. Безпартійные, человѣкъ двадцать, утромъ еще выѣхали. Надо было убѣдить Думу, а не полагаться на численность.

На засѣданія лѣвыя группы шли сплоченными рядами. Предполагалось, что онѣ могутъ собрать рѣдкое для нихъ большинство. Многихъ изъ центра и правыхъ не было; о поведеніи лѣвой части мусульманъ также ничего не было извѣстно; кадеты съ точностью подсчитывали силы... и сообщали аргументы. Всѣмъ было уже извѣстно, что въ кадетской партіи однимъ изъ авторитетныхъ вождей высказано было, что за границей отказъ въ контингентѣ явился-бы самымъ легальнымъ поводомъ къ разгону и что, когда тамъ сознательно шли на роспускъ парламента, то этотъ вопросъ дѣлался тамъ предметомъ конфликта.

Настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Въ воздухѣ вѣяло грозой.

Отъ имени большинства комиссіи, разсматривавшей министерскій законопроектъ, представилъ обширный докладъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Докладчикъ отстаивалъ ту точку зрѣнія, что Дума не можетъ отказать правительству въ предоставленіи войскъ, такъ какъ армія служить для защиты внѣшней безопасности государства. Въ заключеніе своей рѣчи г. Кузьминъ-Караваевъ предложилъ Думѣ принять мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Въ этомъ переходѣ указывается на необходимость стремиться къ уменьшенію арміи, что вполне достижимо, такъ какъ въ настоящее время войска комплектуются не только для защиты границъ отъ внѣшняго врага, но и для исполненія полицейской службы, а также для исполненія обязанностей прислуги. Послѣ Кузьмина-Караваева говорилъ воен-

ный министр г. Редигеръ, который указывалъ, что военнымъ министерствомъ уже проектированы и частью постепенно проводятся въ жизнь тѣ мѣропріятія, на которыя указывалъ докладчикъ. Въ заключеніе своей рѣчи министр указывалъ, что уничтожить кадры прислуги сразу въ одинъ пріемъ невозможно.

Свою рѣчь министр произносилъ очень рѣзкимъ, переходившимъ постепенно въ крикъ, голосомъ. Рѣзкій тонъ рѣчи министра вызвалъ шумные протесты на скамьяхъ лѣвыхъ депутатовъ. Слѣдующій ораторъ, І. В. Гессенъ, выразилъ сожалѣніе, что министр внесъ такую страстность въ обсужденіе чрезвычайно важнаго вопроса, который необходимо обсудить самымъ спокойнымъ образомъ, — и произнесъ свою рѣчь тономъ, какимъ не принято говорить съ народными представителями. Эта часть рѣчи І. В. Гессена была покрыта аплодисментами. Въ дальнѣйшей части ея ораторъ развивалъ точку зрѣнія к.-д. на вопросъ объ отношеніи къ проекту министерства.

Мнѣніе меньшинства комиссіи, разсматривавшей министерскій проектъ, развивалъ трудовикъ Карташевъ.

Отъ имени польскаго коло говорилъ депутатъ Коницъ, заявившій, что коло, во имя государственности, во имя недѣлимости и нераздѣльности Россіи, высказывается за утверженіе правительственнаго проекта. Въ своей рѣчи г. Коницъ полемизировалъ, между прочимъ, съ министромъ финансовъ В. Н. Коковцевымъ, указывавшемъ, какъ извѣстно, въ своей бюджетной рѣчи, что поляки несутъ меньшія тяготы, чѣмъ коренное русское населеніе. Коницъ доказывалъ, что въ дѣлѣ снабженія государства солдатами поляки несутъ не меньшія, если не большія, тяготы, чѣмъ коренное населеніе.

Представитель мусульманской группы, г. Максудовъ, также высказывался отъ имени своей фракціи за утверженіе проекта.

Послѣ часового перерыва, объявленнаго въ 2 часа дня, говорили правые, октябристъ Лошкаревъ и нѣсколько правыхъ крестьянъ, указывавшихъ, что крестьяне не за тѣмъ прислали своихъ представителей въ Думу, чтобы разрушать армію и губить Россію.

Правымъ депутатамъ возражалъ трудовикъ Семеновъ, высказавшійся противъ утвержденія проекта.

В. А. Маклаковъ пугалъ лѣвыхъ, стоящихъ за отклоненіе проекта, „Европой“. Ораторъ указывалъ, что „Европа“ не поиметь отказа народныхъ представителей правительству въ ре-

крутахъ и скажетъ, что народное представительство, не дающее войскъ на защиту отечества, недостойно этого имени. Ораторъ находилъ, что отклоненіе правительственнаго проекта не встрѣтитъ сочувствія въ странѣ, которая ждетъ отъ депутатовъ серьезной работы и серьезнаго обсужденія серьезныхъ вопросовъ.

Начинаетъ свою рѣчь о роли арміи въ современномъ государствѣ с.-д. Зурабовъ.

Когда ораторъ перешелъ къ изложенію взгляда своей партіи на необходимость замѣнить постоянное войско народнымъ ополченіемъ, онъ былъ дважды остановленъ предсѣдателемъ, а на скамьяхъ правыхъ депутатовъ начался шумъ. Зурабовъ перешелъ къ критикѣ задачъ, возлагаемыхъ въ настоящее время на армію. По словамъ депутатовъ, отнесшихся совершенно отрицательно къ рѣчи Зурабова, ораторъ не имѣлъ въ виду оскорбить армію, и рѣзкія мѣста его рѣчи были направлены не противъ арміи, а противъ современнаго режима, возлагающаго на армію несоотвѣтствующія задачи... Исходя изъ того положенія, что современная армія отрываетъ отъ производительнаго труда главныя массы трудящагося населенія — и это ложится тяжкимъ бременемъ на него; что самодержавное правительство направляетъ армію противъ народа; признавая также, что наша армія въ самодержавномъ государствѣ никогда не будетъ приспособлена въ цѣляхъ внѣшней обороны,—ораторъ указалъ, что такая армія можетъ успѣшно воевать только съ народомъ и его представителями, на Западѣ-же, какъ и на Востокѣ она будетъ терпѣть пораженія.

Рѣчь Зурабова была понята частью правыхъ депутатовъ, какъ оскорбленіе арміи. Начался невѣроятный шумъ. Военный министръ и чины военнаго министерства, сидѣвшіе въ министерской ложѣ, встали со своихъ мѣстъ. Правые потребовали примѣненія къ Зурабову ст. 38 полож. о Думѣ.

Лѣвые, въ свою очередь, требовали, чтобы Зурабову была дана возможность закончить его рѣчь. Съ большимъ трудомъ предсѣдателю удалось возстановить спокойствіе.

Зурабовъ принялъ предложеніе предсѣдателя дать свои объясненія по поводу своей рѣчи и сдѣлалъ попытку доказать, что его слова не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго для арміи. Депутатъ началъ повторять сказанное имъ, доказывая, что его плохо поняли...

Но едва онъ началъ говорить, какъ шумъ въ залѣ усилился

до невѣроятной степени, такъ какъ многіе поняли Зурабова въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ второй разъ повторить то, за что ему уже было сдѣлано два замѣчанія...

Правые депутаты бросились къ каедрѣ, требуя немедленнаго удаленія Зурабова.

Предсѣдатель пытался указать, что онъ считаетъ инцидентъ исчерпаннымъ, но шумъ заглушалъ его голосъ.

Правые и умѣренные депутаты демонстративно покинули залъ засѣданія.

Одновременно покинули свои мѣста военный министръ и чины военнаго министерства.

Шумъ въ залѣ продолжался, и предсѣдатель вынужденъ былъ прервать засѣданіе.

Во время перерыва распространился слухъ, что Ф. А. Головину было указано на необходимость удаленія Зурабова изъ залы засѣданія, иначе Думу ждутъ чрезвычайныя осложненія.

Въ информаціонномъ бюро, совѣщавшемся во время перерыва, не было достигнуто никакого соглашенія относительно того, какъ поступить по отношенію къ Зурабову и вообще какъ вести по возобновленіи засѣданіе...

Начались совѣщанія отдѣльныхъ фракцій. Лѣвые рѣшили въ случаѣ примѣненія къ Зурабову какой-нибудь кары покинуть на сегодняшнее засѣданіе залу засѣданія. Правые также хотѣли покинуть засѣданіе, но конст.-демократамъ удалось убѣдить ихъ остаться.

Вмѣсто предполагавшихся десяти минутъ перерывъ длился около двухъ часовъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдатель заявилъ, что, ознакомившись во время перерыва по стенограммѣ съ рѣчью Зурабова, онъ находитъ, что въ ней заключались выраженія, недопустимыя по адресу арміи. Въ виду этого онъ дѣлаетъ автору третье замѣчаніе, лишаетъ его слова и проситъ Государственную Думу баллотировкой высказаться, одобряетъ-ли она его дѣйствія въ этомъ отношеніи или нѣтъ.

Слова предсѣдателя вызываютъ протесты со стороны лѣвыхъ. На каедрѣ входитъ Церетели и начинаетъ что-то говорить, но предсѣдатель заявляетъ, что никакихъ преній по сдѣланному имъ предложенію онъ не допуститъ. Церетели тѣмъ не менѣе начинаетъ доказывать, что Зурабовъ не заслужилъ лишенія его слова, такъ какъ не сказалъ ничего оскорбительнаго по

адресу арміи.

Шумъ въ залѣ усиливается, предсѣдатель усиленно призываетъ оратора и депутатовъ къ порядку, но это не помогаетъ. Наконецъ, Церетели выкрикиваетъ что то въ видѣ протеста противъ незаслуженнаго лишенія Зурабова слова. Вслѣдъ за этимъ социаль-демократы, социалисты-революціонеры, народные социалисты и трудовики покидаютъ залу. Предсѣдатель ставитъ на голосованіе свое предложеніе и оно принимается почти единогласно.

Послѣ этого засѣданіе прерывается до слѣдующаго дня.

Вечеромъ во фракціи народной свободы, куда начали приходить депутаты, было очень бурно.

Благодушный Долгоруковъ кипѣлъ, какъ юноша, и съ досадою восклицалъ:

— Нѣтъ, это трагедія... Тянули, тянули, дошли до конца, глядь—все кувырккомъ!

Маклаковъ угрюмо ворчалъ:

— И зачѣмъ понадобился этотъ социаль-демократическій крикъ сердца? Что за сентиментализмъ пугать громкими словами! Какъ будто проще нельзя выразится?

П. Н. Милюковъ тревожился изъ Финляндіи и переговаривался по телефону.

— Выѣзжать-ли?—спрашивалъ онъ.

— Все уладилось, — отвѣчали ему, — а если послѣдуетъ ухудшеніе, вызовемъ васъ.

Ночью Головинъ былъ у военнаго министра и ему „удалось уладить конфликтъ“.

Какою цѣною?

Да развѣ объ этомъ спрашивали? Кадеты могутъ сообщить безпокоющемуся Милюкову, перефразируя французскаго короля: „Все спасено, кромѣ чести“...

Засѣданіе возобновилось на слѣдующій день.

Наступалъ и предсѣдательскій кризисъ. Головинъ заявлялъ, что если придется, онъ сложитъ съ себя полномочія. Его сильно угнетала демонстрація слѣва, направленная всецѣло противъ него. Стоило правымъ голосовать противъ него—и они-бы его свалили. Но и они такъ увлеклись своею борьбой съ лѣвыми, что забыли Головину все свое недовольство имъ и поддержали его въ трудную минуту. Лѣвые очень негодовали по пово-

ду его визита: пахло униженіемъ достоинства Думы. Многие разсуждали, что обидчивость—это только предлогъ, что она лишь маневръ арміи, осаждающей Думу, чтобы выяснить готовность противника.

И эту „готовность“ они увидѣли!

Министры отсутствовали—несомнѣнно демонстративно. Наканунѣ они ушли изъ зала, а вечеромъ, когда работала финансовая коммиссія подъ предсѣдательствомъ М. П. Оедорова, изъ нея послѣ извѣстія по телефону ушли всѣ чиновники и товарищи министра.

Оедоровъ, какъ передаютъ, видя ихъ внезапно сдѣлавшіяся холодными лица и сухое откланиванье, сказалъ со вздохомъ:

—Ну, прощайте! Значить, не увидимся уже?!

Сегодня никого изъ министерства не было, хотя наступалъ самый интересный моментъ—голосованіе.

Уже передъ самымъ засѣданіемъ мы узнали, что коло рѣшило категорически заявить о своемъ согласіи съ кадетами—и, такимъ образомъ, тактическія соображенія одержали верхъ надъ принципіальными. Когда вопросъ возникъ въ реальной формѣ, то могла-ли партія народовцевъ, выдающая себя за партію реальной политики, говорить и голосовать иначе?

Депутатъ Коницъ,—одинъ изъ тонкихъ дипломатовъ,—должень былъ сказать рѣчь, которая прикрыла-бы мысли коло. И послѣ этого стало ясно, гдѣ будутъ голоса коло при вопросѣ о контингентѣ.

Во время засѣданія ораторомъ лѣвыхъ фракцій горячо возражалъ А. А. Кизеветтеръ, указывавшій что къ вопросу о представленіи войскъ правительству нужно отнестись съ государственной, а не партійной точки зрѣнія. Если стоять на точкѣ зрѣнія лѣвыхъ партій о томъ, что войско служитъ правительству орудіемъ борьбы противъ народа, и потому правительству не надо давать солдатъ, то логически слѣдуетъ притти къ выводу, что правительству не надо давать денегъ на телеграфные столбы, ибо они вѣдь тоже могутъ служить орудіемъ борьбы правительства противъ народа... Ораторъ приводилъ въ примѣръ депутатамъ лѣвыхъ фракцій Бебеля, который однажды заявилъ въ германскомъ рейхстагѣ, что социаль-демократы высказываются противъ постоянного войска, но если бы Германіи грозила внѣшняя опасность, то социаль-демократы сами встали бы въ защиту отечества.

При этихъ словахъ оратора прервали съ лѣвыхъ скамей восклицаніями о томъ, что то же самое говорятъ и то же самое сдѣлали бы и русскіе социалисты.

Рабиновичъ говорилъ въ защиту евреевъ, доказывая, что тяготы воинской повинности ложатся на нихъ такъ же, какъ и на всѣ остальные народности Россіи.

Горбуновъ высказывается отъ имени фракціи социалистовъ-революціонеровъ противъ утвержденія министерскаго проекта.

Заключительную рѣчь произнесъ докладчикъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, возражавшій ораторамъ лѣвыхъ фракцій, высказавшихся противъ утвержденія проекта.

Послѣ этого дума приступила къ голосованію. Предложеніе объ утвержденіи проекта военнаго министерства оказалось принятымъ большинствомъ 193 противъ 129 голосовъ. Противъ министерскаго проекта голосовали социаль-демократы, социалисты-революціонеры, народные социалисты и 19 трудовиковъ. Значительная часть трудовиковъ или вовсе не присутствовала на засѣданіи или воздержалась отъ голосованія.

На голосованіе была затѣмъ поставлена формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная комиссіей. Правые предложили внести въ эту формулу поправку, въ которой указывалось на уваженіе, питаемое государственной думой къ арміи.

Предсѣдатель указаль, что поправка, внесенная правыми, является совершенно самостоятельнымъ предложеніемъ и потому не можетъ быть проголосована, какъ поправка. Въ виду этого предсѣдатель, прежде всего, поставилъ на голосованіе предложеніе о принятіи предложенной комиссіей формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Формула оказалась принятой единогласно. Социаль-демократы отъ голосованія воздержались.

Послѣ этого предсѣдатель замѣтилъ, что въ засѣданіи 16-го апрѣля произошелъ печальный инцидентъ. Была произнесена рѣчь, въ которой были усмотрѣны упреки по адресу нашей доблестной арміи, безусловно недопустимые въ стѣнахъ законодательнаго учрежденія. Указавъ, что армія всегда выполняла свой долгъ и что государственная дума, безъ сомнѣнія, относится съ высокимъ уваженіемъ къ нашей доблестной арміи, Ф. А. Головинъ, выразилъ увѣренность, что вчерашній инцидентъ можно считать исчерпаннымъ. Раздались аплодисменты на скамьяхъ правыхъ и центра. Правые депутаты сочли себя, повидиму, вполне удовлетворенными словами предсѣдателя, и никакихъ

заявленій о своемъ предложеніи они больше не дѣлали.

Надо отмѣтить, что когда Головинъ въ концѣ засѣданія читаль свою „искупительную“ рѣчь, которая, согласно желанію министра, опубликована, то коло поднялось и демонстративно ушло. Словомъ, всѣ части Думы уходили поочереды: правые, лѣвые, коло ..

Одинъ лишь центръ сидѣлъ.

Предстояло еще въ этомъ же засѣданіи обсудить законопроектъ объ отмѣнѣ полевыхъ судовъ.

Кулуары гудѣли... Шли перекрестные вопросы, передавалось содержаніе рѣчей, объяснялось поведеніе фракцій, сообщались извѣстія о положеніи самой Думы. Зурабова обступила цѣлая группа журналистовъ, чловѣкъ въ пятьдесятъ, и онъ, охрипшимъ отъ волненія голосомъ, заявилъ: „я не хотѣлъ оскорблять армию: я умѣю уважать гражданъ, носящихъ военный мундиръ, и меня просто хотѣли понять въ оскорбительномъ смыслѣ“.

Выяснилось, до какой степени положеніе было критическимъ: если бы не объясненіе Головина съ военнымъ министромъ и согласіе его на манифестацію, произведенную въ концѣ засѣданія, то военный министръ, считавшій себя обязаннымъ вступить за армию, вышелъ бы въ отставку. Надо отдать справедливость Столыпину: онъ — наравнѣ съ Головинымъ — старался уладить весь инцидентъ, его поддерживало большинство министровъ, и Дума была сохранена, во всякомъ случаѣ, до окончанія голосованія.

Ка-деты негодовали.

— Вотъ это я называю чистой разрушительной работой: жесты, слова, которыя могли повлечь за собою несчастье... Сплошная фраза — и какое послѣдствіе? Развѣ это критика законопроекта? Это — полемическій выпадъ, никого не убѣждающій“. Такъ кипѣлъ Родичевъ.

А эсдеки рѣжутъ напрямикъ. — Лучше сознательно пойти навстрѣчу роспуску Думы, чѣмъ длить такое ея существованіе.

Самое печальное еще впереди.

Дума соберется, несомнѣнно, съ глубокой трещиной въ самой себѣ. Получается впечатлѣніе, что сдѣлать она сумѣла очень мало, но всѣ уже перегрызлись другъ съ другомъ.

Первымъ будетъ предстоять разрѣшеніе предсѣдательскаго кризиса. Послѣ окончанія закрытаго засѣданія, ему поданъ былъ протестъ, направленный не только противъ его дѣйствій,

но и лично противъ него. Протестъ спрашивалъ: допустимо ли подобное отношеніе къ членамъ Думы и можетъ ли оставаться предсѣдателемъ Государственной Думы лицо, не пользующееся уже довѣріемъ большинства Думы? Головинъ твердо заявилъ:

— Этотъ протестъ, какъ осуждающій мои дѣйствія, мною будетъ только приобщенъ къ дѣлу*.

Церетели вскакиваетъ:

— Но въ немъ заключается предложеніе Думѣ!

— Я знаю—и, тѣмъ не менѣе, я его на обсужденіе не поставлю.

— Вы—сторона въ этомъ дѣлѣ,—кричитъ Церетели.

— Замолчите!—неожиданно вступается Пуришкевичъ, и его „вступленіе“ такъ комично, что поневолѣ смѣешься.

Искупительною рѣчью Головина инцидентъ съ Зурабовымъ благополучно погрузился въ исторію. Правда, въ обвинительный актъ противъ Думы внесено еще одно вѣсское обвиненіе, могущее сослужить службу при случаѣ.

Послѣ шума наступила реакція, и Дума скоро покончила нѣсколько важныхъ вопросовъ. Втеченіе какихъ-нибудь трехъ часовъ, Дума приняла цѣлыхъ три законопроекта и разобрала нѣсколько запросовъ. При обсужденіи послѣднихъ происходило журьезное состязаніе.

— Надо обсудить о мѣрахъ министерства земледѣлія относительно переселенія... Это очень важно—говоритъ соц.-рев. Ширскій.

— Надо обсудить запросъ о гоненіяхъ на профессиональные союзы—говоритъ соц.-дем. Алексинскій.

— Надо обсуждать запросъ о Сѣдлецкомъ погромѣ,—говоритъ членъ коло Дмовскій.

И каждый выдвигаетъ свой запросъ съ той вѣрой, что если Дума скажетъ по немъ свое слово, то наступитъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе...

Послѣ ассигнованія шести милліоновъ для помощи голодающему населенію, заговорили объ отмѣнѣ полевыхъ судовъ.

Министерство загадочно молчало. Со дня перваго обсужденія закона прошелъ мѣсяцъ, втеченіе котораго оно должно было дать свой отвѣтъ. Сегодня никто изъ министровъ не явился и передъ Думой виталъ вопросъ, обсуждать ли законопроектъ безъ ихъ заключенія? Думскій законникъ Кузьминъ-Караваевъ разъяснилъ, что если нѣтъ министерскаго заключенія, то можно

обсуждать вопросъ и безъ него. Дѣйствительно, какъ министерство станетъ давать свое заключеніе по вопросу, имъ же осужденному?

Все равно, законъ этотъ долженъ 20-го умереть естественною своею смертью.

Но Дума рѣшила похоронить его.

И похоронила единогласно, такъ какъ правые участія въ похоронахъ не приняли. Никто не хотѣлъ сказать даже надгробнаго слова...

Его похоронили среди всеобщаго презрѣнія, какъ обезчещенная мать хоронитъ маленькаго урода.

Это была революція презрѣнія, та *revolution du mepris*, которая безъ усилій сбросила гнилую имперію маленькаго Наполеона.

Тихо закопали его въ могилу... А сколькоихъ онъ закопалъ раньше?

Этимъ закончилось послѣднее засѣданіе Думы.

Я и до сихъ поръ не знаю, въ какомъ смыслѣ считать это засѣданіе послѣднимъ: послѣднее-ли вообще, или послѣднее въ текущемъ мѣсяцѣ.

Все говоритъ за то, что только послѣднее въ этотъ періодъ, но кто знаетъ, не произойдетъ-ли то-же самое, что и наканунѣ 9-го іюля? Внѣшнее спокойствіе, обманчивая надежда, что инцидентъ исчерпанъ, а затѣмъ неожиданно мы проснемся безъ Думы.

Сегодня послѣ улаженія инцидента съ Зурабовымъ все-таки продолжали говорить, что реакція подняла голову. Два обстоятельства выдвигались противъ Думы: автономія и отношеніе къ арміи.

— Съ Думой такихъ тенденцій мириться нельзя — говорилъ Пихно правымъ верхней палаты нашей.

Дума разошлась сегодня на пасхальныя вакаціи... Ближайшее засѣданіе состоится тридцатаго въ понедѣльникъ, — несомнѣнно, съ этого дня начнется новая эпоха, по крайней мѣрѣ, въ жизни второй Думы... Событія послѣднихъ двухъ засѣданій произвели большое впечатлѣніе на членовъ Думы, и въ теченіе свободныхъ дней произойдетъ несомнѣнно переоцѣнка цѣнностей.

Дѣло не въ инцидентѣ съ Зурабовымъ, а въ томъ, что между центромъ и лѣвыми вырыта ничѣмъ незаполнимая пропасть, что трудовая группа раскалывается на двое — и что прин-

ципъ лѣвыхъ „беречь Думу“, замѣняется другимъ — „нечего беречь такую Думу“.

Много накопѣло въ депутатахъ горечи, и слишкомъ много внесено страданія въ атмосферу закрытыхъ двухъ засѣданій по одному изъ больныхъ вопросовъ, чтобы все это не отразилось на депутатахъ самымъ рѣшающимъ образомъ.⁹

Сегодня же многіе депутаты уѣхали. Мои знакомые крестьяне уѣхали въ Крымъ, Подолію, Полтаву. Я отправился ихъ проводить... Скромные, они терялись въ большой предпраздничной толпѣ отъѣзжающихъ и везли домой гостинцы: «Письма Депутата» и газету „Трудовой Народъ“. Въ первый разъ пріѣдутъ на побывку домой народные представители—и въ Великій день мира скажутъ избравшимъ ихъ о томъ великомъ днѣ мира, котораго они добиваются.

У депутатовъ было смутно на душѣ; у всѣхъ вертѣлся вопросъ: что скажемъ дома? Какія надежды?

— Эхъ—говорилъ Маляренко—пусть мѣняютъ свой наказъ; раньше говорили: добейтесь земли, теперича пусть говорятъ: бейтесь за землю!.. Тогда и посмотримъ.

— Придется ли свидѣться?—смѣется Семеновъ.

— Ого, еще какъ... Теперь вѣдь тихо... Недѣля о невѣрующемъ впереди еще...

XXIII.

По тону, который слышался сегодня въ разговорахъ прибывшихъ уже изъ нѣкоторыхъ губерній обратно депутатовъ видно, что кризисъ наступаетъ. Онъ долженъ разрѣшиться либо полнымъ ходомъ органической Думской работы, либо Дума пойдетъ ломить внѣ колеи и, наткнувшись на препятствіе, разобьется...

Пріѣхавшіе депутаты констатировали чрезвычайное утомленіе въ широкихъ массахъ—и отчасти благодаря Думѣ. На нее—и только на нее—масса возлагаетъ всѣ свои надежды и чуть ли не во всѣхъ мелочахъ жизни уповаютъ на Думу. Въ прошломъ году одинъ крестьянинъ обратился къ Кузьмину-Караваяву съ просьбою посовѣтовать насчетъ продажи коровы за невнесеніе недоимки, а нынѣ одинъ мужичекъ жаловался на высокое обложение священникомъ обряда освященія куличей. Это далеко не единичный фактъ, находящій въ себѣ тысячекратное подтвер-

жденіе. Въ десяткахъ тысячъ наказовъ, посланныхъ депутатамъ, говорится въ заключительномъ актѣ, что вся надежда на Думу. И эта вѣра отрываетъ отъ земли; отъ сознательнаго отношенія къ вещамъ крестьянинъ переходитъ къ абстракціи какого-то идеала.

А идеалистамъ прескверно живется въ наше особенное время!

Депутаты рассказываютъ въ одинъ голосъ, что весна нигдѣ не сопровождалась никакими происшествіями, и норма обычныхъ происшествій, вродѣ самовольныхъ запашекъ, порубокъ и стачекъ—пала.

— Хотѣли было молодые пѣтуха на „гору“ пустить—говорили старички своему депутату про своего недруга—помѣщика—да мы ихъ уговорили... Другое дѣло, кабы Думы не было, а теперь чего зря палить? Она тебѣ, Дума-то наша, все, по всей правдѣ устроить.

Это—общій голосъ: Дума дастъ землю, Дума устроить порядокъ.

У эсэровъ я слышалъ другого рода указанія.

— Посмотрите на жизнь: гдѣ прежнія массовыя экспроприаціи, гдѣ террористическія убійства? Ихъ нѣтъ. О выступленіяхъ не слышать. И это не накапливанье силъ, а наоборотъ упадокъ. Чувствуется, что пущена въ ходъ громадная творческая сила—коллективная народная воля, которая можетъ все сдѣлать. А если она и окажется при нынѣшнихъ условіяхъ безсильной сдѣлать новую жизнь, то мы стихійно придемъ къ эпохѣ, когда пойдутъ въ ходъ свои „средствія“.

Видѣлъ я и Алексинскаго, который занятъ теперь „своимъ дѣломъ“.

— Что это за дѣло?

— Это выполненіе пункта социаль-домократической программы, то есть широкая пропаганда. И онъ констатируетъ фактъ, что рабочая среда размягчилась и ждетъ.

— Это самое неутѣшительное, когда пролетаріатъ начинаетъ ждать. Онъ долженъ всегда не получать, а брать. То, что онъ получаетъ, онъ скоро теряетъ... Звѣрское избіеніе на фабрикѣ Чешера или событіе въ „Крестахъ“ въ другое время взволновали бы всю рабочую среду и вызвали бы съ ея стороны самый рѣзкій протестъ... Теперь, зная, что въ Думѣ будутъ сдѣланы соответствующіе запросы, рабочіе молчатъ въ своихъ кварталахъ...

Закончу наблюдёніями кадетовъ. Въ городахъ, откуда они преимущественно выбраны, настроеніе упало значительно. Избирателямъ трудно привыкнутьъ къ той мысли, съ которою сжились депутаты. Медленная, кропотливая работа, продвиганье вперёдъ шагъ за шагомъ, точно на войнѣ, укрѣпленіе отвоеванныхъ позицій—и отступленія, связанныя со всѣмъ планомъ кампаніи,—все это сказалось утомляющимъ образомъ на населеніи.

— Нужно большое мужество устоять передъ крикомъ улицы—говорилъ депутатъ-кадетъ—особенно, когда этотъ крикъ поддерживаютъ также и люди, которыхъ уважаешь. Сколько разговоровъ о нашихъ намѣреніяхъ, сколько выдумокъ насчетъ союза съ октябристами, съ правительствомъ... О насъ уже кричать, что мы враги народа, измѣнники дѣлу освобожденія... Передъ криками улицы мы то устоимъ, но когда эти крики раздаются въ Думѣ, то положеніе становится тяжелымъ...

И вотъ въ эту атмосферу, крайне неуравновѣшенную, ворвется какой-нибудь острый вопросъ. Лѣвые, которые прониклись убѣжденіемъ, что спокойная Дума охлаждаетъ лишь горячія народныя стремленія, постараются немедленно поднять это настроеніе и не дѣлать Думу исключительнымъ средствомъ борьбы за власть, а перенести центръ борьбы въ массу.

Депутаты, считающіеся съ народнымъ настроеніемъ, учитывающіе общій упадокъ, какъ минусъ для народнаго представительства, готовы обострить всякій вопросъ, лишь бы поддержать честь лѣвой думы. Умиращее вліяніе центра подъ вліяніемъ слишкомъ болѣзненныхъ событій передъ перерывомъ засѣданій, совершенно исчезаетъ. Партіи рѣзко отмежевались; трудовики готовы выдѣлать изъ себя наиболѣе тяготящіе къ центру элементы, и будутъ свободны отъ внутреннихъ треній. Одержавшіе верхъ элементы трудовой группы, тяготящіе къ крайнимъ лѣвымъ, будутъ вести тактику болѣе опредѣленную. Подъ этимъ словомъ понимается рѣзкая тактика „несмотря ни на что»...

— Беречь Думу?—говорятъ они—мы берегли ее—и что же получилось? Сдѣлали ли мы что либо за это время? Положеніе сдѣлалось худшимъ, чѣмъ было до Думы... Руки опустились у насъ, когда мы увидѣли, что въ народѣ за эти два мѣсяца ничего не произошло, словно на мѣстѣ Думы глухой, заколоченный дворець...

И дѣло теперь не въ стоящемъ на очереди запросѣ о дѣйствіяхъ Гершельмана и объясненіяхъ г. военного министра, или въ запросѣ о стрѣльбѣ въ „Крестахъ“, но въ томъ общемъ настроеніи самой острой неудовлетворенности, которое переживается всѣми.

Эта обострившаяся неудовлетворенность можетъ сослужить роль насыщенной газами атмосферы. Одна искра,—и изъ нея возродится пламя. Начнется на лѣвыхъ скамьяхъ и перекинется дальше. Вѣдь въ Думѣ рѣшительно никто не удовлетворенъ: ни правые, ни лѣвые, ни національные группы, ни правительство.

Это ли „работоспособная“ Дума?

Депутатскіе круги обсуждаютъ вопросъ о выдвинутомъ товарищемъ секретаря Салтыковымъ президентскомъ кризисѣ. Послѣдними шагами Головина недовольны очень многіе—и даже въ кадетскихъ кругахъ господствуетъ мнѣніе, что продѣлано „много унижительнаго для Думы“.

Выяснилось, что Головинъ, скрѣпя сердце, ходилъ въ Каноссу, и явился жертвой за судьбу Думы. Послѣ инцидента отъ него требовалась резолюція всей Думы, выраженная въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, и въ этой формулѣ должно было быть высказано все то, что сказалъ Головинъ въ своемъ заключительномъ словѣ. Ему сказали, что на это партія народной свободы не пойдетъ. Отъ него потребовали „пойти на все, лишь бы спасти положеніе“. Онъ пошелъ и спасъ. Теперь это можетъ стоять ему предсѣдательскаго кресла. Онъ уже не, какъ жена Цезаря,—выше подозрѣній и упрековъ—а, наоборотъ, сдѣлался центромъ досады за все думское положеніе. Многое тутъ надо приписать общему чувству острой неудовлетворенности. Надежды испаряются; ожиданія догораютъ,—это видно по письмамъ къ депутатамъ, по рѣчамъ ходяковъ, по присылаемымъ наказамъ.

Теперь выдвигается вопросъ о поведеніи предсѣдателя по отношенію къ лѣвымъ группамъ и о шагахъ его въ ночь съ 16 на 17. Многіе лѣвые, понимающіе тяжелое положеніе, въ которое Головинъ былъ поставленъ, ему лично готовы все простить, но тутъ есть одно, о чемъ они не договариваютъ: Головинъ долженъ явиться исключительной жертвой за униженную Думу. Предсѣдатель Думы долженъ быть свободнымъ отъ какого бы то ни было упрека...

Среди эсдэковъ и эсэровъ идетъ усиленная агитація за то, чтобы поднять вопросъ о довѣриі къ предсѣдателю. Имъ много помогаетъ настроеніе въ средѣ самого президіума: почти всѣ товарищи секретаря и оба товарища предсѣдателя сочувствуютъ вопросу о довѣриі.

Указываютъ и на недавній случай съ Кемпфомъ, вице-президентомъ рейхстага, который сложилъ съ себя полномочія по менѣе важному инциденту.

Все это создаетъ напряженіе въ депутатскихъ сферахъ — и кризисъ долженъ разрѣшиться...

Лѣвыя группы, начиная отъ трудовиковъ, вступаютъ въ тѣсный блокъ, чтобы общими силами продвинуть впередъ рѣзкую тактику и если придется подойти вплотную къ вопросу о роспускѣ, то тѣмъ не менѣе принять бой и быть ко всему готовымъ. Нѣкоторые изъ социальдемократическихъ лидеров говорили мнѣ, что послѣдняго надо ожидать не раньше середины мая, когда вся партія будетъ въ сборѣ; часть теперь находится за границей. Они объясняли мнѣ, что положеніе вещей обострилось до-нельзя; партіи — въ широкомъ смыслѣ слова — не даютъ, что называется, дохнуть. Самыя тугія времена она переживала съ меньшими потерями и репрессіями, чѣмъ теперь. Нормальная политическая жизнь партіи, желающей выйти изъ подполья на свѣтъ Божій, чтобы существовать открыто, такъ какъ существуетъ социаль-демократія въ Германіи или во Франціи, невозможна теперь и, несмотря на то, что парламентская группа имѣетъ 65 членовъ—судь ставить принадлежность къ группѣ въ вину отдѣльнымъ гражданамъ и привлекаетъ ихъ къ отвѣтственности.

Не только социаль-демократія кричитъ теперь о рѣшительномъ курсѣ правительства, идущимъ на пересѣку думской оппозиціи, но и всѣ остальные лѣвыя группы.

— Весь духъ Думы неконституціонный — раздалось вѣско въ послѣдніе дни изъ правящихъ сферъ — Дума шепчется, сговаривается, злоумышляетъ, нанесетъ ударъ сзади...

— Мы примемъ свои мѣры! — грозятъ они.

Послѣ бесѣды съ нѣсколькими депутатами о современномъ положеніи дѣлъ начинаешь дѣйствительно приходиться къ заключенію, что Дума заранѣе осуждена на смерть, такъ какъ

все, что совершилось, и совершится теперь, происходит не въ плоскости законодательства, а въ плоскости громадной политической интриги, съ тысячьхо ходовъ и подходовъ..

Отзвукъ московскаго монархическаго сѣзда, рѣшившаго для думской фракціи уходъ изъ состава депутатовъ, донесся уже сюда—и здѣсь никого не удивило это рѣшеніе. Здѣсь еще до сѣзда знали, что монархисты рѣшили демонстрировать сложениемъ съ себя полномочій. Пуришкевичъ сказалъ: „званіе товарища предсѣдателя Союза русскаго народа для меня неизмѣримо выше, чѣмъ званіе депутата“, а вѣдь послѣ сложениа съ себя депутатскихъ полномочій онъ только выиграетъ... Теперь рѣчь идетъ не объ одномъ Пуришкевичѣ или его группѣ, а о всей правой плюсъ часть умѣренныхъ. Въ октябристскихъ кругахъ даже говорятъ опредѣленно, что если Дума приметъ резолюцію о террорѣ въ кадетскомъ смыслѣ, то есть, что правительство вызываетъ его своими репрессіями, то „вся правая и умѣренная часть Думы совершаетъ измѣну странѣ, принимая участіе хотя-бы въ одномъ засѣданіи“.

— Дума въ лицѣ большинства ея служить цѣлямъ бунта и меньшинство своимъ присутствіемъ будетъ также ему служить. Оно должно уйти—таковы пароль и лозунгъ, данный правымъ.

Подобно тому какъ въ Австріи распѣвали въ 48 году пѣсенку „такъ долго жить нельзя“, а русское движеніе прошлаго года повторило это слово, такъ теперь вся поднявшаяся рать правыхъ спасаетъ отечество подъ крики: „дольше терпѣть этого нечестія нельзя“.

Нечестіе—это Дума.

Послушайте, что поетъ іудушка Меньшиковъ.

„Будемъ искренни: хороша ли нынѣшняя Дума? Хороша ли Дума, отказавшаяся выразить порицаніе террору, грабежу, царубійству? Хороша ли Дума, гдѣ по крайней мѣрѣ половина членовъ — клятвopеступники, заявляющіе о нарушеніи ими парламентской присяги? Гдѣ половина членовъ считаетъ цѣлью своей ниспроверженіе государственнаго строя, т. е. состоитъ изъ враговъ конституціи? Хороша ли Дума, гдѣ господствующая партія въ Думѣ еще до выборовъ объявила, что готовится къ „осадѣ власти“, даже болѣе: къ *охотѣ* на власть? Причемъ, революціонеры приглашались только не хватать за стволъ ружья, чтобы не помѣшать мѣткому выстрѣлу. Какое же вліяніе на народъ можетъ имѣть такой парламентъ? Единственное вліяніе

органа, охваченнаго гангреной. Если трусость или лѣнь подсказываютъ „беречь“ заразу, — то чѣмъ же виновата огромная страна, втянутая въ этотъ опасный опытъ?”

Многіе не безъ основанія говорятъ, что вопросъ о президентскомъ кризисѣ погаснетъ самъ собою передъ вопросомъ о думскомъ кризисѣ. Положеніе между партіями обострено до крайности. Никто не только не будетъ слушать своего противника, но и не захочетъ вообще съ нимъ считаться. Я присутствовалъ при спорѣ двухъ видныхъ членовъ партій: одинъ былъ спокойный, уравновѣшенный кадетъ, другой горячій эсдѣкъ.

— До сихъ поръ—горячился кавказецъ-эс-дѣкъ—мы выясняли, кто съ нами кто противъ насъ. И для насъ все теперь ясно...

— Этого мало, что для васъ ясно, надо и съ другой точкой зрѣнія считаться—спокойно резонерствуетъ ка-детъ.

— Съ другой точкой зрѣнія? Другой точки зрѣнія, кромѣ точки зрѣнія россійской социаль-демократической рабочей партіи, не существуетъ.

— А, вотъ какъ... Взглядъ на отечество съ точки зрѣнія своей деревни..

— Великое національное дѣло—освобожденіе Россіи—продолжалъ онъ—какъ, будто отступаетъ на задній планъ: его замѣняетъ классовая борьба парламентскихъ фракцій. „Расширять и углублять конфликты“, какъ любитъ говорить Алексинскій,—либо „выяснять противорѣчія нашихъ интересовъ“ какъ упоминаетъ въ своей присягѣ на вѣрность социаль-демократіи Джапаридзе,—вотъ текущая тенденція парламентской борьбы, наступающей теперь.

— О, мы хотимъ отдѣлаться отъ васъ какъ отъ оппозиціи—говоритъ социаль-демократъ,—вы гиря на нашихъ ногахъ, которая всю Думу затягиваетъ въ болото всяческихъ компромиссовъ.

Искренніе ка-деты, прислушивающіеся все-таки къ „голосу улицы“, говорятъ, что очень тяжело стало продолжать думское дѣло. Надо запастись большимъ мужествомъ, чтобы умѣть противостоять всѣмъ крикамъ объ измѣнѣ народной свободѣ и о сдѣлкѣ съ правительствомъ. Даже вышколенные политическіе дѣятели изъ ка-детовъ волнуются и кипятъ, когда говорятъ о междупартійныхъ отношеніяхъ. Какъ будто потеряны уже общія цѣли освобожденія, а есть только партійная разногласица.

— Классовое противорѣчіе сказывается въ Думѣ прежде всего,

какъ будто общенациональное дѣло достиженія политической свободы уже закончилось,—говорить Струве съ нескрываемой горечью.

— Меня называютъ Socialdemocratenfresser. Я, дескать, за обѣдомъ поѣдаю по одному социалисту. Но я этого не дѣлаю, потому что они не особенно вкусны, а вовторыхъ, считаю ихъ дѣла столь же малозначущими, какъ и ихъ слова. Въ настоящую минуту они могутъ только мѣшать нашей работѣ, но если бы можно было дѣлать эксперименты въ жизни страны, то я поставилъ бы ихъ у власти на 24 часа—и повѣрять мнѣ, что оправдалась бы поговорка: какъ пріятно видѣть своихъ противниковъ уродами!

Дѣло, конечно, не въ мнѣніи даже виднаго депутата-ка-дета, но въ томъ разномыслии, которое воцарится въ Думѣ. Когда споръ будетъ совершаться не въ плоскости разрѣшенія аграрнаго законопроекта или свободы собраний, а въ томъ, что ка-деты уже продали душу современному Мефистофелю политики и дали росписку, написанную кровью, а эсдэки усиленно поддерживаютъ и питаютъ реакцію, то создастся ли работоспособная Дума? Борьба партій, какая это хорошая вещь! Но грызня партій? Повседневное треніе, обозрѣніе Россіи съ своей партійной колокольни, борьба фарисеевъ и саддукеевъ въ стѣнахъ осажденнаго Іерусалима, это ли можетъ вывести Думу на путь живого творчества?

Среди пустоты, которая жутко охватываетъ со всѣхъ сторонъ нашъ парламентъ, на этой мертвой точкѣ, на которой вертится думское колесо, можетъ ли разноголосица не довершить того, что начато правыми?

И не правы ли тѣ, кто опредѣляетъ современное положеніе не какъ осаду власти, а какъ осаду Думы?

XXIV.

Сегодня засѣданіе, первое послѣ вакацій.

Съ особымъ вниманіемъ приглядываешься къ депутатамъ; такъ и хочется спросить: что отвѣтили вамъ народъ? Знаешь ли онъ о вашемъ положеніи и когда наступитъ очередь его слова?

Но депутаты молчаливы — и у всѣхъ залегла скорбная складка на лбу: ибо народъ безмолствуетъ. Втеченіе двухъ часовъ до открытія засѣданія я гулялъ съ депутатами по кулуарамъ.

Говорили о народѣ — и я вынесъ впечатлѣніе, что народная масса придавлена все продолжающеюся безразсвѣтностью. — Даже Дума не помогла — слышится вокругъ.

По прежнему, мелочная придирчивость мѣстной власти, привычная грубость, голодъ, кабакъ, бѣдность.

Но прежде хотъ вѣрили, прежде была у нихъ надежда, эта „кроткая посланница небесъ“, а теперь тухнуть надежды, словно злой вѣтеръ все гасить.

— Тяжело въ народѣ жить теперь стало, — рассказываетъ саратовскій депутатъ, — вѣры не стало, ослабѣлъ народъ безъ вѣры. Куда не глянь — все по прежнему осталось.

Таковъ общій голосъ.

Шли разговоры о томъ, чтобы министерство сдѣлалось отвѣтственнымъ передъ народнымъ представительствомъ, совершилось обратное событіе: Дума становится отвѣтственной передъ нимъ — и авторитетъ ея въ глазахъ народной массы падаетъ.

Многое держится у насъ на внушеніи, на гипнозѣ...

— Тысячу лѣтъ старый строй давилъ на слабыхъ, поддерживаясь психологическимъ преклоненіемъ массы передъ властью, и я многое отдаю моральнымъ чувствованіямъ народа, — говорилъ мнѣ вдумчивый народный учитель-депутатъ, — и я съ ужасомъ вижу, какъ заколебался авторитетъ Думы въ массѣ. Да развѣ можно забывать о нашей отвѣтственности передъ нимъ? Вѣдь мы погубимъ его довѣріе къ народному представительству!

Не всѣ съѣхались еще, многихъ еще нѣтъ.

— Надо дорожить каждымъ днемъ, который депутаты имѣютъ въ деревнѣ. Вѣдь это первые дни общенія народа съ его представителями. Къ средѣ всѣ уже съѣдутся, — говорятъ во злѣ меня.

Сегодня на обсужденіи стоитъ вопросъ о превышеніи власти генераль-губернаторомъ Гершельманомъ. Какъ извѣстно, онъ отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суда, присудившаго трехъ человекъ къ каторгѣ, и передалъ все дѣло на новое разсмотрѣніе суда, который приговорилъ ихъ къ казни.

Никому до сихъ поръ неизвѣстно, кто были эти казненные: подвыпившіе ли молодые люди, напавшіе на городского и нанесшіе ему тяжкія поврежденія, или политическіе преступники? Но то безправіе, котораго они стали жертвою, вынудило Думу сдѣлать еяпросъ о неправомѣрности дѣйствій генерала Гершельмана.

Это одно изъ вопіющихъ дѣлъ, которое понятно на войнѣ либо во время уличнаго боя — гдѣ хотите — лишь бы вопросъ шелъ о двухъ врагахъ, схватившихся на смерть! Но терпимо ли это со стороны правительства, которое говорило и говоритъ о самой строгой законности и приглашаетъ въ своей деклараціи Думу разоблачать незаконность?

Военный министръ говорилъ глухимъ голосомъ, не особенно твердо, очевидно, непривычный къ ораторской трибунѣ. Это не Коковцевъ и не Столыпинъ. Рѣчь его небольшая состояла не въ опроверженіи факта, а въ юридической квалификаціи дѣянія.

Странно какъ-то было слышать слова аполлогіи военно-полевого суду въ этомъ самомъ залѣ, гдѣ палъ подъ ударомъ общаго презрѣнія этотъ законъ. Какъ будто запросъ задѣлъ какую-то историческую традицію, уважаемую страной, какъ будто Дума потрясала какую либо основу современнаго строя. Съ нескрываемой твердостью и вѣрою въ скрупулезную справедливость этого суда говорилъ членъ кабинета о томъ, что все соблюдено, законъ исполненъ, преступники казнены, какъ того требовало правосудіе. Какъ то тускло окончилъ министръ формулой: „все совершенно по закону“ — и сошелъ съ трибуны при тишинѣ на всѣхъ скамьяхъ.

Для отвѣта вышелъ Маклаковъ.

Онъ себя, видимо, чувствовалъ великолѣпно въ своей роли и, если не затянулъ своей блестящей рѣчи, по крайней мѣрѣ, вдвое, то только потому, что ему было неловко съ чувствомъ превосходства разбивать то, что было уже повержено въ прахъ.

Искренностью звучалъ его мягкій, проникающій въ душу голосъ, когда онъ сознавался, что не все было совершенно преднамѣренно, быть можетъ, безсознательно, но опять-таки только въ силу всей установленной преступной игры съ законностью. „Вся суть нашего запроса сводится къ одному: правда или нѣтъ, что генераль Гершельманъ вопреки закону отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суду, и что правительство по этому поводу сдѣлаетъ? И отвѣтъ, который мы слышали здѣсь, таковъ“. Это правда; преступленіе было совершено, но правительство не сдѣлаетъ ничего“. Вѣдь, господа, я не заблуждаюсь: то, что намъ говорилъ здѣсь сейчасъ военный министръ, это и есть признаніе совершеннаго генераломъ Гершельманомъ преступленія.

Отравленной ироніей звучали его слова о томъ, что отмѣна приговора есть въ то же время уничтоженіе приговора. Защит-

никъ дѣйствій генерала Гершельмана ссылаясь на то, что въ приговорѣ не было слова: „отмѣняю приговоръ“. Это было-бы, дѣйствительно, незаконно. „Военный министръ сказалъ, что здѣсь была не отмѣна приговора, а непризнание его правильнымъ. Въ этомъ и состоитъ отмѣна приговора. Законъ не знаетъ такого термина: „непризнание приговора правильнымъ“.

„Развѣ тутъ рѣчь идетъ о терминологіи?“ — саркастически спрашивалъ Маклаковъ. Онъ прямо обращался къ скамьямъ министровъ и спрашивалъ: „развѣ не членъ кабинета разослалъ генераль-губернаторамъ циркуляръ, чтобы они не отмѣняли приговоры? Это послалъ г. министръ и авторъ этого-же циркуляра здѣсь, съ этой трибуны опровергаетъ самого себя“.

— О, мы не стоимъ за то, чтобы приговоры не отмѣнялись, но вѣдь вы издали такой законъ, а не мы!.. Вы говорите объ охранѣ формы судопроизводства? Но вѣдь съ висѣлицы формы не охраняютъ. Они охраняютъ только сущность.

— „Если бы юристъ, — сказалъ онъ дальше, — былъ приговоренъ судомъ къ казни и нашелъ въ приговорѣ самыя возмутительныя нарушенія и обратился бы къ судьямъ и сказалъ имъ: приговоръ неправильно составленъ, — то что бы вы ему товѣтили? Ему сказали бы: нѣтъ, тебѣ осталось ровно столько, чтобы успѣть приготовиться къ смерти. И употреби лучше это время на писанье писемъ къ роднымъ. Отрицать, протестовать и возмущаться — бесполезно. Приговоръ не можетъ быть отмѣненъ. И рядомъ съ этимъ приговоръ, посылающій людей на каторгу, отмѣняется.“

— Наша задача, — заканчиваетъ онъ, — разоблачать преступленія. Болѣе того, правительство привѣтствовало это въ тотъ день, когда читалась его декларация; оно сказало, что привѣтствуетъ открытое разоблаченіе злоупотребленій. Такъ будьте послѣдовательны. Если вы привѣтствуете разоблаченіе преступленія только затѣмъ, чтобы потомъ выступать съ его апологіей, если у насъ введена гласность только для того, чтобы страна видѣла, что есть нѣчто сильнѣе закона, то это плохая политика, это не политика умиротворенія, это политика безсознательной провокаціи.

Съ лѣвыхъ скамей несется крикъ:

— Нѣтъ, сознательной!

Министръ юстиціи пробуетъ спасти положеніе и старается доказать, что отмѣна приговора и оставленіе приговора безъ

послѣдствій не одно и то же. Его юридическія положенія разбиваются Гессеномъ, Пергаментомъ, Кузьминимъ-Караваевымъ.

Говорили представители фракцій, говорилъ и товарищъ министра Макаровъ.

Запросъ принять подавляющимъ большинствомъ противъ нѣсколькихъ голосовъ, и въ немъ указывается на необходимость судебного разсмотрѣнія дѣла.

XXV.

Въ Думѣ создалось такое положеніе, что обѣ лѣвыя фракціи не хотятъ сохраненія Думы цѣною ея обезличенія.

Теперь Дума, которая подъ вліяніемъ равномернаго интеллекта кадетской партіи, Дума, какъ сказалъ мнѣ Горбуновъ, „охлаждающая водою либерализма пыль крайнихъ элементовъ“, въ глазахъ лѣвыхъ дѣлается бесполезной...

Но кадетамъ приходится думать снова о кропотливой, постепенной работѣ, о накопленіи силъ, о менѣе порывистыхъ и болѣе вѣрныхъ — по своимъ результатамъ — способахъ борьбы.

Постановленія рабочаго сѣзда, отголоски котораго донеслись въ кулуары, говорятъ именно о такого рода работѣ.

Но у насъ всѣ планы разстраивали неожиданностью: рухнетъ опять какой-нибудь потолокъ, грянетъ погромъ, выплыветъ какое-нибудь новое звѣрство или панама — и кто знаетъ, какими волнами заходитъ нашъ теперешній Тихій океанъ?

Сегодня выступили правые съ предложеніемъ обратиться за разъясненіемъ къ правительству по поводу слуховъ о заговорѣ противъ жизни Государя. Гр. Бобринскій мотивировалъ это носившее характеръ запроса къ премьеръ-министру предложеніе настойчивыми слухами заграничной, и отчасти, русской печати о раскрытіи какого-то заговора.

— Хотя этотъ запросъ, — сказалъ онъ, — внесенъ фракціей умѣренныхъ и правыхъ, но первое наше желаніе, это то, чтобы онъ носилъ совершенно безпартійный характеръ. При имени Монарха, которому грозила лютая смерть, предъ опасностью, которая черной тучей нависла надъ отечествомъ, должна замолкнуть партійная рознь среди всѣхъ тѣхъ, которые искренно соблюдаютъ основные законы Императора Николая II. Но за то въ такую торжественную минуту пусть заговорятъ на разныхъ нарѣчійяхъ, но однимъ языкомъ, всѣ народы и племена, насе-

ляющіе необъятную Россію — отъ Польши до Камчатки, отъ Печерскихъ тундръ до вершинъ Арарата. Языкъ этотъ гласить о вѣрности нашему Царю, о радости по случаю избавленія Его отъ руки убійцъ и негодованія противъ насильниковъ, которымъ, видно, мало позора и несчастья 1 марта 1881 года*.

Когда правые дѣлали свой запросъ, всей лѣвой половины не было въ Думѣ. Они заранѣе рѣшили по фракціямъ не участвовать въ этомъ запросѣ, тенденція котораго была слишкомъ ясна.

Лѣвые группы — эсдэки, эсэры, народные социалисты и тру-вики видѣли въ этомъ запросѣ лишь провокаціонную выходку, имѣвшей цѣлью подорвать престижъ Думы либо подставить ее подъ ударъ.

Все это имѣло своимъ началомъ все то же стремленіе правыхъ добиться выраженія порицанія террору, которое они проводили съ рѣдкою настойчивостью.

— „Ага, вы не хотите выразить порицанія актамъ террора, мы васъ заставимъ — какъ бы говорили они.

И поводъ нашелся.

Дума единогласно приняла кадетскую формулу перехода къ дѣламъ выражающую „наивысшую радость“ и глубокое негодованіе Думы по поводу обнаруживаемаго заговора.

Въ этомъ же засѣданіи былъ принятъ запросъ объ обыскѣ въ квартирѣ Депутата Озола, служившей мѣстомъ собранія социаль-демократической фракціи. Полиція явилась въ эту квартиру, подвергла находившихся тамъ депутатовъ обыску и задержанію, арестовала посѣтителей и журналистовъ и перерыла всю квартиру. Искали военную организацію, которая-де собралась тамъ, въ квартирѣ въ центрѣ города, доступной для всѣхъ, окруженной — какъ это всѣ знали — со всѣхъ сторонъ сыщиками.

Дебаты въ палатѣ, сосредоточившіеся вокругъ вопроса, нарушенъ ли законъ о неприкосновенности депутатовъ, имѣли характеръ обмѣна мнѣній между пострадавшими эсдеками и министромъ юстиціи. Депутаты передавали возмутительныя подробности обыска, министръ признавалъ все закономѣрнымъ.

Березинъ, резюмировавшій споръ, сказалъ, что палата, строго говоря, не имѣетъ основанія придавать вѣры, ни тѣмъ ни другимъ. Въ данномъ случаѣ единственный исходъ это — судъ, на которомъ власть полицейская, административная власть является

подсудимой, сторона лѣвая—обвинителемъ.

— Министръ юстиціи знаетъ, — сказалъ онъ — что единственный исходъ, это судъ. Министръ юстиціи знаетъ, что недѣвѣріе къ нему не будетъ снято до тѣхъ поръ, пока фактъ не подвергнется безпристрастному, обставленному всѣми гарантіями правосудія, суду. Такимъ судомъ мы, какъ и вся цивилизованная Европа, всѣ конституціонныя государства, какъ и вся сознательная Россія, считаемъ только судъ гласный, судъ общественной совѣсти, судъ присяжныхъ и поэтому мы говоримъ: никакія заявленія министра юстиціи не избавятъ власть отъ нареканій до тѣхъ поръ, пока эти дѣйствія не подвергнутся гласному суду присяжныхъ.

Принята Думою формула перехода по поводу запроса о мученіяхъ политическихъ каторжанъ въ Алгачахъ. Эта типичная каторга съ ея ужасами средневѣковья найдена министромъ справедливости даже слишкомъ мягкимъ учрежденіемъ и запросъ даетъ, пожалуй, только поводъ установить „правильный тюремный режимъ“. Въ этой каторгѣ каторжники чувствуютъ себя „какъ дома“!

Рѣчей было немало: очевидность тяжелыхъ поруганій политическихъ признавалась даже и министромъ. Священникъ Бриллиантовъ хорошо сказалъ министрамъ:

— Мой санъ и крестъ, принятый мною на себя, заставляютъ сказать господамъ министрамъ, что всякое правительство, не считающееся ни съ требованіемъ народныхъ представителей, ни съ общественнымъ мнѣніемъ, всякое правительство, основанное только на насиліи и произволѣ, правительство, мстящее своимъ плѣнникамъ, такое правительство не прочно: его сила, его оружіе могутъ обратиться противъ него самого. Но и тогда, когда роли перемѣнятся, — когда, быть можетъ, угнетаемый народъ станетъ господиномъ, получить свои права, и тогда народъ не будетъ мстить своимъ притѣснителямъ за всѣ ихъ злодѣянія. Онъ не будетъ ни томить министровъ въ Акатуйской и Алгачинской тюрьмахъ, онъ не будетъ ихъ бить прикладами ружей и пороть розгами,—нѣтъ, онъ не будетъ этого дѣлать. Народъ гарантируетъ имъ неприкосновенность, и если они пожелаютъ трудиться, то дасть имъ надлежащую долю земли. Пусть министры не боятся народа!

Въ кулуарахъ говорили о необходимости предъявить запросъ по поводу неслыханно-тяжелаго положенія печати.

То, что переживаетъ въ настоящее время печать есть не болѣе и не менѣе какъ повтореніе словъ одного полицейскаго пристава, пришедшаго конфисковать одну оппозиціонную газету.

— Война, такъ война—сказаль онъ

Это сказаль полицейскій приставъ, завѣдующій однимъ лишь участкомъ.

А приставъ, завѣдующій участкомъ, называемымъ Россіей, повторяетъ теперь въ дѣйствиіи все это.

Приходится считаться въ настоящее время не съ закрытіемъ одной или нѣсколькихъ газетъ, совершенныхъ не на основаніи закона,—а съ системой. Эта система направлена къ тому, чтобы отрѣзать народныя массы отъ правдиваго слова. То, что раздается съ думской кафедры находитъ отраженіе и освѣщеніе въ печати и прежде всего правительство, осаждающее Думу, желаетъ отрѣзать ее отъ общенія съ народомъ. Характеръ закрытія газетъ въ теченіи послѣдняго времени имѣетъ въ себѣ признаки ничѣмъ не прикрытаго произвола. Положеніе объ усиленной охранѣ установило свою гильотину и ежедневно обезглавливаетъ изданія.

Даже комитетъ по дѣламъ печати и судебная власть, такъ умѣющая ловить лозунги исполнительной власти, и они оказываются слишкомъ закономѣрными учрежденіями. Для печати употребляется соотвѣтствующая статья положенія объ усиленной охранѣ, по которой можно безъ дальнѣйшихъ объясненій и процедуръ закрыть газету. Пусть въ ней нѣтъ ничего преступнаго, тѣмъ хуже для нея!

Печать бессильна въ борьбѣ съ этимъ откровеннымъ насилиемъ и можетъ только апеллировать къ Думѣ, чтобы она указала министру, такъ своеобразно пользующемуся своею полною властью, на его закономѣрныя дѣянія.

Еще въ первой Думѣ 13 іюня былъ сдѣланъ запросъ о преслѣдованіяхъ печати; съ трибуны было заявлено, что этотъ запросъ есть обвинительный актъ противъ министра, отъ котораго ему нельзя оправдаться, какъ бы сильно онъ ни кричалъ о законности.

Русскому обществу дорогою цѣною досталась та свобода печати, которой оно пользовалось такъ не долго. И этому слову грозить теперь великая опасность... Его душатъ и калѣчатъ;

его усиленно загоняють въ подполье.

Какъ бы печать ни старалась, понимая свое положеніе, съюзить временно свои задачи, и говорить вполголоса, правительство не удовлетворится этимъ.

Оно не успокоится, пока печать, которая не можетъ перестать быть самимъ собою, вообще перестанетъ быть.

Въ общемъ планъ своей задачи накрыть Думу мѣднымъ колоколомъ, выкачать изъ него воздухъ и заставить Думу задохнуться, правительство наиболѣе успѣшно дѣйствуетъ тогда, когда оно заставляетъ ее говорить въ безвоздушномъ пространствѣ. Дума окружена со всѣхъ сторонъ; ей трудно уже выбраться изъ тѣхъ препятствій, которыя ей ставитъ правительство съ его іезуитскимъ желаніемъ „совмѣстно съ нею работать“.

Остается довершить начатое по отношенію къ Думѣ: помѣшать разъяснить народу, въ какомъ положеніи Дума находится.

„Только печать—говорилось въ прошломъ году въ Думѣ—даетъ намъ возможность знать, что дѣлается въ народѣ—и народу, что дѣлается у насъ“. Какъ будто въ предвидѣніи, что черезъ годъ правительство скажетъ: оно исполняло задачу оператора,—съ думской трибуны раздались тогда слова о томъ, что министръ въ сущности даже не самозванный хирургъ, а коноваль, который знаетъ два средства: крѣпкую узду и пусканіе крови...

Послѣ того какъ первая Дума была разогнана, а вторая ждетъ своей участи, правительство, уже ничѣмъ не прикрывая своихъ намѣреній, съ корнемъ вырываетъ народную печать.

Оно конфискуетъ и закрываетъ изданія только потому, что эти изданія распространяются въ массахъ. Оно не считается даже съ болѣе чѣмъ сдержаннымъ тономъ этихъ изданій, ей важно лишь одно: задушить всякое живое слово—и печатное слово вынуждается уходить въ подполье...

XXVI.

Врядъ-ли существуетъ вопросъ, въ которомъ всѣ партіи такъ единодушно сходятся, какъ вопросъ о народной тѣмѣ. Всѣ онѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія необходимости ввести всеобщее обученіе. Этотъ вопросъ спаиваетъ всю палату въ одно цѣлое, и даже министръ народнаго просвѣщенія всецѣло раздѣляетъ взглядъ Думы и „счастливы—по его словамъ—выступить передъ

Думою съ этимъ законопроектомъ, стремящимся внести свѣтъ въ массы“.

Весь вопросъ принципиально не нуждается въ освѣщеніи рѣчами въ палатѣ, но важна была система, которую министерство готовилось ввести въ школу. Всеобщее образованіе можетъ при извѣстной системѣ легко превратиться въ орудіе противъ интересовъ того же крестьянства.

Министрескую рѣчь, полную лиризма по отношенію къ законопроекту и умиленія передъ картиной будущей громадной смѣты школъ, подхватилъ депутатъ Архангельскій. Онъ какъ бывший инспекторъ народныхъ училищъ, напомнилъ, что не министерство должно говорить о „школѣ для школы“, что политическая распря внесена въ школу не учителями.

— Мы—говорилъ онъ—здѣсь слышали слова министра народнаго просвѣщенія: онъ указывалъ, что учитель долженъ играть важную роль въ школѣ: мы знаемъ, что и прежде покойный Побѣдоносцевъ говорилъ, что душа школы—это учитель. Я спрашиваю министра народнаго просвѣщенія: что же они сдѣлали съ этимъ учителемъ? Въ какое правовое положеніе онъ былъ поставленъ? Въ какихъ условіяхъ онъ теперь существуетъ? Гдѣ этотъ учитель? Гдѣ тѣ двѣ тысячи лицъ, которыя виноваты только въ томъ, что у нихъ сердце болѣло о народномъ горѣ, что они чувствовали необходимость просвѣщенія для народа? Мы знаемъ, гдѣ эти учителя: въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ.

Особенно горячо говорили представители національных группъ. Они указывали на то, что они самые обездоленные среди обездоленныхъ наукой Россіи. Большая потребность въ просвѣщеніи, какъ въ естественномъ средствѣ внести коррективъ въ гражданское неравноправіе, существуетъ у инородцевъ. Но всѣ стремленія ихъ къ школѣ парализуются тѣмъ, что школа не національна и населеніе чуждается школы, гдѣ преподаваніе ведется не на своемъ родномъ языкѣ.

Въ Думѣ очень значительная группа народныхъ учителей; ихъ много среди національныхъ группъ и выбраны они крестьянствомъ, какъ слушатели той правды—истины, которую они въ такихъ жалкихъ крупицахъ даютъ въ школахъ. Учители народа нарисовали картину тьмы египетской, царящей на Руси.

„Мы бѣдны отъ того, что мы невѣжественны, мы невѣжественны оттого, что мы бѣдны“—эта истина со временъ Писарева не потеряла и по сію пору своего горькаго значенія...

Стопятидесятиллионный народъ, раскинувшись на шестую земного шара, погрязаетъ въ тьмѣ, а та полоса свѣта, которая пробивается къ нему, проходитъ отраженною сквозь красно-бѣло-синюю призму.

Воскресенскій, народникъ-соціалистъ, учитель, нарисовалъ картину того невѣжества, которая какъ ржа желѣзо, выѣдаетъ великую душу народную. Голодь, пьянство, преступления, миллионъ умирающихъ въ годъ дѣтей — все это послѣдствія народнаго невѣжества.

Я констатирую, что тонъ, которымъ говорили депутаты, былъ крайне спокойный и дѣловой.

Когда Воскресенскій заговорилъ о той губительной системѣ, которая проводится въ школѣ центральной властью, о томъ, что школа сдѣлана не очагомъ политики, а орудіемъ въ политикѣ, правые начали волноваться. Изъ группы Келеповскаго и Пуришкевича послышались возгласы:

— Тамъ насаждаютъ соціализмъ!

— „Неправда! какой соціализмъ возможенъ среди девятилѣтнихъ ребятъ... Тамъ насаждаютъ только ложный патріотизмъ... Политика тамъ ваша!—парируетъ Воскресенскій.

Когда онъ заговорилъ о роли духовенства въ школѣ, которую онъ опредѣлилъ не какъ роль законоучителей, а жандармовъ, справа раздалось частое:

— Неправда, ложь, стыдно, стыдно, стыдно!

А Пуришкевичъ вынулъ часы и крикнулъ:

— Десять минутъ прошло!

Воскресенскій заключилъ свою рѣчь напоминаніемъ, что въ современной школѣ, они, народные учителя, поневолѣ уродовали дѣтей.

И тутъ съ устъ Пуришкевича сорвалось неприличнѣйшее слово:

— Это дезинтерія языка!...

Головинъ вспыхнулъ:

— Я принужденъ сдѣлать вамъ замѣчаніе за эту самую дезинтерію языка!

Представители національныхъ группъ внесли еще больше нервности, когда они развернули свои раны передъ Думой. Они лишены не только школъ, но и своего языка въ этихъ немногочисленныхъ школахъ.

— Мы не уважали этой школы—кипѣлъ депутатъ коло Хо-

минскій—тамъ оскорблялись всѣ наши національныя и религіозныя чувства.

Онъ и Гралевскій горячо возмущались той политикой, которая неуклонно проводилась въ школахъ края съ руссификаторскими тенденціями. Польская школа—это большой вопросъ, и когда къ нему дотрагивались, волей-неволей кричали отъ боли.

Національная обида громко звучала въ рѣчахъ мусульманъ, армянъ и поляковъ, когда они говорили о приниженномъ состояніи родного языка въ школѣ, долженствующей называться народной. Это только „номинальныя“ школы, какъ заявилъ депутатъ Тиграньянъ, и ихъ содержать только въ удовлетвореніе минимальныхъ народныхъ требованій.

Вопросъ обострялся, и правые уже начинали волноваться.

Такъ накалилось взаимное раздраженіе. Когда мусульманинъ Хасановъ, трудовикъ, началъ говорить про жалкое положеніе татарской школы, про систему Побѣноносцева, которой слѣдуетъ правительство, стараясь задушить національный языкъ, правые начали разворачиваться.

— Идите въ Турцію—кричали они—тамъ васъ научатъ!

— Я боюсь, что татары васъ послушаются; посмотрите какъ изъ Крыма бѣгутъ въ дикую Турцію... Насъ 20 милліоновъ; мы на своей землѣ, и когда придетъ свобода, намъ незачѣмъ уходить!...

Онъ полуобернулся къ правымъ спиною и продолжалъ рѣчь:

— Какая же можетъ быть любовь къ школѣ, когда дѣйствительно преподается дѣтямъ чуждый языкъ? Очевидно никогда нельзя достигнуть этимъ сближенія съ русскими. Если вы предоставите намъ право изучать свой родной языкъ, тогда мы скорѣе сблизимся, а правилами этими вы всегда насъ будете только отталкивать. Мы, учителя, дѣйствительно находимся въ очень ужасномъ положеніи, такъ что для сохраненія школъ, послѣ появленія этихъ правилъ, мнѣ самому приходилось уговаривать населеніе, чтобы они отпускали своихъ дѣтей въ школу и не закрывали школу. Правительство должно отказаться отъ этихъ правилъ, и оно откажется отъ этого, мы будемъ настаивать на томъ, чтобы оно отказалось. Дѣйствительно было время, когда самодержавный строй былъ крѣпокъ...

Поднялся страшный шумъ.

Справа кричали:

— Онъ и теперъ еще крѣпокъ, самодержавіе и теперъ еще существуетъ!

Хасановъ спокойно говорить:

— Теперъ у насъ конституція!

Шумъ увеличивается.

Я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Недавно, при обсужденіи требованія министра юстиціи о выдачѣ Геруса и товарищей, привлеченныхъ по 129 статьѣ, депутатъ Аджемовъ, обратясь къ министру, сказалъ: „развѣ у насъ существуетъ еще самодержавіе?“—и никто изъ его словъ не дѣлалъ повода къ шуму. Теперъ же правые не захотѣли упустить момента и подняли невообразимый шумъ...

Головина и его звонка никто не слушалъ. Раздавались крики: „долой, вонъ! здѣсь оскорбляютъ Россію! мы вамъ еще покажемъ“!

А волненіе передалось налѣво:

— Провокаторы, скандалисты!—раздается крикъ.

Пуришкевичъ набрасывается на оратора.

Среди минутной тишины Головинъ успѣваетъ заявить:

— Прошу оратора продолжать; хотя десять минутъ истекло, но минуты три вы не могли использовать, благодаря совсѣмъ неумѣстному поведенію гг. Пуришкевича и Келеповскаго.

Крики снова усилились. Это замѣчаніе подлило только масла въ огонь.

Вся ярость обратилась на Головина.

— Ваше замѣчаніе неумѣстно, а не мое!—кричалъ Пуришкевичъ.

— Угмоните своихъ!—кричалъ Сазоновичъ.

— Всегда умѣстно защищать свое національное достоинство!—кричалъ Келеповскій.

Вести засѣданіе становится совершенно невозможнымъ. Головинъ заявляетъ, что онъ ставитъ вопросъ объ исключеніи трехъ нарушителей порядка изъ засѣданія. Это принимается подавляющимъ большинствомъ, голосовала противъ только часть правыхъ. Епископы Платонъ и Евлогій сидѣли и, такимъ образомъ, голосовали за исключеніе.

— Благоволите оставить залъ засѣданія, — провозглашаетъ Головинъ.

Шумъ.

Никто не уходитъ. Пуришкевичъ кричитъ: „я остаюсь“.

J'y suis et j'y reste!

Въ проходѣ показывается лысина начальника охраны... Не-обличитель неправды, въ чемъ бы онъ ее ни видѣлъ. ужели мы будемъ свидѣтелями отвратительнаго зрѣлища, когда выводятъ депутата силою?

Головинъ объявляетъ перерывъ на десять минутъ. Онъ блѣденъ но твердъ. Размѣренными шагами онъ ходитъ по полуциркульному залу и поглядываетъ на часы. Тутъ же группа лидеров народной свободы.

— Э, ничего, Гладстонъ выводилъ, вѣдь, упрямыхъ ирландцевъ!—слышится въ группѣ.

— На основаніи правилъ, предсѣдатель можетъ пригласить сюда караулъ, и караульный офицеръ подчиняется въ своихъ распоряженіяхъ предсѣдателю...

— Придется примѣнить силу—не иначе.

Засѣданіе снова открывается. Головинъ объявляетъ, что въ виду неповиновенія исключаемыхъ постановленію Думы, онъ предлагаетъ баллотировать нсключеніе на 12 засѣданій, но на скамьяхъ крайнихъ лѣвыхъ молчаніе, могильное молчаніе.

— Мы воздержимся отъ баллотировки!—заявляетъ отъ лица эсдековъ Салтыковъ.

— Какъ? Почему?—сыплются вопросы. Оказывается, что эсдеки принципиально противъ такого рода мѣръ.

„Сегодня ты, а завтра я“...

Я опускаю невозможныя объясненія Пуришкевича, Сазонова и Келеповскаго, лишеніе Головиномъ слова за то, что они не ограничились объясненіями по существу.

— Потрудитесь оставить каеэдру! — рубить онъ холодно и вѣско.

Пуришкевичъ остался вѣренъ себѣ. Даже послѣ постановленія объ удаленіи его на 12 засѣданій, онъ не ушелъ. Келеповскій и Сазоновичъ уже простились съ друзьями и ушли, а Пуришкевичъ заявилъ:

— Я не уйду, меня могутъ вывести пристава силой!

Онъ явно радъ всему этому случаю, когда можно проявить во всю свою натуру.

Констатирую фактъ: Пуришкевичъ за все время этого инцидента былъ спокоенъ и все дѣлалъ—не волнуясь и не спѣша.

Головинъ закрылъ засѣданіе. Что оставалось ему дѣлать? Волненіе въ кулуарахъ происходило необычайное.

— Слишкомъ сильная доза...—говорили нѣкоторые изъ кадетовъ, которые были противъ исключенія на 12 засѣданій — это похоже уже на мученичество.

— О, нисколько — говорить Березинъ — развѣ есть кара меньше этой для члена законодательнаго собранія, не подчиняющагося его рѣшенію? Какой примѣръ уваженія къ законности показываютъ члены Думы!

Головинъ блѣденъ и, видимо, нервничаетъ. Онъ удаляется въ кабинетъ, а за нимъ слѣдуетъ Остенъ-Сакенъ.

Вспоминаются мнѣ бурныя сцены истинно-нѣмецкихъ людей Шенерера и Вольфа, которые творили скандалы почище нашихъ. Но можно ли сказать, что тенденція и тѣхъ, и нашихъ одинакова?

Можно ли сказать, что тамъ, въ сложной путаницѣ національныхъ отношеній, истинные нѣмцы явились простыми провокаторами?

Увы! у насъ это было очевидно.

Весь постыдный скандалъ сегодняшняго засѣданія можно объяснить всецѣло какъ послѣдствія монархическаго съѣзда, поставшаго своею цѣлью ниспроверженіе Думы.

Теперь они приподняли забрало; это уже не черныя заговорщики: это явные революціонеры, которые проводятъ свои резолюціи въ жизнь съ рѣдкою послѣдовательностью. Думу надо взорвать извнутри — и они сегодня бросили въ ней еще одну бомбу.

XXVI.

Злободневный запросъ это о дѣйствіяхъ церковной бюрократіи, которая посягаетъ на свободу убѣжденій депутатовъ-священниковъ.

Въ думѣ ихъ нѣсколько интересныхъ фигуръ. Какъ въ прошлой, такъ и въ теперешней Думѣ „батюшки“ составляютъ видную ея часть. Кто не помнитъ возвышенныхъ, проникнутыхъ истиннымъ христіанскимъ чувствомъ рѣчей: Афанасьева, Огнева, Пояркова? Какой глубокой контрастъ, очевидный даже для тѣхъ, кто не хотѣлъ видѣть, представляли эти милосердные священники, выступавшіе противниками смертной казни, наряду съ ея защитниками!

Теперь отецъ Клавдій—такъ всѣ почему-то звали Афанасьева—разстриженъ и очень бѣдствуетъ...

Донскіе депутаты передавали мнѣ, что и теперь власти мстятъ, гдѣ и чѣмъ могутъ, этому бывшему избраннику народа, поднявшему свой голосъ въ защиту началъ истиннаго христіанскаго ученія.

Самый интересный изъ нынѣшнихъ—о. Тихвинскій, высокаго роста, худощавый, съ необыкновенно искренними глазами, словно заглядывающими вамъ въ душу. Онъ въ старенькой потертой рясѣ, ходитъ немного сгорбившись, но говоритъ воодушевленно, звучно, временами горячо. Онъ по всѣмъ видимостямъ рѣзкій.

Онъ бросаетъ часто слова укоризны и напоминаетъ, что въ мірѣ идетъ жестокая борьба, отъ которой падаютъ жертвы.

Въ своей партіи—крестьянскомъ союзѣ—онъ занимаетъ видное мѣсто и является однимъ изъ лидеров его. Я часто встрѣчалъ въ клубѣ крестьянскаго союза ходоковъ, приходившихъ исключительно къ нему.

— Ждемъ отъ него слова—говорили они мнѣ,—какъ нашъ батя скажетъ... Онъ нашъ заступникъ и передъ царемъ, и передъ Богомъ... Жизнь свою за насъ положить... Онъ смѣлый.

„Смѣлый“ батюшка самъ говоритъ, что онъ видитъ впереди много горя и страданія и понимаетъ, что недолго ему, быть можетъ, жить придется.

— Я понимаю, что паду жертвою борьбы, но вручаю свою судьбу милосердному Богу...

Тихвинскій происходитъ изъ рода, который священствуетъ въ лицѣ нѣсколькихъ поколѣній.

— У нихъ въ роду—говорилъ мнѣ его землякъ-депутатъ—отъ отца къ сыну переходитъ священство... Самъ Богъ живетъ въ ихъ семьѣ. Всѣ они такіе, всѣ божьи люди, видящіе весь смыслъ жизни въ священствѣ... Дядя Тихвинскаго почитается у насъ святымъ.

Когда такихъ людей постигаетъ кара земная, они дѣлаются мучениками и закрѣпляютъ идею въ умахъ милліоновъ. Ихъ понимаетъ народная душа. Они умѣютъ читать въ душѣ народа, и народъ понимаетъ ихъ душу.

— Раньше я молился, плакалъ вмѣстѣ съ моимъ народомъ—сказалъ мнѣ о. Тихвинскій—теперь я всталъ на его защиту и громко исповѣдую борьбу съ безправіемъ и зломъ.

Совѣсть этого кристальной души человѣка бунтуетъ теперь передъ требованіемъ церковной бюрократіи отречься отъ своихъ убѣжденій...

— „Всю жизнь вынашивалъ свои убѣжденія, глубокой ломки они мнѣ стоили, а теперь въ три дня мнѣ велятъ переменить ихъ, точно одежду... Нѣтъ, я не преклонюсь, я не преклону головы своей—говорить и глаза его загораются.

О. Колокольниковъ—противоположность отцу Федору Тихвинскому: это коренастый, плотный, широколицый священникъ. У него довольно свѣтлый видъ, блестящая ряса, бѣлыя руки, мягкіе русые волосы.

Онъ улыбается широкой, привѣтливой улыбкой, всегда мягко жметъ руку и привлекаетъ къ себѣ. О. Тихвинскій — слегка обозленный, страдающій человѣкъ, Колокольниковъ видитъ другую сторону вопроса: онъ восторженно вѣритъ въ народъ, вѣритъ въ несокрушимую силу его духа,—и отсюда его свѣтлый оптимизмъ. Онъ словно знаетъ какое-то волшебное слово къ народу и вѣритъ въ силу этого слова.

О. Колокольникову ставятъ въ вину не только его рѣчи съ думской трибуны, но и дѣятельную агитацію у себя дома, въ Пермской губерніи. вмѣстѣ съ о. Колокольниковымъ пришло извѣстіе объ его извѣстной рѣчи по поводу политическихъ убійствъ. Говорили, будто въ этомъ вопросѣ онъ раздѣляетъ точку зрѣнія социаль-революціонеровъ.

Я рѣшилъ спросить его объ его взглядахъ по этому поводу и получилъ въ отвѣтъ.

— Я не одобряю террора, о нѣтъ... но вдумайтесь: мы, обыкновенные люди, молча проходимъ мимо того рода поступковъ, которые считаются насиліемъ власть имущихъ. Но тѣ ропщутъ не такъ, какъ мы; тѣ ропщутъ громко. Тѣ не отдѣляютъ своихъ словъ и чувствъ отъ дѣйствій. Ихъ устрашаетъ перспектива дальнѣйшихъ ужасовъ, и не имѣя мирныхъ средствъ воздѣйствія на насильниковъ, идутъ на терроръ. Такъ я понимаю ихъ.

— Понять — простить!..

Онъ помолчалъ и вздохнулъ.

О. Колокольниковъ не принадлежитъ ни къ одной фракціи, но голосуетъ съ народниками—и вотъ по этому признаку его и притянули къ отвѣту.

— Какъ будто я могу голосовать иначе? Какъ будто меня послалъ сюда не голодный и обиженный—говорить онъ—я читаю въ душѣ народной, какъ въ раскрытой книгѣ, знаю всё его ожиданія отъ насъ и поэтому готовъ претерпѣть не только это гоненіе.

У Колокольникова мощный звучный голосъ—и онъ слыветъ за прекраснаго проповѣдника.

Въ село, въ которомъ онъ нѣсколько лѣтъ священствовалъ, по воскресеньямъ стекалась масса народа изъ окрестныхъ сель послушать его слова. Начальство косилось, считало его очень неудобнымъ, хотѣло его убрать, но есть популярность, на которую и власть наша не посягаетъ.

Самая интересная фигура—это о. Бриллиантовъ. Что удивительнѣе всего, онъ принадлежитъ къ фракціи социаль-революціонеровъ и открыто объ этомъ заявляетъ.

Онъ не пошелъ на объясненіе и самая грозная кара обрушится, конечно, на него.

Онъ готовъ ко всему.

У него открытое мужественное лицо, съ характерными крупными чертами. Видна желѣзная воля и твердость духа. Многіе изъ депутатовъ и журналистовъ, побывавшихъ въ Сибири, узнали его по прежнимъ встрѣчамъ на этапахъ и во время поселенія.

— Онъ говорилъ, словно маякъ спасительный для многихъ отчаявшихся въ жизни людей. Для него не было бродяги, преступника, поселенца. Онъ во всѣхъ видѣлъ живую человѣческую личность, протестующую и страдающую—и онъ своимъ мужествомъ подкрѣплялъ вѣру въ то, что старый строй служащей причиной гоненій и „несчастій“, рухнетъ, какъ подгнившее дерево—такъ говорилъ мнѣ одинъ сибирякъ про него.

Отецъ Бриллиантовъ человѣкъ—кремень. Онъ говоритъ, что высшій синтезъ жизни для него—это благо народа. Если до этого блага надо дойти путемъ ломки и борьбы, то онъ не уклонится и отъ этого пути.

— Наиболѣе жестоки и не признаютъ Христа—сказалъ онъ—именно тѣ, кто превращаетъ церковь въ вѣдомство православнаго исповѣданія. Это они казнятъ, оправдываютъ насиліе, даютъ торжествовать злу. Они забыли стихъ: „избави меня, Господи, отъ крови“, а когда мы указали имъ, что кровь на ихъ ругахъ, то они хотятъ заградить наши уста.

Сегодня насъ лишать рясы, завтра мы явимся безъ нея—и будемъ тѣми же, что и прежде.

Бриллиантову приходится переносить не первое гоненіе: этотъ человѣкъ закаленъ въ испытаніяхъ своего прошлаго.

Когда видишь и слышишь этихъ пастырей и думаешь о томъ возбужденіи, которое вносится въ думскую среду этими гоненіями на депутатовъ въ ту минуту, когда законодательная машина идетъ полнымъ ходомъ, то приходитъ въ голову мысль, что это гоненіе не болѣе какъ вызовъ, снова и снова бросаемый думѣ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, на чьей сторонѣ матеріальная побѣда. Остается побѣда нравственная и если сбить депутатовъ съ позиціи совѣсти и убѣжденій, то развѣ это не моральная побѣда?

Священники рѣшили отвѣтить письмомъ, что они отъ убѣжденій своихъ не отказываются и будутъ подчиняться только голосу разума и своего внутренняго убѣжденія.

Тихвинскій написалъ въ отвѣтъ на требованіе отреченія длинное письмо, въ которомъ онъ говоритъ:

„Съ дѣтства я жилъ среди бѣднаго крестьянскаго населенія, на средства его я получилъ и образованіе. Чуткая душа простого русскаго крестьянина была для меня раскрытая книга. Въ этой книгѣ я видѣлъ и читалъ всю безысходную печаль народную, все горе его, нужду и безправіе, читалъ, мучился и терзался душою и совѣстью. Все, что я могъ сдѣлать для народа, я дѣлалъ: молился съ нимъ, плакалъ и утѣшалъ ихъ надеждою, что Богъ видитъ и слышитъ ихъ скорби.

Настало 17 октября и раздалось вѣщее слово Высочайшаго манифеста. Братство, равенство, свобода, уваженіе къ личности человѣка, его совѣсти, его нравамъ перевились и стали свѣтлыми, радужными красками надежды“...

Трогательно пишетъ онъ о себѣ:

„И вотъ я, бывшій реакціонеръ и узкій консерваторъ, подъ впечатлѣніемъ народнаго горя и горькой его нужды, цѣлымъ рядомъ лѣтъ перевоспиталъ себя, ставъ на сторону народныхъ интересовъ. Теперь же, какъ вы изволили разъяснить намъ, указъ Св. Синода отъ 12 мая, я обязанъ въ теченіе трехъ дней „до пятницы“ перевоспитать себя въ обратную сторону и „по совѣсти“ перемѣнить свои убѣжденія и стать на сторону, или правыхъ монархистовъ, но не лѣвѣе октябристовъ или же при-

мкнуть къ правымъ безпартийнымъ. Мое первое перевоспитаніе стоило мнѣ тяжелыхъ душевныхъ мукъ, сопровождалось душевными потрясеніями—я боролся съ собой; что же долженъ пережить я—начавъ и закончивъ въ три дня свое обратное перевоспитаніе убѣждений? Можно въ три дня разбиться, но не перевоспитаться „по приказу“. Я заявляю: перемѣнить своихъ убѣждений не могу. Мои политическія убѣжденія, мои общіе экономическіе взгляды, христіанскія православныя убѣжденія и вѣрованія, моя пастырская настроенность вамъ, владыко, извѣстны. Я весь передъ вами, тайному я ничему не училъ. Эти мои убѣжденія, вѣрованія, моя жизнь и дѣятельность священника были на виду и извѣстны народу, почтившему меня довѣріемъ и избраніемъ въ члены Думы. Какъ же я могу перемѣнить убѣжденія, не измѣнивъ народу; тотъ день былъ бы позоромъ моей жизни“...

Узнали сегодня еще одну тягостную подробность: священникамъ ставится на видъ даже не принадлежность къ партіи, а голосованіе... Пусть бы они вышли изъ своихъ фракцій и образовали свою группу—этимъ не удовольствовались бы! Нужно, чтобы священники голосовали именно такъ, какъ преосвященные Евлогій и Платонъ.

Какъ тепло встрѣтили въ Думѣ отца Петрова! Милое, одухотворенное лицо, такое измученное и страдальческое, глядитъ на васъ привѣтливо и улыбается грустной улыбкой... Всякій понимаетъ, что не слѣдуетъ его беспокоить долгими разспросами, и потому собираются только большой группой, а одинъ журналистъ, на рѣдкость точно и правильно, передаетъ другому слова или замѣчанія отца Петрова.

Онъ попалъ какъ разъ въ острый моментъ, когда въ воздухѣ носится слухъ о репрессіяхъ противъ депутатовъ.

Его считаютъ какъ бы естественнымъ лидеромъ группы прогрессивныхъ священниковъ и отъ него желаютъ знать, какъ рѣшено отвѣтить на требованіе Синода о несвободѣ священнической совѣсти.

— Друзья мои, развѣ мы, священники, согрѣшили въ чемъ-либо противъ Евангелія? Нѣтъ, мы помнимъ слова: „не нарушить пришелъ Я законъ, а исполнить его“. И мы говоримъ о законахъ всеобщаго равенства и любви къ ближнему то же са-

мое. Мы не нарушить желаемъ эти законы, а исполнять. Такъ велить намъ наша совѣсть, она наше начальство, а не люди...

Въ думскихъ кулуарахъ бродятъ зловѣщія фигуры коротенькаго Меньшикова и длиннаго Шпыня изъ „Россіи“, и присматриваются къ оживленнымъ группамъ крестьянъ и священниковъ. Завтра же онъ, вѣроятно, напишетъ о заразѣ, которую представляютъ эти длинноволосые грядущіе разстриги, о духовенствѣ, перешедшемъ въ ряды третьяго сословія и строящемъ ковы, о попѣ Сіейсѣ, который превзошелъ другихъ своею кровожадностью.

Въ царящую теперь смуту онъ вноситъ всю злобность своего ренегатскаго пера, ядъ своей мысли... Онъ кричитъ теперь: разгоните Думу во имя парламента!

Я живо представляю себѣ, что долженъ чувствовать онъ, когда отецъ Бриллиантовъ заявляетъ въ группѣ, гдѣ и онъ стоитъ, что скорѣе онъ согласится лишиться сана и перестать служить церкви, чѣмъ перестанетъ служить народу.

XXVII.

Сегодня Дума покончила, наконецъ, съ однимъ назойливымъ вопросомъ, повторявшимся втеченіе двухъ мѣсяцевъ: это было предложеніе правыхъ осудить терроръ.

Они добивались этого еще въ первой Думѣ, разумѣя собственно не террористическіе акты, а все революціонное движеніе.

Они умышленно закрывали глаза на громкія заявленія лицъ, признающихъ терроръ, какъ видъ борьбы, что они только отвѣчаютъ этимъ на бѣлый терроръ правительства.

Предложеніе правыхъ заключается въ слѣдующемъ:

„Въ виду того, что количество политическихъ убійствъ увеличивается: убиваютъ членовъ правительства, общественныхъ дѣятелей, мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; въ виду того, что подъ видомъ политическихъ экспропріацій происходитъ открытый грабежъ, при чемъ грабятъ казначейства, почту, общественныя кассы, частныхъ лицъ всѣхъ сословій и состояній, при чемъ падаютъ безвинно множество жертвъ; въ виду того, что убійцами становятся даже дѣти, и вся жизнь страны парализована революціоннымъ терроромъ,—Государственная Дума считаетъ необходимымъ выразить свое глубокое порицаніе и негодованіе всѣмъ революціоннымъ убійствамъ и насиліямъ,

находя, что никакая работа правительства и Государственной Думы не может быть плодотворною, пока въ странѣ нѣтъ безопасности, царствуетъ безпросвѣтный терроръ и невинная кровь льется рѣкой“.

Предложеніе это имѣетъ цѣлю исторію и литературу: обширную литературу и длинную исторію. Оно было внесено съ вполне сознательнымъ расчетомъ — погубить Думу. Потомъ министерство сдѣлало изъ него — предварительное условіе для отмѣны военно-полевыхъ судовъ и смертной казни. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ одни видѣли испытаніе лояльности Думы, другіе — властное слово, которое въ самомъ дѣлѣ остановить убійства. Но время шло, и вся обстановка, при которой ставился вопросъ, совершенно измѣнилась, — и самый вопросъ потерялъ совершенно свой первоначальный смыслъ. Сокровенныя мысли, которыя предполагалось обнаружить предложеніемъ правыхъ, были обнаружены всей совокупностью преній въ самой Думѣ, по цѣлому ряду другихъ вопросовъ.

Кадеты все время были противъ обсужденія этого вопроса.

— Мы—говорятъ они—съ самаго возбужденія вопроса держались мнѣнія, что идти на обсужденіе вопроса, поднятаго съ явной цѣлью дискредитировать народное представительство, — ниже достоинства Думы. Въ любомъ европейскомъ парламентѣ подобная попытка потерпѣла бы безусловную неудачу. И у насъ только совершенно исключительныя условія момента дали возможность взвести на высшее законодательное учрежденіе государства невѣроятное „обвиненіе“ въ сочувствіи убійствамъ, потребовать формальнаго оправданія со стороны парламента.

Трудовики и народные социалисты были противъ обсужденія.

Небювидовъ указалъ на то, что въ этомъ предложеніи нѣтъ характеризующаго акта законодательнаго учрежденія. Каждое законодательное учрежденіе всегда издаетъ постановленіе, носящее силу обязательности; здѣсь же предлагаютъ выразить лишь мнѣніе, написать и составить резолюцію митинговаго характера.

Составленіе резолюціи не соотвѣтствуетъ самой идеѣ законодательнаго учрежденія.

— Единственный фактъ въ исторіи парламентской жизни, какъ бы нѣсколько напоминающій данный случай, мы встрѣчаемъ въ исторіи германскаго рейхстага, который въ 1895 г. вынесъ постановленіе о выраженіи привѣтствія по случаю юби-

лея желѣзному канцлеру, находившемуся въ то время въ отставку. Но и это постановленіе германскаго рейхстага носило силу обязательности, потому что было адресовано президенту рейхстага, который и долженъ былъ исполнить постановленіе парламента. Я опасаюсь, что при допущеніи обсужденія этого вопроса мы станемъ на скользкую почву писанія и составленія резолюцій.

Были еще соображенія, касавшіяся истинныхъ намѣреній инициаторовъ предложенія.

Вѣдь порицаніе террору затѣяли тѣ, кто ежедневно провоцируетъ Думу. Игра въ порицаніе не совмѣстима съ достоинствомъ народнаго представительства, и правительство, такъ настойчиво добивающееся черезъ своихъ ставленниковъ „осужденія“ Думою повѣщенныхъ и разстрѣлянныхъ имъ борцовъ освободительнаго движенія, имѣетъ полную возможность остановить терроръ, когда угодно: стоитъ ему только обращаться не къ авторитету Думы, который оно намѣренно подрываетъ, а къ отмѣнѣ всѣхъ исключительныхъ положеній и усиленныхъ охранъ.

Если бы Дума дала правительству нравственное оправданіе его борьбы,—не государственной, а чисто партійной, классовой, то терроръ справа и слѣва только бы усилился.

Противъ снятія этого предложенія съ очереди голосовали социаль-демократы и социалисты-революціонеры.

Краткій мотивъ ихъ былъ тотъ, что терроръ это необходимый отвѣтъ на политику репрессій.

Это было сказано въ резолюціяхъ, которыя были заранѣе выработаны во фракціяхъ, но, какъ извѣстно, дѣло до обсужденія не дошло. За обсужденія встало 146 депутатовъ, противъ 215.

Вопросъ, къ которому готовились цѣлые мѣсяцы, по поводу котораго заранѣе распредѣлялись роли, намѣчались длинныя и красивыя рѣчи, по которому были обсуждены и приняты разными фракціями, послѣ ожесточеннѣйшихъ споровъ, строго взвѣшенныя формулы рѣшенія,—вопросъ этотъ рѣшился при помощи одного хитраго параграфа наказа.

XXVIII.

Думская законодательная машина идетъ пока полнымъ ходомъ. Правда, машинистъ сильно усталъ и издерганъ, топливо

истощается,—но машина стучить, грохочетъ и тащить тяжелый, груженный столѣтнимъ лихомъ поѣздъ.

Нѣтъ нѣтъ, и Дума собьется съ рельсовъ—и пойдетъ ломить чисто стихійной силой, внѣ колеи... Въ засѣданіяхъ чувствуется, какъ накапливаетъ эта стихійная сила. Прорываются слова, жесты, крики, угрозы, злая, точно вцѣпляющаяся ногтями въ тѣло иронія. Растетъ озлобленіе правыхъ, лѣвыхъ, правительства. Центръ, прежде могучій и самоувѣренный, покачнулся: коло жмурится и отгораживается точно стѣной недовѣрія. Недавно еще солидарное съ ка-детами, недавно еще вѣровавшее въ ихъ политической смыслъ и опытность, стремившееся поддержать центръ и установить свободу, среди которой оно могло бы захватить желанную автономію, коло теперь перестало вѣрить. Оно поняло, что теперь оно этой автономіи не дождется; что только лѣвые не будутъ требовать отъ нихъ справедливой оцѣнки за автономію, а отдадутъ имъ ее безъ выкупа. И они заигрываютъ теперь съ лѣвыми, и курьезно глядѣтъ, какъ аграрій и собственникъ хочетъ ловко подковать русскаго пролетарія.

Это, я думаю, ясно для всѣхъ и читатель, даже не искушенный въ политикѣ, пойметъ, что неустойчивость партій — правѣ эсдековъ и эсэровъ — отличительный признакъ нашей Думы.

Даже центръ пошатнулся и не идетъ пока въ сторону усиленія.

Сегодня въ Думѣ шла горячая партійная борьба; начали по вопросу объ отбываніи политическими воинской повинности, а кончили вопросомъ объ арміи и о политикѣ въ арміи.

Такъ оно всегда и случается при животрепещущихъ вопросахъ — всегда сбиваются на затаенное желаніе высказаться по вопросу, который острѣе всего задѣваетъ.

Когда говорили объ истязаніяхъ политическихъ въ Ригѣ, то вся Дума сбилась на дебаты о террорѣ. Всѣ партіи высказывались, въ сущности, не по вопросу о застѣнкѣ, а объ актахъ бѣлаго и краснаго террора.

Сегодня говорили не объ отбываніи политическими воинской повинности, а о томъ, какая же сторона вноситъ политику въ армію? Правительство — какъ это доказывала оппозиція, или оппозиція, какъ доказывало правительство?

Мысль правительства была проста.

Ей поручена охрана арміи отъ тлетворнаго вліянія пропаганды. Лица, отданныя подъ надзоръ полиціи, отбывая повинность, вносятъ въ свою часть „революціонизирующее вліянiе анти-государственной идеи“, и поэтому необходимо пресѣчь это зло. Оппозиція говорила: армія стала объектомъ пропаганды уже давно — но со стороны самого правительства. Лишая возможности гражданина отбывать воинскую повинность, его этимъ лишаютъ права, а не обязанности. А права лишать можно только по суду, а не по подозрѣнію.

Партійное отношеніе къ вопросу было очень любопытно, и эсдеки получили очень справедливый упрекъ отъ безпартійнаго Караулова въ непослѣдовательности.

Появленіе Зурабова вызываетъ сенсацію. Когда онъ поднимается на трибуну, лѣвая гудитъ, точно перетревоженный улей, правая хмурится, а Головинъ болѣе обычнаго настораживается.

Зурабовъ становится, очевидно, специалистомъ по военнымъ вопросамъ.

Онъ сказалъ довольно дѣльную рѣчь, но его исходная точка, какъ социаль-демократа, была узко-партійная.

Карауловъ говоритъ, что армію надо сдѣлать не внѣпартійной, а поставить ее надъ партіями.

Онъ сыпалъ обвиненіями направо и налево. Онъ упрекалъ и лѣвыхъ, и правыхъ. Говорилъ, что надо дать арміи оружіе для борьбы съ пропагандой, разумѣя не штыкъ, а сознательность. Онъ рассказывалъ очень картинно, какъ въ его пулеметной ротѣ, которою онъ командовалъ на войнѣ, не было ни одной „бумажки“, и потому только, что онъ самъ все разъяснялъ солдатамъ.

Ему очень долго апплодировали.

Специалистъ по вопросу права и силы, Кузьминъ-Караваевъ закончилъ пренія осужденіемъ законопроекта. Онъ громко напомнилъ, что армія не должна сама рѣшать никакихъ вопросовъ права, потому что армія, это воплощенная сила—и поэтому опасно, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, вводить вопросы политики въ нее.

При голосованіи за законопроектъ встало только нѣсколько человекъ правыхъ,—и товарищи министра удалились.

Думѣ это занесено въ пассивъ.

— Сегодня Дума дала намъ оружіе противъ себя — торжествовалъ одинъ правый въ кулуарахъ — развѣ это рѣшеніе не

выше попустительства революціи? Ага, кадеты обрадовались и показали себя. — И поляки, эти исконные враги нашей арміи также подложили свинью москалямъ... Дайте срокъ... увидимъ...

Болѣе корректные изъ нихъ говорили:

— Министерскій проектъ будетъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ... Это несомнѣнно. А тамъ, въ согласительной комисіи—поглядимъ...

Вотъ подите же: одни говорятъ: увидимъ—другіе: поглядимъ... Бѣдная Дума! Даже чисто законодательная, дѣловая работа не помогаетъ — и ты не можешь подчинить судьбу себѣ, а должна сама ей подчиняться.

XXIX.

— Полный ходъ! — кричитъ съ капитанскаго мостика въ машину командиръ—полный! Надо пройти отмѣченныя на картѣ подводныя скалы и войти въ гавань до бури!.,

Въ Думѣ опять запросъ...

Изъ всѣхъ щелей лѣзутъ всѣ эти назойливые запросы о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ.

Сегодня передъ засѣданіемъ пришлось бесѣдовать съ депутатами, преимущественно—кавказцами, по поводу обсуждаемаго въ сегодняшнемъ засѣданіи запроса о дѣйствіяхъ карательнаго отряда въ Ланчхутахъ. Запросъ былъ внесенъ еще 10 апрѣля его обогнали уже другіе срочные запросы, за нимъ тянутся десятки другихъ, а онъ все-таки довольно долго обсуждался и отнялъ часть дорогого времени.

Во время разговора съ депутатами, мы указывали на тотъ фактъ, что уже три мѣсяца Дума работает и, кромѣ отмѣны полевыхъ судовъ, погибшихъ, впрочемъ, естественной смертью, Дума не издала ни одного важнаго законопроекта.

Точно напомнимъ или, вѣрнѣе, укоризною стоялъ списокъ законопроектовъ, очень важныхъ; но о нихъ даже не начинали говорить. Гдѣ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, новомъ избирательномъ правѣ, земскомъ самоуправленіи?

Свободное время уходило и уходитъ на запросы, на рѣчи по поводу запросовъ.

— Мы открываемъ глаза населенію на дѣйствія властей,—горячатся кавказцы.

— О, Боже мой, да они у него давно раскрыты..—вворачивает журналистъ изъ критикановъ.

У меня лично есть опытъ первой Думы, когда она буквально завязла въ запросахъ. Я помню, тристапятидесятый запросъ поспешил тогда, когда Дума раскусывала девяностый.

Я подѣлился этимъ грустнымъ опытомъ съ депутатами.

— Что же дѣлать... Что же дѣлать: вѣдь нельзя закрывать глазъ на то, что дѣлается... Къ намъ летятъ со всѣхъ концовъ жалобы.

Сегодня разбирали запросъ о дѣйствіяхъ карательной экспедиціи. Матеріаль къ этому запросу уже обсуждался мѣсяцъ тому назадъ, и онъ оставилъ послѣ себя большое впечатлѣніе.

Отвѣчалъ на запросъ представитель намѣстника на Кавказѣ баронъ Нольде. На трибуну поднялся старый бюрократъ, съ длинной сѣдой бородой, и началъ рѣчь.

Онъ уже говорилъ, когда всѣ думали, что онъ молчить... Вслушиваемся, ничего не слышно: какое-то жужжанье, отдѣльныя слова. Головинъ весь превратился въ слухъ, но и по его лицу видно, что онъ совсѣмъ мало можетъ слышать изъ этой рѣчи.

Съ верхнихъ скамьей спускаются депутаты: они столпились плотной стѣной внизу, слушаютъ и недоумѣваютъ.

Къ намъ доносятся отдѣльныя слова, по которымъ можно судить, что баронъ оправдываетъ дѣйствія начальника экспедиціи.

Мы, кромѣ отдѣльныхъ словъ, ничего не слышали. На лицахъ депутатовъ недоумѣніе.

— Это онъ говоритъ такъ тихо для того, чтобы ему не могли возражать, ибо *на что* тутъ возразить? — шутили у насъ въ ложѣ.

— Это обструкція!—говоритъ другой—это значитъ—отказываться отъ объясненій...

Баронъ окончилъ и торжественно усѣлся на свое мѣсто.

Зурабовъ отвѣчалъ первый. Головинъ сталъ еще внимательнѣе: вѣдь, и тутъ разговоръ могъ коснуться дѣйствій войскъ.

Но Зурабовъ теперь сдержанъ. Онъ устанавливаетъ только трогательное единство между письмомъ въ „Нов. Вр.“ полковника Толмачева, начальника экспедиціи, и рѣчью барона Нольде. Послѣдняя есть лишь повтореніе перваго: это значитъ, что выслушана была только сторона—и что показаній потерпѣвшихъ не имѣется.

Затѣмъ онъ описывалъ событіе въ Ланчхутахъ.

Правые поднимаютъ крики, когда онъ особенно сильно характеризуетъ все это.

— Ложь, ложь—несется оттуда.

— Обратитесь въ канцелярію начальника, и вамъ скажутъ, есть ли такія жалобы—спокойно говорить Зурабовъ.

Когда онъ говоритъ, что виновники всѣхъ насилій надъ населеніемъ остались безъ наказанія, и здравствуютъ и понынѣ, справа кричатъ.

— Слава Богу! Вы ихъ еще не убили!?

Словомъ, все шло какъ по-писанному. Правые въ одинъ голосъ заявляли о своемъ полномъ удовлетвореніи объясненіями барона Нольде, лѣвые—о полномъ неудовлетвореніи.

Центръ многозначительно молчалъ. Въ нужную минуту былъ внесенъ переходъ къ дѣламъ отъ имени кадетовъ, и, несмотря на голосованіе всѣхъ лѣвыхъ и трехъ правыхъ — Синадино, Крупенскаго и епископа Платона,—эта формула была принята.

Такъ всегда почти бываетъ: равнодѣйствующая между лѣвыми и правыми двигаетъ ими и переставляетъ ихъ куда ей угодно. Она заставляетъ правыхъ со скрежетомъ зубнымъ голосовать за кадетскія предложенія, умѣетъ привлечь къ себѣ національныя группы и безпартійныхъ, а октябристами играетъ, какъ пѣшкой, бросая ихъ куда угодно.

Послѣ этого пошли дальнѣйшіе запросы. Говорилъ князь Васильчиковъ, и его встрѣчали ироническими возгласами. Говорили о немъ много лѣвыхъ и правыхъ, а центръ отмалчивался.

Это становилось занимательной демонстраціей по поводу дѣловитости и рѣчистости партій.

Партія народной свободы дѣлаетъ громадныя усилія, чтобы своею работоспособностью спасти идею народнаго представительства.

Вѣдь при настоящемъ положеніи вещей, это единственное, что спасти еще можно...

XXX

Наконецъ-то! Наконецъ, закончились общіе дебаты по земельному вопросу, огромному, тяжелому, какъ сама земля. Какъ-то не вѣрится даже, что больше онъ не будетъ висѣть грозной тучей надъ Думою, что онъ не отниметъ всей этой массы драгоценнаго времени.

Сегодняшняго дня дожидались многіе съ злорадствомъ, многіе съ нетерпѣніемъ. Вопросъ этотъ ворвался въ слишкомъ острую минуту, когда все вокругъ было преисполнено тревоги, и резолюція Думы, какъ отвѣтъ на декларацію правительства, ожидалась правыми съ затаеннымъ злорадствомъ, а лѣвыми съ горячностью.

Биржа шаталась, все больше и больше близясь къ паденію. Въ солидныхъ финансовыхъ кругахъ царило волненіе.

Столыпинъ и Коковцевъ заявили даже, что въ понедѣльникъ они явятся въ бюджетную комиссію для объясненій.

— Помилуйте,—кричали оптимисты—станетъ министръ говорить о своемъ приходѣ въ понедѣльникъ, если онъ предчувствуетъ разгонъ въ субботу?

— Ага, — мрачно хмурились пессимисты, — это повтореніе прошлаго года: та же резолюція по аграрному вопросу, та же тревога, конвульсія биржи, то же обѣщаніе „прийти въ понедѣльникъ“..

Тревога не улеглась еще и сегодня, даже послѣ сегодняшняго благоприятнаго для существованія Думы дня.

Послѣ того, какъ дебаты по аграрному законопроекту рѣшено было прекратить, Дума дала все-таки слово пяти представителямъ тѣхъ фракцій, которыя внесли свои законопроекты. Такъ сказать, финалъ преній заканчивали теоретики партіи.

И вотъ послѣ того, какъ передъ глазами прошли всѣ прошлыя рѣчи всѣхъ представителей разнообразной Россіи; великороссовъ, литовцевъ, хохловъ, казаковъ, киргизъ, сибиряковъ, нѣмцевъ-колонистовъ; послѣ знакомства съ земельнымъ бытомъ Польши, Урала, Средней Азіи, центра, Украйны; послѣ столкновенія программъ, начиная отъ крѣпостниковъ стараго режима, кончая социализаціей земли — партійные представители въ часовыхъ рѣчахъ дали всю совокупность своей партійной программы по земельному вопросу.

Каждая партія точно зная свое разворачивала на этой главной твердынѣ нашей Думы—на аграрномъ вопросѣ—и бросала свой лозунгъ. Дебаты сегодняшняго дня не были полемическими ни въ какой своей части, они были чисто программными. Отъ фракціи социаль-революціонеровъ говорилъ Мушенко, выставившій начало социализаціи и уравнительнаго землепользованія. Рѣчи его и представителя трудовиковъ Караваева, были торжественнымъ заявленіемъ общихъ мѣстъ программъ.

Кутлеръ былъ не въ ударѣ. Онъ говорилъ сравнительно не долго: суть его рѣчи заключалась въ твердомъ заявленіи, что партія народной свободы стоитъ на прежнемъ принципѣ принудительнаго отчужденія.

Церетелли поднялъ настроеніе палаты.

Правые кипѣли отъ ярости, когда онъ говорилъ о необходимости конфисковать землю безъ выкупа.

Онъ говорилъ объ идеяхъ революціи и повторилъ нѣсколько довольно заѣзженныхъ формулъ социаль-демократовъ, но онъ произнесъ ихъ такъ красиво, что даже сдержанный центръ апплодировалъ.

Конецъ его рѣчи, гдѣ онъ излагалъ резолюцію своей партіи, былъ встрѣченъ апплодисментами только эс-дековъ, подъ холодъ всей палаты.

Настаетъ минута, когда надо голосовать формулы перехода — и вотъ какъ дѣты ловкимъ обходнымъ движеніемъ снимаютъ съ твердыни аграрнаго вопроса всѣ флаги.

Кизеветтеръ предлагаетъ рѣшить „предварительный“ вопросъ: надо ли, вообще, голосовать резолюцію перехода.

— Къ чему она — резонируетъ онъ — вѣдь, каждая фракція высказалась и въ аграрной комиссіи, и здѣсь, съ трибуны.

Центръ побѣждаетъ. Онъ собираетъ большинство, и это большинство рѣшаетъ снять съ баллотировки всѣ предложенія.

Всы были изумлены неожиданнымъ оборотомъ.

— Значить, опять отсрочка? — говорятъ депутаты между собою.

Атмосфера все еще тревожна и полна какихъ то пугающихъ тѣней.

— Что же, — немудрено — говоритъ Березинъ въ кулуарахъ, — сегодня важный вопросъ, и не мѣшаетъ пугнуть Думу разгономъ. Это стало чьей-то профессіей въ послѣднее время...

Важный вопросъ объ амнистіи предстоить въ субботу, и если ка-деты снова не дадутъ этому вопросу стать острымъ, то Дума зачислитъ еще одинъ день существованія.

XXXI.

Въ полную тревоги атмосферу послѣднихъ думскихъ засѣданій ворвался острый вопросъ объ амнистіи.

Кадетовъ бросало въ жаръ, и они говорили, что проектъ никакого реальнаго значенія имѣть не будетъ, потому что онъ его имѣть не можетъ.

— Зачѣмъ же испытывать судьбу? Что дастъ проектъ странѣ? Новое разочарованіе?

— Велико-ли „испытаніе“—спрашивали мы у лидеров.

И мы слышали единодушный отвѣтъ отъ Тесленко, Пергамента, Долгорукова, что Дума неудержимо дѣлаетъ шаги на встрѣчу своему же концу.

На ихъ лицахъ—не поддѣльное торжество, на лицахъ правыхъ. Всѣ ихъ лидеры намѣрены воспользоваться сегодняшнимъ днемъ, чтобы „расширить и углубить конфликтъ“ между Думою и властью. Формула, какъ видите, заимствованная...

Еще передъ засѣданіемъ распространилась вѣсть о рѣшеніи центра ловкимъ ходомъ сдать этотъ вопросъ въ комиссію и оставить его тамъ лежать до лучшихъ временъ, когда его можно будетъ реализовать.

— На насъ обрушатъ громы небесные—говорить въ кулуарахъ Маклаковъ—будутъ называть цѣну, полученную нами за продажу народныхъ интересовъ, но насъ это мало трогаетъ. Наша партія всегда стояла за амнистію, но развѣ тѣ рѣчи и даже—надо вѣдь сознаться—тѣ рѣшенія, которыя приметъ Дума, это значить рѣшать вопросъ объ амнистіи? Это значить ли дать амнистію измученной странѣ? Это значить отдалять день ея наступленія!

Всѣмъ понятно было, что наступаетъ моментъ психологической, а не политической—и въ этомъ чувствовался большой трагизмъ.

О томъ, что Дума идетъ на встрѣчу своей участи, извѣстно всѣмъ и каждому—но вѣдь было молчаливое соглашеніе всей оппозиціи принять бой только на выгодныхъ для нея условіяхъ, а многіе между тѣмъ стремительно мчались на встрѣчу конфликту, какъ будто за нимъ начинается спасеніе.

Сегодняшнее чутъ ли не молитвенное настроеніе правыхъ реакціонеровъ, всѣ эти зримые уже простымъ глазомъ подземные мины подъ парламентъ, могли достаточно убѣдить въ томъ, что и имъ выгодно обсужденіе вопроса.

Лѣвые рѣшительно заявляли:

— Все равно, не законопроектъ объ амнистіи, такъ отмѣна общины. Не аграрная резолюція, такъ бюджетъ, не бюджетъ, такъ автономія. Всѣ наши дѣянія расцѣнены, и росписаны по графамъ. Скоро подведутъ итогъ.

Въ кулуарахъ горячо спорили.

— Вы въ сущности поддались осаждающему непріятелю.

Васъ взяли таки изморомъ. Вотъ сегодня васъ вызываютъ на вылазку, а вы идете, точно спѣые.

— Подкрѣпленій нѣтъ ни откуда.

— Ого! А кто все время кричалъ о подкрѣпленіи?

— Вы намъ не давали ихъ организовать.

— Изъ осажденной крѣпости? Захотѣли... Вотъ Алексинскій какъ Гамбетта полетѣлъ изъ Думы на воздушномъ шарѣ. Посмотримъ, что-то онъ привезетъ намъ.

— Развѣ вы не видите, что вся лѣвая половина Думы сознательно идетъ на провокацію?—говоритъ мнѣ, волнуясь, бывшій депутатъ-ка-детъ, а теперь скромный журналистъ,— посмотрите на лѣвыхъ и правыхъ. Развѣ этотъ анти-естественный союзъ при голосованіи вопроса объ амнистіи не открываетъ глазъ на положеніе, въ которое поставлена Дума этимъ законопроектомъ? Ясное дѣло, что лѣвые подрубаютъ сукъ, на которомъ они сидятъ, а правые съ увлеченіемъ имъ въ этомъ помогаютъ...

Въ кулуарахъ идетъ спѣшный митингъ; до этого момента всѣ собирались по фракціямъ, а въ настоящій моментъ, передъ боемъ, шла точно легкая перестрѣлка, словесная стычка въ кулуарахъ между лѣвыми и ка-детами.

Правые даже не затрудняются скрывать своего торжества: едва скрытая усмѣшка Варунъ-Секрета и полный холодной, торжествующей злости видъ Шульгина говорили, что правые осуществили таки свою желанную мысль и подтянули Думу подъ ударъ.

Я интересовался лѣвыми, которые сегодня похожи на людей, рѣшившихся разрѣшить, наконецъ, гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“.

Было ясно, что, втягивая Думу въ дебаты по такому острому вопросу во время, полное самыхъ тревожныхъ ожиданій, они знали, что бросаютъ свои слова на чашку вѣсовъ, перетягивающихъ „не быть“. И все-таки они сознательно шли на это.

— Дѣло обстоитъ просто,—говоритъ Долгополовъ,—насъ пугали до сихъ поръ, насъ гипнотизировали. Довольно, наконецъ... Пора взглянуть въ глаза опасности: если мы сегодня рѣшимъ свою судьбу, то пусть она будетъ достойной...

— Будетъ ли она *понятной* народу?“.

— Будетъ, повѣрьте... А если произойдетъ что-либо непонятное, мы ему разъясимъ все..

— Мы не можемъ иначе,—говорилъ, очень волнуясь, Карташевъ, это выше человѣческихъ силъ: ждать своей судьбы, точно приговоренные. Пойдемъ же ей на встрѣчу.

— Вы имѣете въ своихъ рукахъ судьбу народа на много лѣтъ, надо все взвѣшивать—замѣчаютъ ему... Этому развѣ надо идти навстрѣчу?

— Дума должна перестать бояться, или перестать быть—возражаетъ тотъ.

— Васъ взяли изморомъ, и вы дѣлаете попытку отчаянія...

Спорять, шумять, убѣждаютъ, пока еще не поздно. Особенной атакѣ подвергаются безпартийныя группы мусульманъ и казаковъ. Небольшая часть и тѣхъ, и другихъ поддерживаютъ лѣвыхъ.

Ка-деты отсутствуютъ. Изъ залы ихъ фракціи вышли Милюковъ и Набоковъ—и скромно сѣли на свой наблюдательный пунктъ въ ложѣ журналистовъ. Какъ всякій главнокомандующій, Милюковъ самъ не сражается.

— Навѣрно, что-либо придумано для похоронъ законопроекта объ амнистіи на сегодняшній день; не даромъ у Милюкова такой безмятежный видъ...—говоритъ одинъ изъ журналистовъ.

— О, это выдержанный, англизированный политикъ,—говоритъ другой—онъ чувствуетъ, что на него глядятъ.

Показались и ка-деты. Центръ заполняется. Маклаковъ еще горячо о чемъ-то говорить съ Капустинымъ. Наша ложа иронизируетъ насчетъ этого сосѣдства, а нѣкоторые записываютъ это въ книжечку.

Головинъ, очень осунувшійся, говорить устало. Тревоги сильно его истомившія, нападки справа и слѣва, тяжелая отвѣтственность—все это придавило этого энергичнаго человѣка... Чувствуется, какъ онъ усиліемъ воли стряхиваетъ съ себя апатію, либо усталось и сидитъ на своемъ возвышеніи, „добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“.

На скамьѣ правительства министры; появились и военные, занимающіе всю вторую скамью. Это—изъ совѣта государственной обороны.

Лѣвые знаютъ, что среди правыхъ разладъ: часть непримиримыхъ хочетъ голосовать вмѣстѣ съ крайними, чтобы воспользоваться случаемъ, дать побѣду сторонникамъ амнистіи и, такимъ образомъ, покончить съ Думой.

Это правые-то, говорившіе, что Игнатій Лойола долженъ поучиться у ка-детовъ! Гдѣ же, на чьей сторонѣ политическій іезуитизмъ? Кто же это преподноситъ больному подъ видомъ лекарства ядъ?

Щегловитовъ давалъ свои соображенія по поводу законопроекта. Ихъ незачѣмъ подробно приводить. Тамъ были и внушительные намеки на послѣдствія, вызываемыя вступленіемъ Думы на незаконномѣрный путь.

Его слушали безъ особаго вниманія. Все равно, ка-деты и безъ его словъ рѣшили гильотинировать законопроектъ.

Есть въ Думѣ хитроумная машина, приводящая въ движеніе тяжелый ножъ для удара.

Это—наказъ.

Ка-деты поставили его на трибуну, подвели законопроектъ, прочитали ему приговоръ—резолюцію и дали знакъ...

Лѣвые и правые бросились на защиту, но было уже поздно. Они стояли за стѣной желѣзныхъ аргументовъ и жѣлезной необходимости политики.

Головинъ безстрастно спросилъ: желаетъ ли Дума передать вопросъ для *предварительнаго* обсужденія въ комиссію?

Ножъ опустился.

Встали только часть правыхъ и умѣренныхъ и лѣвые, безъ трудовиковъ. Центръ и трудовики голосовали вмѣстѣ.

Какъ только голосованіе установило передачу въ комиссію законопроекта, на трибуну взошелъ Гессенъ для доклада по законопроекту о мѣстномъ судѣ, а большинство депутатовъ бросилось изъ зала засѣданій въ кулуары. Еще во время самаго голосованія я не видѣлъ еще, чтобы залъ такъ волновался. Образовывались группы, шумѣли, громко кричали, спорили... Звонкомъ былъ заглушенъ. Слѣва на трудовиковъ сыпались упреки градомъ

Въ кулуарахъ шла ожесточенная схватка.

— Вы сами провалили свой законопроектъ—кричали крайніе Булату, члену совѣта трудовиковъ—у насъ было большинство, вы измѣнили намъ. Трудовая группа должна покончить со своей политикой шатанія.

— Позвольте,—защищался тотъ,—мы не можемъ отвергать передачу въ комиссію законопроекта, нами же начатаго.

— Въ комиссію? Подъ сукно? Помогать хоронить законопроектъ?—раздавалась дробь...

— Если вы сами передаете законопроектъ въ комиссію для обсужденія вопроса о юридическомъ его обоснованіи—значить, вы сами сомнѣваетесь и даете оружіе въ руки врагамъ его,—говорить Зурабовъ трудовикамъ.

— Хороши инициаторы законопроекта—негодуетъ М якотинъ,—сами голосуютъ противъ себя.—Да вы бы лучше уступили инициативу другой партіи, а не губили собственнаго дѣла.

— Дайте срокъ,—утѣшалъ Березинъ,—вопросъ черезъ недѣлю вернется изъ комиссіи въ Думу, тогда мы его подробно обсудимъ.

— Тогда надъ нимъ пропоютъ вѣчную память, тогда будетъ восьмой день кончины.

Многіе справедливо указывали на то, что юридическая комиссія трудовой группы, въ которой работали выдающіеся юристы съ Л. А. Базуновымъ во главѣ, признала вопросъ въ компетенціи Думы, и съ этой стороны законопроектъ былъ авторитетно обоснованъ.

Бѣдные трудовики терялись подъ всѣми этими обвиненіями. Несмотря на политичный смыслъ своего рѣшенія, сами они толкомъ не могли себѣ объяснить, какъ это они голосовали съ кадетами, противъ народниковъ.

Маклаковъ утѣшалъ ихъ тонкостями своихъ юридическихъ разсужденій, но трудовики были удручены: а не сдѣлали ли они ошибки и не поступились ли они во имя тактичскихъ соображеній своей горячей жадной амнистіи?

Какъ бы тамъ ни было, но кадеты одержали побѣду.

Оба подводныхъ камня—аграрная резолюція и амнистія,—они благополучно миновали, и думскій корабль разсѣкаетъ бумажныя волны сотенъ законопроектовъ.

Даже министры были удивлены тѣмъ умѣніемъ, съ которымъ центръ велъ засѣданія. Все шло по ниточкѣ; рѣчи, заявленія, резолюціи—стройно проходили передъ глазами. Съ правыми кадеты дѣлали, что угодно: присоединяли ихъ къ себѣ, отбрасывали къ лѣвымъ, оставляли въ одиночествѣ.

Правые заявили о своемъ отказѣ отъ выборовъ въ комиссію. Церетелли на лету подхватилъ эту мысль и, съ своей стороны, заявилъ:

— И наша партія,—по совершенно противоположнымъ мотивамъ—также воздерживается отъ выборовъ.

Къ этому законопроекту Дума вернется еще черезъ недѣлю, но судьба его рѣшена заранѣе: большинство выскажется про-

тивъ него—не по принципіальнымъ, а по политическимъ соображеніямъ.

Для того обвинительнаго акта, который теперь составляется противъ Думы лѣвыми, этотъ пунктъ даетъ обвиненію матеріаль.

А биржа все хмурится. Финансовые круги что то соображаютъ и высчитываютъ. Говорятъ о спекуляціяхъ на парижскомъ рынкѣ, о паденіи бумагъ. Изъ деревни идутъ невеселыя вѣсти.

Терроръ усиливается. Ожесточеніе и заблужденіе растутъ съ каждымъ часомъ. Царить общее неудовлетвореніе.

А положи руку на сердце, развѣ можно сказать, что думская работа сегодняшняго дня кого-либо удовлетворила! И прежде всего побѣдителей... Я слышалъ это отъ многихъ.

XXXII.

Въ законодательномъ отдѣлѣ думской канцеляріи почти цѣликомъ разработаны наиболѣе существенные законопроекты, бюджетная коммиссія заканчиваетъ роспись и, кажется, что для органической работы матеріаль будетъ. А послѣдняя становится все болѣе и болѣе тѣмъ миражемъ, который является передъ глазами изнывающаго въ пустынѣ путешественника.

Характерно, что говорятъ теперь не только о роспускѣ Думы, но и объ измѣненіи избирательнаго закона, т. е. о нарушеніи конституціи, которая все время мерещилась кадетамъ, проще же говоря, о продолженіи прежней политики самодержавія, которое „осталось такимъ, какъ было встарь“.

А что это будетъ, ясно уже изъ отходной, которую Меньшиковъ читаетъ Думѣ.

„Роспускъ парламента есть конституціонное право монарха, а отмѣна гибельной статьи, ошибкой проникшей въ основные законы, есть не только право, но и долгъ той власти, которая эти основные законы даровала. Измѣненіе одной статьи вовсе не есть отмѣна конституціи. Это всего лишь необходимый ремонтъ, который всюду неизбѣженъ и всюду считается за укрѣпленіе зданія, а не за разрушеніе его.

Основные законы вовсе не есть договоръ, сколько бы софистики ни тратили еврейскіе публицисты, старающіеся опутать нашу власть контрактами. Ложь, повторенная миллионъ разъ, будто конституція наша *отнята* у короны, — остается ложью. Въ созданіи акта нашей конституціи не было договаривающихся

сторонъ. Была одна сторона, котсрая сочла за благо установить нѣкоторые принципы съ намѣреніемъ ихъ держаться“.

И наряду съ этимъ кадетскій лейбъ-органъ, въ припадкѣ какого-то непонятнаго ослѣпленія обращается къ власти съ предложеніемъ „пасть ницъ передъ Думой и исповѣдаться ей въ своихъ прегрѣшеніяхъ“. Я приведу эту забавную цитату:

„Падите ницъ передъ единственной мерцающей искрой общественной воли, общественной мысли, общественной совѣсти, передъ русской Думой, не гнушайтесь ея рубищемъ, ея прорѣхами и заплатами, вами же сдѣланными и положенными. Дайте искрѣ разгорѣться въ яркій огонь, поставьте высоко этотъ свѣточъ надъ всей землей, не ее исповѣдайте, а ей исповѣдайтесь скорѣе во всѣхъ грѣхахъ вашихъ! И тогда, быть можетъ, новое пламя пойдетъ отъ центра, освѣтитъ и согрѣетъ землю, разсѣетъ вредныя испаренія, пробудитъ совѣсть, злой волѣ дастъ добрый выходъ и ядъ обратитъ въ лѣкарство.

Вы не можете понять этого умома! Поймите хоть сердцама. Сдѣлайте опытъ: можетъ быть, и окажется, что вамъ неудобно было ходить до сихъ поръ, потому что вы ходили на головѣ. Попробуйте встать на ноги, какъ дѣлалъ до васъ весь свѣтъ. Можетъ быть, будетъ лучше“.

XXXIII.

Сорр de grace!. Сегодня правительство передъ лицомъ всего міра высказало свой предлогъ къ разгону Думы. Неизбѣжное свершается: чувствуется близость конца.

Засѣданіе должно было быть посвящено дебатамъ о мѣстномъ судѣ, но предсѣдатель Думы получилъ отъ Столыпина увѣдомленіе, что онъ желаетъ сдѣлать экстренное сообщеніе въ закрытомъ засѣданіи. Столыпинъ явился вмѣстѣ съ Щегловитовымъ и Камышанскимъ—и сухо, холодно предъявилъ Думѣ требованіе о немедленномъ устраниніи всей социаль-демократической фракціи, привлеченной по I ч. 102 ст., при чемъ шестнадцать депутатовъ должны были быть немедленно арестованы.

Дума должна была сама на себя наложить руки!

Камышанскій прочиталъ постановленіе судебного слѣдователя Зайцева, въ которомъ были формулированы всѣ слабыя данныя какъ о виновности шестнадцати депутатовъ, такъ и всей фракціи, подготовлявшей государственный переворотъ.

Головинъ заявилъ, что предложеніе правительства по существу обсуждаться не можетъ, а могутъ быть допущены пренія только по вопросу о направленіи вопроса.

Лѣвые ясно поняли, что предстоитъ теперь. Ихъ рѣшеніе было непоколебимо. О выдачѣ никто не заикался.

Но отношеніе кадетъ къ этому вопросу было неопредѣленнымъ: многіе подозрѣвали, что они готовы выбросить за бортъ всю фракцію, лишь бы спасти судно.

Правые злорадствовали.

Въ засѣданіи Пуришкевичъ говорилъ первымъ.

— Намъ вручены—сіялъ онъ—документы чрезвычайной важности, показывающіе, что въ стѣнахъ Думы присутствуютъ лица, обвиняемая въ желаніи ниспровергнуть существующій строй и подкопаться подъ особу Монарха. Постановленіе слѣдователя ясно, отчетливо и прямо. Если мы дѣйствительно законодательное учрежденіе, стремящееся ко благу Россіи, какъ бы мы ни смотрѣли на существо самого блага, мы должны дать странѣ прямой отвѣтъ. Во имя чести народнаго представительства, мы должны отвѣтить, соучастники ли мы тѣхъ, кто обвиняется въ столь ужасномъ преступленіи, или же мы дѣйствительно законодатели.

Говорилъ Родичевъ. Рѣчь его была нервная, онъ говорилъ возбужденно.

— Повидимому,—сказалъ онъ,—есть по отношенію ко многимъ очень вѣсскія, неопровержимыя улики. Но вѣдь судятся не нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, судится цѣлая партія. Тутъ говорили, что въ исторіи не было такого примѣра. Примѣръ былъ: судили жирондистовъ въ 1793 г., которые были отданы подъ судъ всѣ цѣликомъ и казнены!

Справа кричатъ: „о, социалисты не жирондисты“!

Родичевъ продолжаетъ съ прежнимъ подъемомъ говорить, что неизвѣстно, что будетъ: будемъ ли мы завтра живы, но во всякомъ случаѣ достоинство Думы требуетъ, чтобы вопросъ обсуждался спокойно. Но для этого не даютъ времени. А нужно обсудить.

— Мнѣ приходитъ на память римская поговорка: „Кто дорожитъ смысломъ жизни, тотъ не долженъ дорожить жизнью“.

Родичеву отвѣчалъ Сазоновичъ.

— Я расхожусь въ пониманіи момента съ Родичевымъ. Я

понимаю, что происходит чрезвычайное событие, но у насъ различныя представленія о томъ моментѣ, который мы переживаемъ. Что моментъ громадной важности—видно и изъ того, что Родичевъ ссылаясь на аналогичные факты изъ времени французской революціи и упомянулъ 1793 годъ, когда палата требовала изгнанія жирондистовъ. Я заявляю, что Родичевъ допускаетъ принципиальную ошибку. Мы переживаемъ событія, которыя буквально совпадаютъ съ тѣмъ, что Франція переживала въ 1870 году, когда разыгралась кровавая драма коммуны. Мы теперь переживаемъ не политическую, а социальную революцію, которая угрожала Франціи, когда палата депутатовъ какъ одинъ человекъ вотировала примѣненіе самыхъ энергичныхъ мѣръ для подавленія социальнаго движенія, угрожавшаго подорвать самое государство; палата вотировала примѣненіе военно-полевыхъ судовъ, которымъ были преданы 48.600 человекъ. И народъ одобрилъ этотъ судъ.

Слѣва крикъ: «развѣ вы народъ?» Сазоновичъ ударяетъ по кафедрѣ:

— Я именно народъ. Я мужикъ, у меня тридцать десятинъ земли. Я крестьянинъ и профессоръ, мой крестьянскій умъ прошелъ черезъ горнило знаній, котораго я добился съ большимъ трудомъ. И вотъ — мой народный умъ, освѣщенный знаніемъ, требуетъ торжества законности.

— Тѣ, кто дорожатъ идеей народнаго представительства, должны стать на точку зрѣнія государственнаго разума и выдать покушавшихся на разрушеніе государственнаго и общественнаго строя и на существованіе самой династіи.

Соціалдемократы сурово молчали. Они не вмѣшивались въ эту яростную схватку. Среди мертвой тишины говорилъ Церетелли. Онъ заявилъ, что передавать вопросъ въ комиссію не стоитъ: фракція искала сношеній съ народомъ и гордится этимъ.

— Вопросъ о депутатахъ не формальнаго свойства — говоритъ онъ — и не можетъ быть разрѣшенъ ссылкой на параграфы закона. Рѣчь идетъ о судьбахъ народнаго представительства. Здѣсь говорятъ, что внѣ народнаго представительства нѣтъ спасенія; но мы говоримъ, что внѣ связи съ народной массой, внѣ ея организациі, внѣ политическаго ея воспитанія для борьбы съ врагомъ народа, — нѣтъ народнаго представительства. И мы, которыхъ обвиняютъ именно въ этой работѣ политическаго во-

спитанія массъ, заявляемъ, что это обвиненіе наполняетъ гордостью наши сердца и является показателемъ того, что мы честно выполнили возложенную на насъ обязанность. Примѣры того положенія, въ которомъ стоитъ Дума, въ исторіи были, но не тѣ примѣры, на которые ссылались предыдущіе ораторы. Франція переживала такой же примѣръ, когда Наполеонъ, опираясь на штыки, разогналъ парламентъ, и если мы не видимъ здѣсь штыковъ, то только потому, что они стоятъ за этой оградой, и ждутъ мановенія власти, чтобы совершить ту работу, которую сдѣлали французскіе солдаты по приказу Наполеона. И если бы Дума дрогнула передъ этой угрозой, отказавшись отъ правъ, то вы быть можетъ сохраните народное представительство отъ посягательства правительства на народное представительство, но тогда передъ вами станетъ вопросъ: сохраните ли вы такое народное представительство отъ взрыва народнаго гнѣва въ тотъ неизбѣжный моментъ, когда народъ сокрушитъ правительственную власть и поставитъ передъ вами эту альтернативу.

Около полуночи засѣданіе окончилось принятіемъ кадетскаго предложенія о передачѣ вопроса о выдачѣ въ комиссію. Комиссія должна была представить свое заключеніе въ двадцать четыре часа.

Все было ясно до чрезвычайности. „Новое Время“ торжествовало...

— Ага, наконецъ-то!

„Сегодня—злорадствовало оно—Дума очутилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ, отъ котораго она такъ старательно увертывалась съ первыхъ дней нынѣшней сессіи—съ вопросомъ о томъ: служить ли она революціи или законному порядку? Но на сей разъ вопросъ этотъ поставленъ такимъ образомъ, что отказаться отъ прямого и яснаго на него отвѣта, кажется, немислимо“.

Оно не позаботилось даже скрыть политическаго,—а не юридическаго—значенія правительственнаго шага, который она откровенно называла *coup d'etat*. Съ граціознымъ цинизмомъ оно кричало Думѣ: „ага, наконецъ-то умираешь!?“

Даже умѣренное „Слово“ признаетъ, что правительство предъявило Думѣ ультиматумъ въ формѣ рѣзкой, въ формѣ не-

совмѣстимой съ достоинствомъ Думы, ни съ своимъ положеніемъ правительства въ конституціонной монархіи.

„Если это требованіе—пишетъ оно—прикрываетъ предрѣшенный вопросъ о роспускѣ, котораго добиваются крайнія правыя революціонныя партіи, — тѣмъ хуже, потому что правительство этимъ себя только дискредитируетъ. Если оно даже искренно, то такое требованіе ошибочно, потому что по формѣ не конституціонно, не политично и не дальновидно.

Оно не конституціонно, потому что въ конституціонной странѣ нельзя высшему законодательному органу ставить грубую альтернативу: или подчинись моей волѣ, не разсуждая, или ты будешь разогнанъ. Оно не политично, потому что, если уважая себя, Дума отвѣтитъ: я сдѣлаю только то, что я обязана сдѣлать, какъ органъ конституціонный, отвѣтственный передъ страной и соглашусь на то, что признаю справедливымъ, хотя бы это не во всемъ объемѣ сходилось съ требованіемъ правительства, то или придется согласиться на это законное рѣшеніе Думы, или взять на себя отвѣтственность за несправедливый роспускъ Думы.

Оно не дальновидно, потому что правительство идетъ на роспускъ Думы именно въ тотъ моментъ, когда въ Думѣ, въ ея большинствѣ слагаются теченія все болѣе конституціонныя, когда началъ формироваться центръ, когда по всѣмъ, даже самымъ острымъ вопросамъ напримѣръ аграрному, начало брать верхъ болѣе здоровое теченіе. Въ такой благоприятный моментъ разумаго поворота съ внезапнымъ роспускомъ Думы пойдетъ на смарку все уже достигнутое, и снова отбрасывается влѣво то общественное теченіе, въ которомъ благоразуміе стало все болѣе сказываться“.

А черныя заговорщики ликовали уже и называли Думу скопищемъ разбойниковъ, которое будетъ разогнано—слава Богу—не слишкомъ поздно...

XXXIV.

Какой кошмарный день!

Дума умирала... Умирала безъ крика, безъ жалобы... Всѣ понимали, что конецъ наступаетъ...

Когда я подъѣзжалъ къ дворцу—смерть витала уже вокругъ него. Многочисленные агенты мозолили глаза, усиленные на-

ряды полиціи намекали на то, что всё мѣры приняты.

У караульнаго дома офицеръ въ походной формѣ; фельдфебель гвардейской роты принимаетъ приказанія; въ окнахъ гвардейцы съ землистыми лицами.

Все полно чувства тревоги.

Я точно сквозь цѣпь прорвался съ послѣднимъ эшелонѣмъ журналистовъ, еще пропущенныхъ въ Думу.

Въ кулуарахъ смятеніе, у депутатовъ подергиваются мускулы на лицѣ. Кутлеръ, всегда спокойный, окруженный крестьянской толпой челоуѣкъ въ пятьдесятъ, сообщаетъ:

— Отъ насъ потребовали невозможнаго!

— Что же, если отказать, Николай Николаевичъ, что тогда?

— Тогда... все можетъ случиться.

До послѣдней минуты онъ выражался очень тонко.

Болѣе другихъ сдержаны эсъ-деки. Зурабовъ, всегда весело улыбающійся, серьезенъ. Церетелли холоденъ. Ломтатидзе, Герусъ, Салтыковъ курятъ и говорятъ не о томъ, что всѣхъ волнуетъ.

Послѣ дебатовъ весь интересъ сосредоточился на комиссіи. Послѣдняя, составленная изъ кадетовъ и лѣвыхъ, должна была дать отвѣтъ въ 7 час. вечера.

Но всѣ понимали, что въ такой короткій срокъ отвѣта не будетъ: надо было вникнуть въ существо обвиненія и комиссія потребовала все громадное дѣлопроизводство. Засѣданія почти не было: все уходило на перерывы.

А во время этихъ перерывовъ, чего только не рассказывали другъ другу журналисты, русскіе и иностранные наперерывъ.

Говорили о томъ, что комиссія потребуеъ три дня для работы надъ слѣдственнымъ матеріаломъ, а тѣмъ временемъ Дума въ три дня приметъ аграрный законопроектъ.

Будетъ, такимъ образомъ, выиграна очень важная позиція: народъ пойметъ тогда смыслъ отпуска!

Рассказывали о новомъ избирательномъ законѣ, по которому цѣлыя части Имперіи будутъ лишены избирательныхъ правъ, въ томъ числѣ инородцы.

Говорили о диктатурѣ, называли имена, но послѣднее дружно опровергалось.

Къ чему диктатура? Развѣ для того чтобы пугать? Вѣдь надо дать только чрезвычайныя полномочія, а ихъ можно дать и безъ страшныхъ названій. Неудобно и передъ Европой, которая боится этого слова.

Надо было хоть умереть съ достоинствомъ, но партію Родичева хватило только на слова о достойномъ концѣ, а до дѣла она не дошла! Съ перекошенными лицами, дрожащими голосами говорили они о важности законопроекта о мѣстномъ судѣ. Долгоруковъ, возражалъ противъ предложенія лѣвыхъ прекратить пренія:

Фракція, къ которой онъ имѣетъ честь принадлежать, считаетъ, что на этихъ законоположеніяхъ, которыхъ страна ожидаетъ по этому столь наболѣвшему вопросу, слѣдуетъ остановиться возможно подробнѣе и возможно спокойно обсуждать его, не стѣсня себя временемъ.

Три раза шли послѣ этого въ атаку лѣвыя группы, стремясь прекратить пренія, и три раза руководимая кадетами Дума отвергала прекращеніе преній.

Церетелли горячо мотивировалъ предложеніе о прекращеніи преній:

— Дѣло въ томъ,—говорилъ онъ—что въ обычныхъ условіяхъ, конечно, долженъ быть соблюдаемъ обычный порядокъ обсуждения вопроса, и мы, конечно, стояли бы за продолженіе преній во всей ихъ полнотѣ. Но мы переживаемъ моментъ, когда нарушается не только обычный порядокъ обсуждения вопроса, но и совершается покушеніе на самыя основы нашей конституціи. Мы стоимъ, господа народные представители, наканунѣ государственнаго переворота, которымъ намъ грозятъ...

— И вотъ люди, поставившіе намъ альтернативу, завѣдомо для насъ неприемлемую, поставили тѣмъ самымъ вопросомъ о томъ государственномъ переворотѣ, о которомъ я говорилъ. И въ виду того, что можетъ быть завтра эти люди, опираясь на физическую силу, которою они располагаютъ, сдѣлаютъ невозможнымъ для насъ исполнить гражданскую обязанность, возложенную на насъ народомъ.

— Мы должны въ остающееся время сдѣлать все, чтобы использовать тѣ права, которыя добыты кровью народа для осуществленія политической воли этого народа.

— Поэтому отъ имени с.-д. фракціи, отъ имени фракціи трудящихся, отъ имени фракціи народныхъ социалистовъ и дум-

ской группы социалистовъ-революціонеровъ я предлагаю—прекратить пренія по обсуждаемому нами вопросу и перейти къ обсужденію вопроса о бюджетѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ порядкѣ сегодняшняго засѣданія и другіе чрезвычайно важные вопросы—объ отмѣнѣ изданныхъ правительствомъ въ порядкѣ статьи 87...

— Я предлагаю Думѣ обсужденіе этого вопроса поставить на повѣстку и затѣмъ, руководствуясь не соображеніями формальными, не соображеніями о наказѣ, а соображеніями по существу, соображеніями о благѣ народа, которыми Дума обязана руководствоваться, ибо она послана народомъ, поставить на обсужденіе тѣ вопросы, которые покажутъ всему народу, на какой почвѣ въ дѣйствительности созданъ конфликтъ и подготовился государственный переворотъ этими заговорщиками...

А депутатъ Вл. Гессенъ возражалъ на это предложеніе рѣшительнымъ протестомъ.

— Разумѣется—признавался онъ — мы переживаемъ въ настоящее время условія далеко необычныя; но именно при необычныхъ условіяхъ отъ Думы требуется полное самообладаніе и строгое исполненіе долга. То, что намъ предлагается въ настоящее время, несомнѣнно носить характеръ рѣшительно антиконституціонный. Въ предѣлахъ наказа, принятаго Думой, мы не можемъ прервать обсужденіе вопроса и поставить на очередь, приступить къ обсужденію вопроса, который въ настоящее время обсужденію Гос. Думы не подлежитъ.

Вторую атаку велъ Березинъ. Онъ мотивировалъ предложеніе о прекращеніи преній десятью минутами.

— Въ виду того, говорилъ онъ, — что вопросъ о бюджетѣ является центромъ политической жизни страны, мы предлагаемъ сократить пренія по вопросу о реформѣ суда и перейти къ вопросу о бюджетѣ. Мы руководствуемся тѣми соображеніями, что если самое существованіе Думы подвергается опасности со стороны тѣхъ, которые не останавливаются передъ нарушеніемъ основныхъ законовъ, то вопросъ о реформѣ суда не имѣетъ за собой почвы до тѣхъ поръ, пока эти посягательства на основные законы не будутъ прекращены.

Пуришкевичъ возражалъ указаніемъ на то, что необходимо высказать все, что накопилось на душѣ ораторовъ по вопросу о мѣстномъ судѣ, и онъ поэтому всецѣло присоединяется къ мнѣнію Гессена.

А когда въ третій разъ Архангельскій снова поддерживалъ предложеніе о прекращеніи преній указаніемъ на грядущій государственный переворотъ, Головинъ недоумѣвающе замѣтилъ:

— Нѣтъ никакихъ основаній говорить о томъ, что мы накануне государственнаго переворота. Прошу васъ не касаться этого вопроса, такъ какъ онъ не подлежитъ обсужденію Думы.

Это была самая печальная шутка въ исторіи 1907 года...

Стрѣлка неумолимо подвигалась къ шести. Кизеветтеръ отъ лица слѣдственной комиссіи заявилъ, что комиссія разслѣдующая вопросъ о выдачѣ, дастъ свое заключеніе въ понедѣльникъ.

Драгоценное время уходитъ.

Послѣдняя попытка эсдековъ: посвятить вечернее засѣданіе обсужденію бюджета.

Черетелли снова горячо обращается къ палатѣ:

— Если вы, господа народные представители, хотите оказать на высотѣ историческаго положенія, хотите выполнить историческую миссію, которую возложилъ на васъ избравшій васъ народъ, то вы должны въ этотъ моментъ, моментъ накануне государственнаго переворота, поставить въ порядокъ дня обсужденіе насущнѣйшихъ вопросовъ народной жизни, поставить ихъ въ порядокъ дня въ тотъ моментъ, когда правительство по безсмертному выраженію Карла Маркса, поставило „штыкъ въ порядокъ дня“.

Джапаридзе, котораго фракція щадить, зная какъ дорого обходится для него каждое выступленіе, пробуетъ предложить рассмотреть вопросъ, стоящій на повѣсткѣ дня — докладъ бюджетной комиссіи.

— Дума разрѣшить этотъ вопросъ такъ, какъ этого требуетъ интересъ современнаго момента—доказываетъ онъ, не вѣря въ возможность переубѣдить упрямое большинство, но не желая сдаваться до конца.

Большинство выставляетъ Струве и онъ даетъ послѣдній ударъ умирающему льву:

— Конечно, если вы желаете искать поводовъ, чтобы устроить вечернее засѣданіе и произносить тамъ громкія рѣчи, то вы по какому угодно поводу можете устроить его; но если вы желаете до конца сохранить спокойствіе и помнить о лежащихъ на васъ задачахъ, то вы такимъ образомъ поступать не будете.

Засѣданіе закрывается.

Депутаты словно нехотя покидаютъ ярко освѣщенный залъ „Обреченные“ спокойно идутъ къ выходу.

На улицѣ густыми массами шпионы. Слѣжка самая наглая. За обреченными идутъ по пятамъ... Зрѣлище тяжелое и отвратительное...

До конца пришлось испить чашу униженія... Ночью послѣ окончанія засѣданія слѣдственной комиссіи четыре кадета: П. Б. Стурве, В. А. Маклаковъ, С. Н. Булгаковъ и М. В. Челноковъ предприняли паломничество къ Столыпину. Джентельменъ-премьеръ принялъ ихъ, и на всѣ горячія слова Маклакова холодно и настойчиво отвѣчалъ:

— Тутъ былъ настоящій государственный заговоръ!

Джентельменъ-министръ и самъ не могъ уже повернуть обратно колеса тяжелой реакціонной машины... Да еще вопросъ: вѣриль ли онъ въ слезы и раскаянія Генриха, пришедшаго въ Капоссу? Онъ вѣдь зналъ, что Генрихъ въ рубищѣ, Генрихъ, молящій о прощеніи, лепѣтъ въ сердцѣ своемъ мысль: отплатить жестоко за свое униженіе!

Утромъ раздавали листокъ съ Манифестомъ.

Дума распущена, избирательный законъ измѣненъ: все совершено какъ по писанному.

Воскресная толпа безъ всякаго видимаго волненія читала этотъ листокъ.

Прошелъ день-другой... отовсюда шли вѣсти: народъ безмолвствуетъ... Часть депутатовъ сидѣла уже въ тюрьмѣ. Эти народные представители освятили своимъ заключеніемъ дальнѣйшую борьбу за свободу. Часть депутатовъ разъѣхалась уже, а часть уже отпраздновала свою побѣду.

Уѣзжалъ и депутатъ-крестьянинъ того села, гдѣ мнѣ пришлось жить въ памятный мнѣ черный годъ и гдѣ я впервые столкнулся съ народомъ и научился страдать его горемъ.

— Тяжело ѣхать... Что сказать дома: опять на новую Думу надѣяться, или на себя только одного?

— Скажите имъ про все, что вы видѣли въ эти сто три дня...

— Да... Все сызнова начинать надо... Надо бы на деревню для чтенія что-либо хорошаго привезти... Посерьезнѣе, да потолще, изъ исторіи другихъ народовъ, какъ свободу добывали.

Я посовѣтоваль ему нѣсколько названій.

А отъ себя я подарилъ моему депутату книгу Гюго:

„Исторія одного преступленія“.

Изданія „Новаго Міра“

- Ф. Дань. Всенародное учредительное собрание Ц. 10 к.
" Государственная Дума и социаль-демократія . Ц. 5 к.
П. Б. Аксельродъ. Двѣ тактики Ц. 30 к.
" Государственная Дума и рабочій
съѣздъ Ц. 20 к.
Л. Мартовъ. Новый законъ Ц. 2 к.
" Избирательныя соглашенія Ц. 7 к.
Н. Троцкий. Одна или двѣ палаты Ц. 5 к.
" Конституція освобожденцевъ Ц. 5 к.
К. Каутскій. Государственная Дума Ц. 3 к.

Изданія „Практикъ“

- Эльмаръ. (Л. Мартовъ). Народъ и Государственная Дума. Ц. 5 к.

Изданія „Гудокъ“

- Дань. Новый избирательный законъ Ц. 15 к.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ МІРЪ“

1) Книгоиздательство „Новый Миръ“ высылаетъ книги только по полученіи 10% задатка, за наличн. расчетъ (налож. платежемъ).

2) Книжные магазины пользуются скидкой въ размѣръ 30%.

3) Пересылка на счетъ покупателей. Упаковка безплатная.

4) Частныя лица, выписывающія изъ главнаго склада: С.-Петербургъ, Невскій, 92, на 2 р. и больше, за пересылку не платятъ.

Каталоги высылаются по первому требованію.

Имѣется въ продажѣ
3-е изданіе книги

ТОГО ЖЕ АВТОРА

.....72 ДНЯ.....

ПЕРВАГО РУССКАГО ПАРЛАМЕНТА.

Цѣна 50 коп.

Главный складъ изданій:

*„Думская Трибуна“ у В. М. Дрейцера,
Невскій пр. 114, кв. 24.*

Телефонъ № 49—69.

